

TOMMY TOBY

*Volume 1
Number 1*

Annotation

В этой книге читатель продолжит знакомство с любимыми героями предыдущей книги английской писательницы Дорин Тови — сиамскими кошками («Кошки в доме»). Мягкий юмор, эмоциональное повествование заинтересуют не только владельцев домашних животных, но и всех любителей природы.

-
- [Doreen Tovey](#)
    -
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
      -

- [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
    -
  - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
    -
-

Doreen Tovey

THE NEW BOY

Иллюстрации О.Келейниковой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В то последнее лето ничто не намекнуло нам о горе, которое уже подстерегало нас.

Правда, осенью Шеба болела. «С почками не порядок», — объявил ветеринар, осмотрев ее. А потом мягко втолковал нам, что она уже кошка в годах и почки у нее заметно увеличены, но лечение и диета, если нам повезет, помогут ей продержаться еще год... Мысль о будущем без Шебы нас просто ошеломила.

В течение тринадцати лет жизнью в нашем коттедже на западе страны дирижировала пара сиамских кошек. Умница Шеба, миниатюрная блюпойнт, хрупкая, как цветочек, и Соломон, ее шумный братец, дюжий силпойнт, наш растяпа клоун.

Каждый дюйм в доме и вокруг хранил память об их проделках. Например, о том, как Шеба играла с нами в

салочки на крыше угольного сарая. Свисает с края и вопит, что она Здесь и чтоб мы не смели входить в дом без нее, Не То Ее схватят Лисицы. Но чуть мы встали на цыпочки и протянули к ней руки, она беззаботно отпрыгнула к другому углу, заявляя: «Ха! Ха! Попались, а?» Она-то Лисиц не боится.

А то Соломон, повернувшись к нам темной спиной, недвижимый, как порог, щурится на калитку, прекрасно зная, что мы следим за ним. Соломон, вечный искатель приключений! Причем, насколько это зависело от него — вне пределов наших владений, для чего выбирал момент, когда нам предстояло уйти. Мы, чтобы не дать ему удрать, следили за ним, что твои телохранители. Вытрешь тарелку, беги к двери, проверь, как он там. Вон — сидит у калитки, Подчеркнуто С нами. У него и в мыслях нет пойти куда-то. Помилуйте, с чего это мы Вздумали Следить За Ним, вопрошала его спина. Но мы-то знали, что он только выжидает удобной минуты, чтобы сиамской молнией исчезнуть, едва мы отведем от него глаза.

Да, конечно, приближалось неизбежное время, когда нам предстояло их потерять. В одном домашние животные предают нас — их жизненный срок короче нашего. Но кошки ведь живут дольше собак, и мы слышали про сиамов — двадцать лет и больше. А наши двое до болезни Шебы не только шагали по жизни с упоением вечных котят, но как будто были юными еще так недавно.

Казалось, стоит протянуть руку, и я прикоснусь к ним тогдашним. В трехмесячном возрасте катаются в тачке по просеке с матерью и братцами, то есть катаются все остальные, а Соломон, рыдая, плетется сзади. В шесть месяцев лежат на нашей кровати вскоре после того, как Шебу стерилизовали. Заинтригованные странным пощелкиванием, мы зажигаем свет — и пожалуйста вам: Соломон в полном расстройстве, что

его застукали, когда он старался помочь ей, скусывая швы. Когда после гибели их матери мы в первый раз отвезли их в Холсток, в приют для сиамских кошек и, уходя, оглянулись, они сидели бок о бок в своей просторной мощеной вольере и печально смотрели нам вслед. Хвосты у них перекрещивались, будто двое детишек держались за руки, чтобы подбодрить друг друга. Миссис Фрэнсис говорила, что в вольере они только так и посиживали.

С тех пор унеслось тринадцать лет, подобно майскому туману под порывами ветра. Кошкам было семь лет, когда мы обзавелись одиннадцатимесячным осленком. А теперь Аннабель и самой сровнялось семь лет. Осталась она такой же непредсказуемой, как и прежде, а из-за ее возраста, слава Богу, можно было не тревожиться: ослы живут по меньшей мере двадцать лет, а нам говорили, что и сорок для них не предел.

Но за кошек я тревожилась. Как самая заядлая в мире пессимистка, тревожилась я за них изначально. Тревожилась, когда они заболели. Тревожилась, если они не мельтешили у меня перед глазами. Во всяком случае, когда не мельтешил Соломон, поскольку Шеба очень редко покидала наш участок. Я ланью мчалась на шум кошачьей драки — а вдруг самый громкий, самый настойчивый вопль (как оно обычно и бывало) испускает Соломон, который первым вступил в бой, а теперь завывает, чтобы я побыстрее явилась к нему на выручку. Иногда я мчалась, когда кошачьей драки не было, вылетала за дверь, вопия: «СОЛОМОН!!!» — и обнаруживала, что просто живущий на холме мальчик репетирует птичьи трели или в Долине приезжие зовут своих собак.

Конечно, возникали неловкости, но меня это мало смущало. Да я бы и на край земли бросилась, лишь бы спасти Соломона. Как, конечно, и Шебу, если бы на то пошло, но Соломона в первую очередь, и не только

потому, что на краю земли скорее всего оказался бы именно он, но еще и потому, что для меня он был самый-самый. На протяжении тринадцати лет всякий раз, когда я видела, как он появляется из-за угла или входит в комнату этой своей небрежно-грациозной походкой, меня поражала его бесподобная красота. Он обладал гордой стройностью Востока, откуда происходил. Мордочка его отливала темным шелком. И пусть его раскосые сапфировые глаза чуть выцвели с годами, все равно таких любящих говорящих глаз я не видела ни у одной кошки.

А самое главное — он был моим другом, именно моим. Если утром вниз первым спускался Чарльз, кто, как не Соломон, несясь вверх по лестнице, точа для утренней зарядки когти о ковровую дорожку. А если я никак не отзывалась на его присутствие, он стучался головой о дверной косяк, пока я все-таки не отзывалась, и тогда ставил хвост торчком в знак приветствия. Шеба, подружка Чарльза, уходила с ним посмотреть, что делается в саду, но Соломон ждал, чтобы я оделась, спускался по лестнице и лишь тогда выходил из дома.

Если вечером меня не оказывалось в наличии, например, я мыла голову, а потом сушила волосы в спальне, вскоре снизу доносился скрип — это он толкал лапами тяжелую дверь гостиной, или же (если она оказывалась запертой на задвижку) раздавалось его громогласное требование, чтобы Чарльз незамедлительно ее открыл. И вот он несется вверх по лестнице. Мордочка сияет восторгом, потому что он меня все-таки отыскал — ведь правда? Как замечательно, возглашало выражение на ней, что он и я снова вместе.

Да, конечно, но иногда я с ужасом думала о будущем. Девятнадцать — двадцать, говорили мы себе, но ему и Шебе уже было тринадцать. Какое горе

приготовила я себе, когда мы его потеряем, и что я буду делать, когда это произойдет?

И вот получалось, что покинет нас Шеба, а если Соломон был для меня номером первым, то Шеба, как я часто ее заверяла, исчислялась для меня девятьсот девяносто девятью тысячными от этой единицы. Просто сердце надрывалось, глядя, как она сидит такая бедненькая, а Соломон во всю мочь старается ее взбодрить, резвится вокруг, будто щенок на паучьих ногах. Он орал, он тыкал ее лапой, он приглашал ее погоняться за ним. Она Больна, тоскливо сообщала ему Шеба. Может быть, он прекратит эту катавасию?

Она страшно похудела и отказывалась есть. Ветеринар назначил лечение и предупредил нас, что ей вредны белки. «Конечно, они составляют естественное кошачье питание, — сказал он, — но плохо действуют на почки». В молодости кошки великолепно себя чувствуют, питаюсь мясом и рыбой, но под старость им полезнее дешевый консервированный кошачий корм, и чем больше в нем круп, тем для Шебы в ее состоянии полезнее. Мы перепробовали шесть сортов, но Шеба и смотреть на них не желала.

В отчаянии, решив, что пока важнее всего заставить ее съесть хоть что-нибудь, мы отложили вопрос о крупяных консервах на потом и вернулись к той пище, которую она предпочитала. И, памятуя о ее повадках, когда она выздоравливала, словно случайно роняли лакомые кусочки перед ней, где бы она в тот момент ни сидела.

Сработал этот прием далеко не сразу. Вначале все кусочки подъедал Соломон, который рыскал по следу, держа голову низко, точно ищейка с моржовыми усами. «Замечательная игра», — сообщил он нам с восторгом. Может, нам требуется, чтобы он выследил еще кусочек курицы? Тем не менее в конце концов мы добились,

чтобы она съела кусочек кроличьего студня с — увы! — сиденья мягкого стула.

В процессе выздоровления кошки становятся очень и очень капризными, когда речь идет о еде. Например, Соломон, оправляясь от тяжкого недуга, соглашался питаться только в оранжерее и только с носка туфли Чарльза. Крабовым паштетом, помню как сейчас. И Чарльз клялся, что от его туфель разило паштетом больше месяца. А один мой знакомый кот для восстановления сил требовал креветок в ванну. Правда, в пустую ванну — он не настолько свихнулся. Но смотреть, как он ест, не дозволялось никому. А креветки должны были возникать перед ним по очереди, или от их вида у него пропадал аппетит. И я была свидетельницей, как его хозяйка часами скорчивалась под краем ванны и бросала в нее креветки — одну... вторую... третью...

Если кто-нибудь вздохнет — как типично для англичан! — и посетует, какими идиотами мы становимся, чуть дело коснется животных, я могу сослаться на мою американскую приятельницу, закаленную создательницу детективных романов, которая как-то добрую часть недели пролежала на животе. Ее кот Робин выздоравливал и соглашался вкушать только свежайшие рубленые бифштексы у нее под кроватью.

Однажды мы вычитали из книги, анализировавшей эту разборчивость, весьма полезный совет раскладывать еду на листах бумаги. Потакайте им, рекомендовал автор, любой ценой постарайтесь заинтересовать их. Болея, они обычно отворачиваются от мисочек, а вот с бумаги едят, потому что это необычно.

Шеба с бумаги есть не стала. «Только с сиденья стула, — сообщила она нам слабеньким голоском. — С того, который за дверью». Только так она способна что-

то проглотить. И пусть мы поторопимся, не то у нее пропадет настроение. Ну, со стула так со стула. А поскольку я недавно обтянула сиденье багряным репсом, зрелище это сердце не радовало, пока я не сообразила накрыть сиденье оставшимся лоскутом и кормить страдалицу с него. Лоскут того же самого багряного репса, чтобы ей казалось, будто она кушает прямо с сиденья. Ведь когда я испробовала полотенце, она посмотрела на меня с грустной укоризной и вновь отказалась есть.

Вот так на студне из кролика, сдобренном глюкозой, Шеба медленно преодолела недуг. Более омерзительную смесь трудно вообразить: липкая, тошнотворно зеленоватая. Но Шеба перешла с нее к крольчатине просто, а от крольчатины к говяжьему фаршу. А затем в один прекрасный день я случайно сделала важное открытие — свиные сердца!

Да, совершенно случайно, так как была уверена, что покупаю овечьи. Я заприметила их в городской мясной лавке, решила, что они могут соблазнить нашу больную, и вошла в дверь.

— Овечьи сердца? Сию минуту! — сказал мясник и брякнул два кровавых кома на вощеную бумагу.

Шеба нашла их восхитительными. И уписывала с наслаждением, какого за ней не замечалось уже несколько лет. Она начала являться на кухню и требовать их во весь голос. Усаживалась возле меня с умильным видом, стоило мне достать мясорубку. И вот, после того как она и Соломон уже несколько месяцев питались ими, по два в неделю на двоих (и пожирали их, точно лесной пожар — сухостой), я вошла в лавку и попросила парочку выставленных в витрине овечьих сердец. Новенькая молодая продавщица возразила:

— Так они же не овечьи, а свиные.

Да, они были свиные, что доказывает, какая я простофиля.

— Ну да, я говорил, что они овечьи, — подтвердил мясник в ответа мои упреки. — Чего покупатель хочет, то я и говорю. Чего зря людей разочаровывать, верно? Им же что свиное, что овечье, что телячье — все едино. В жизни не отличат.

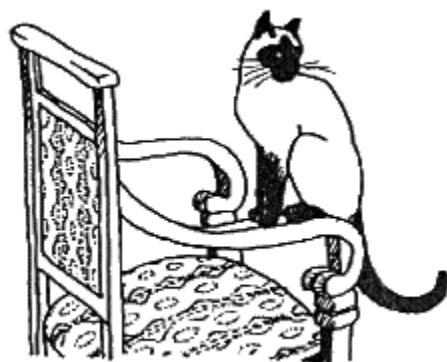
А вот Шеба с Соломоном еще как отличали! Переключенные с места в карьер на овечьи сердца — свинина, как нам постоянно внушали, была им вредна, а они уже месяцы и месяцы питались сырыми свиными сердцами! — наши киски тут же объявили голодовку. Жуткая, Серая, Жирная Дрянь, проворчал Соломон, брезгливо трясая задней ногой над своей миской. И ведь как раз тогда, когда начала выздоравливать, умирающим голоском сказала Шеба, отворачиваясь от своей.

Мы посоветовались со специалистом по кошачьему питанию, и он сказал, что ничего вредного, по его мнению, в свиных сердцах нет, как, впрочем, и ничего специфически полезного. Правда, свиньям часто дают антибиотики, часть которых, возможно, оседает в тканях сердца и, следовательно, в малых дозах может попадать в организм кошки, съевшей такое сердце. И мы вновь вернулись к свиным сердцам. Разумеется, не больше двух в неделю вкупе с рыбой, крольчатинной и говядиной. Наши кошки ели их с наслаждением и явной пользой. И Робин в Америке тоже ел свиные сердца с не меньшим наслаждением и не меньшей пользой. Ну, и мы махнули рукой на крупяную диету для Шебы. В принципе ветеринар был в этом абсолютно прав, сказал специалист, но, когда речь идет о старой кошке, не лучше ли кормить ее тем, чего она хочет? Стоят ли лишние два-три месяца жизни тягостного существования на неприятной ей пище?

И мы, внимательно наблюдая за ее состоянием, продолжали пичкать ее порциями сырого свиного сердца. К Рождеству она начала набирать вес. Весной

снова начала охотиться, а осенью — год спустя после того, как ей было так плохо — она, если судить по ее виду, готова была прожить еще лет двадцать.

Однако горе на нас все равно обрушилось: умер Соломон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы ничего не подозревали. Иногда он выпивал больше воды, чем обычно, и я тревожилась за его почки. Но, с другой стороны, он ведь никогда ни в чем не знал меры. Пил так уж пил. (Да и вообще сиа́мы пьют много.) Ел так уж ел. Крушил все, точно слон в посудной лавке, когда у него возникала потребность резвиться в доме.

Тем не менее мы следили за ним. Ну, может быть, легонькое почечное недомогание, говорили мы себе, но в таком случае, значит, он страдает им годы и годы. Мы не помнили времени, когда бы он, всхрапнув днем в машине, не отправлялся к пруду с золотыми рыбками и, перегнувшись через край, не начинал лакать воду долго-долго и с таким хлюпаньем, что его было слышно в самых дальних уголках сада. И он же не пил

непрерывно, как Шеба, пока она болела. Да и в любом случае почти все кошки страдают почками, когда стареют, и до тех пор, пока расстройство остается легким, оно им нипочем.

Так мы рассуждали и благодарили судьбу за его, казалось, на редкость крепкое здоровье. Он был упитан, шерсть глянцево лоснилась — короче говоря, он выглядел и вел себя как куда более молодой кот.

Я храню много воспоминаний о Соломоне в эти последние месяцы. Например, однажды весной в саду он как будто вздумал вырыть ямку. Земля была твердой — мы с Чарльзом не большие поклонники мотыги, — а потому я выдернула палку, к которой привязывала георгин, и разрыхлила ее. И до Соломона дошло? Во всяком случае, не то, что имела в виду я. Он лишь подозрительно заглянул в ямку, а не прячется ли там мышь?

Или тот случай, когда он таки поймал мышь. Чарльз тогда занимался пчеловодством. Комбинацию из двух кошек, ослицы, Чарльза и пчелиного улья постичь возможно, лишь испробовав на опыте, но об этом я поведаю в свое время. А пока достаточно сказать, что держать пчел — дело отнюдь не такое простое, как иногда думают. У нас один кризис сменялся другим, так что приходилось вызывать специалиста. И наступил как раз такой момент.

За полмесяца Чарльз потерял два роя. Очень скоро, твердил он, у него не останется ни единой пчелы.

Я бы это только приветствовала, но как бы то ни было положение сложилось следующее: специалист должен прибыть с минуты на минуту, Чарльз ожидает его в саду, Соломон оптимистически подстерегает мышей на газоне.

Уже много недель он время от времени посиживал перед зарослями высокой травы у стены. Восседал там в солнечную погоду. Восседал там под дождем. В

последнем случае, опасаясь, как бы он не застудил печень, я приносила туда ящик, ставила стоймя, и в нем, к вящему удивлению прохожих, перед зарослями травы восседал Соломон, исполненный невозмутимости, точно часовой в будке перед Букингемским дворцом. Сам Соломон ничего странного в этом не находил. Именно в такие минуты мышь и убежит, утверждал он.

Но мышь не выбегала. Или же он ее не замечал. Великим охотником Соломон не был, как ни уверял себя в обратном. И тут, в ту самую минуту, когда прибыл специалист по пчелам, Соломон таки сцапал мышь! Прадедушку всех полевок в почтенных летах, такого жирного, что, возможно, он не сумел увернуться. Соломон выволок добычу на середину газона, грозно поглядывая на нас поверх нее, готовый защищать ее от всего мира. Одно притворство, как мы отлично знали. Но именно тогда в калитку вошел специалист по пчелам, а заодно и пылкий любитель всех животных и столпов Общества их защиты! Свирепый косоглазый Соломон собирается пытать мышку, а мы словно бы с полным равнодушием стоим себе в стороне.

— Вы что же, так ее у него и не отберете? — спросил он возмущенно.

Мы бы отобрали, будь она живой, объяснила я. Но эта выглядела мертвой — собственно, мы стояли, проверяя, не шевельнется ли она. А если она все-таки жива, то ее спасение потребует особой стратегии.

— Потому что кот такой свирепый? — спросил специалист по пчелам.

Потому что, объяснила я, мы много лет спасали мышей, приподнимая его за шкурку — осторожно, так, чтобы его передние лапы и туловище повисали в воздухе, но задние опирались на землю. Тогда он ронял мышь, а мы ее подхватывали. Но теперь Соломон наконец понял, что к чему. Когда мы его приподнимали, он вытягивал передние лапы, чтобы самому поймать

падающую добычу, а вдобавок для пущей предосторожности перекусывал ей позвоночник, едва мы ее хватали.

— И она в любом случае погибнет, — объясняла я. — А потому мы ждем, не пошевелится ли она, а тогда, чуть он ее отпустит, мы его схватим, прежде чем он успеет снова ее сцапать.

Соломон, словно в подтверждение, осторожно положил мышь на газон и поглядел на нас.

— Ну, вот видите — она же мертвая, — сказала я умиротворяюще. После чего мышь встала и побрела прочь. Мы бы спасли ее даже тогда, если бы специалист по пчелам бросился к Соломону вместе с нами. Соломон схватил мышь и смерил нас мрачным взглядом. С чувством исполняя роль Пантеры, Отступающей с Добычей (Соломон всегда любил эффектную драматичность), он ускользнул к углу коттеджа, на каждом шагу подозрительно оглядываясь на нас через плечо. И тут, в попытке доказать специалисту по пчелам, что мы были не так черны, как малевал нас Соломон, я махнула рукой на осторожность и бросилась за ним. Ну и, конечно, Соломон мышь прикончил.

Ничего хорошего. Но, что было хуже, когда специалист и Чарльз направились к улью в глубине сада, Соломон подбрасывалдохлую мышь в экстазной сиамской пляске на газоне слева. А когда они вернулись, закончив свое дело, Соломон подбрасывал еще одну, теперь уже справа. И невозможно было сделать вид, будто мышь та же самая. Первая была большой жирной полевкой, а вторая — крохотной бурозубкой. И не только Соломон, редчайший неумеха, когда дело шло о ловле мышей, умудрился в первый и последний раз в жизни изловить две за десять минут, как уныло указал потом Чарльз, но ему обязательно надо было проделать это на глазах такого поклонника Природы, что он, возясь с пчелами, даже не надевал

перчаток. (Если они будут жалить его открытые руки, очень серьезно объяснил он Чарльзу, это не обязательно грозит им гибелью, но если жало вонзится в кожу перчаток, то оно будет вырвано, а это — смерть.)

Вот такая картина. Соломон охотится на мышей, допекает Шебу, отправляется на прогулки... Всего за несколько недель до его смерти Долину затопило, и тогда не было ни малейших признаков, что с ним что-то не так.

Все началось с ужасающей грозы. Наши кошки, следуя нашему примеру, не обращали на нее ни малейшего внимания, но мы хорошо знали, что выше на склоне холма мисс Уэллингтон уже поспешает в свой чуланчик вместе с кошками и прочим. Я попыталась позвонить ей, чтобы поддержать морально, но никто не ответил.

— Свихнутая старушенция, — сказал наш сосед старик Адамс, когда он заглянул с мешком на плече, чтобы подарить мне кочаны капусты, и я рассказала ему об этом. — Снимает чертову трубку, чтобы молния не ударила.

Тем не менее я заметила, что, выйдя из нашей калитки, он направился вверх по склону. Конечно, нагрубит ей, но и удостоверится, что с ней ничего не случилось.

Тем временем мы увели Аннабель в ее конюшню по ту сторону дороги... Аннабель, которая очень даже о себе заботится, стоит пойти дождю, тотчас, приняв позу Любви Изгнанной, стоит на склоне над коттеджем и безутешно мокнет, пока мы не сжались и не уведем ее под крышу... Мы затопили камин (июль там или не июль, а было холодно!), и от пылающего огня стало веселей на душе. А потом пошли наверх любоваться грозой.

Над нашими холмами в западном краю разражаются сильнейшие грозы, и эта не явилась исключением. Гремящая завеса из дождевых струй, в небе порывает

гром, как вышедший на охоту лев. Молнии кривыми саблями вспыхивали позади двурогого холма. Соломон сидел на подоконнике свободной комнаты рядом с нами и, как я помню, с интересом наблюдал происходящее.

Чарльз первым взглянул вниз и увидел, что из-под калитки течет вода.

— Под мостом снова завал, — сказал он. — Пойдем расчистим.

Наш коттедж выходит на мост через ручей — вернее сказать, мостик, под которым часто скапливаются ветки и листья, запружая воду. Но на этот раз дело было в другом. Когда мы вышли на крыльцо, вода уже бесшумно разливалась по саду, точно прилив по пескам, а когда мы поглядели через калитку, то вместо ручья увидели быстро вздувающуюся реку, которая уже затопила дорогу от края до края.

После этого события развивались стремительно. Мы кинулись за листьями кровельного железа, хранившимися для починки навеса Аннабель, и попытались забаррикадировать калитку. Но едва нам это удалось, как вода ворвалась из-под ворот выше по улице и широким бурным каскадом полилась через опорную стенку.

Мы тут же подумали о прудике в нижнем дворе — поток сразу его промоет, точно струя из крана в мойке — блюдце.

— Плитки! — вдохновенно закричал Чарльз. Нам только что привезли плитки, чтобы вымостить подъездную дорогу. И вот — нам было понятно, что отвести воду от прудика нам не удастся, но нас тешила надежда, что нам удастся снизить ее напор, помешать ей унести рыбок, — и вот мы стоим уже почти по колено в мутной воде и лихорадочно ставим плитки вертикально вокруг прудика, а тут на дороге, шлепая по воде, появляется мистер Перри.

Наверное, его поразили наш вид, но и нас поразили его вид: шагает себе, закатав брючины повыше, укрывая голову и плечи большим черным зонтом. Его жена в гостях на холме, сказал он. Надо ее предупредить, чтобы она не пробовала вернуться домой на машине.

Он успел вовремя. Еще бы пять минут, и он бы уже не прошел по дороге. Ручей, в который со всех склонов лилась вода, превратился в бушующий поток и катил валуны, точно мячики для пинг-понга. И вот тут нам стало не по себе. Неужто это происходит на самом деле? И что нам делать?

Слишком поздно мы сообразили, что отрезаны от Аннабели. Между нами и ее конюшней по ту сторону дороги теперь с ревом проносился скоростной конвейер из кипящей бурой воды и скачущих камней. Если бы даже произошло чудо, и мы удержались бы на ногах, и ни один камень не угодил в нас, перевести Аннабель на нашу сторону нам все равно не удалось бы: она бы пришла в панический ужас и утопила бы нас всех троих.

Торопливо мы разработали два плана кампании. Один для Аннабели. Если вода поднимается выше, мы привяжемся длинной веревкой к столбу задней калитки, как-нибудь переберемся на ту сторону, не попав под валуны, сломаем стену ее конюшни и уведем повыше, где безопасно. С этой целью Чарльз забрал веревку из гаража, пока еще можно было открыть его дверь, и всюду носил ее с собой, а я, кое-как бродя за ним в полных воды резиновых сапогах, всю ночь об нее спотыкалась.

Второй план для нас и кошек предусматривал, что в случае необходимости мы укроемся в нашей спальне, посадим Соломона с Шебой в парусиновые рюкзаки (их корзины были уже недосыгаемыми — вода не дала бы открыть дверь сарая, где они хранились), вылезем через боковое окно на крышу оранжереи, а с нее

переберемся на холм позади коттеджа. Мы и кошки будем пережидать наводнение на одном холме, а Аннабель на другом, точно серны на двух альпийских обрывах, разделенных пропастью, но по крайней мере мы будем в относительной безопасности. Естественно, если мы сумеем еще раз перебраться через поток от конюшни и если выдержит стеклянная крыша оранжереи...

К счастью, до этого дело не дошло. Телефон безмолвствовал. Молния ударила в трансформаторную будку неподалеку от нашего коттеджа, и Долина погрузилась во мрак. Волна продолжала подниматься, и вот уже угрожающе, точно приливная вода о причал, заплескалась у верхней ступеньки кухонного крыльца... Тут на него вышел Соломон, обзрел в отблеске свечей зрелище, открывавшееся с крыльца, и разразился филиппикой по адресу этой дряни, которая подбирается к Нашей Кухне... Еще дюйм, и она заберется в Холодильник, пожаловался он, и что тогда будет с Нашей Едой? Затем он вернулся в дом, нисколько не озабоченный, и присоединился к Шебе у огня. И словно он был маг и волшебник, почти сразу же вода начала спадать.

После этого она ненадолго опять поднялась — выше по Долине прорвало каменный завал, и некоторое время мы ждали с замиранием сердца, но она вновь пошла на убыль. Между нами и конюшней Аннабели все еще мчался поток, но теперь он был ниже ее порога на фут... на восемнадцать дюймов... на два фута... В три часа, зная, что ей больше ничего не угрожает, мы легли спать. А в шесть уже были на ногах, чтобы обзреть ущерб и потери.

Начала я с того, что подошла, как могла ближе, и закричала Аннабели, что скоро мы к ней придем, уже рассвело. Всю ночь с ее стороны не доносилось ни звука, а мы не рисковали окликнуть ее — вдруг,

услышав наши голоса, она вышибет дверь, бросится к нам... и поток унесет ее в темноте. Но теперь, услышав и увидев меня по ту сторону каньона, она дала волю своим долго подавлявшимся чувствам. «Йоухо-ухухуХОО», — надрывалась Аннабель, и ни разу мне не доводилось слышать такого облегчения в ослином голосе. Почему же до сих пор она помалкивала? Может, думала, что высадились марсиане, предположил Чарльз. И будучи Аннабелью, не хотела, чтобы они узнали, где скрывается Аннабель.

Чтобы добраться до нее, нам пришлось перепрыгнуть глубокую канаву, где все еще мчалась вода, там, где прежде была дорога. Позже выяснилось, что покрытие дороги поддалось неистовству воды, и это нас спасло. Вместо того чтобы подняться еще выше на всю ширину Долины, вода промыла рывтины пяти футов глубины, а то и глубже, добравшись до уровня, на котором тридцать лет назад были проложены водопроводные трубы, и по этому огромному водостоку устремилась вниз по Долине. Покрытие дороги громоздилось моренами в лугах и на тропах ниже по течению. Оно и теперь покоится там. Выяснилось, что будет дешевле доставить из каменоломни новый щебень, чтобы замостить дорогу. И на это потребовалась неделя с челночной доставкой щебня на самосвалах.

Ну, а в первый день после наводнения Долина была охвачена всеобщим возбуждением. К счастью, никто не пострадал, и вода практически не залила ни одного коттеджа. Но огороды утонули под грязью. Капуста, которую преподнес нам старик Адамс, оказалась последней, которую он срезал в этом году.

Выехать на машине было невозможно, и все оставались дома, убирая и протирая. Все, кроме нас с Чарльзом, а мы лихорадочно отыскивали золотых рыбок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Чего это вы? Хороните кого-никого? — осведомился старик Адамс, прошлепав по грязи к нам во двор.

Понятный вопрос! Теперь, когда вода схлынула, плитки, которые мы с такой поспешностью расставляли вертикально накануне, окружали рыбный прудик, точно кладбищенские надгробья. Больше всего наш двор напоминал древний погост, обнажившийся, когда море отступило от берега, и впечатлению весьма способствовала грязь, двух-трехдюймовым слоем покрывавшая все вокруг. Подсохшая верхняя граница ее проходила чуть ниже верхушки плит, а пруд за ними представлял собой прямоугольник рыжей жидкой глины, которую мы с Чарльзом зачерпывали сковородками.

Мы объяснили, что ищем наших золотых рыбок.

— Да не найдете вы их, — решительно заявил старик Адамс и без паузы, не теряя больше времени на пустяки, принялся описывать нам вкратце последствия наводнения, насколько он успел узнать. В верхнем конце Долины молния убила лошадь; несколько сотен голов скота заблудились в вересковых пустошах; люди в соседних деревнях отсиживаются у себя в спальнях, отрезанные от всего мира.

— А мамаша Уэллингтон верещит так, что оглохнуть можно, подавай ей доктора нервы полечить, — заключил он внезапно.

Мисс Уэллингтон, которой в ее кремовом коттедже у вершины холма ничего не угрожало, не лишилась даже единой черепицы. Хоть она из предосторожности сняла телефонную трубку с рычага, ее телефон, естественно, отключился, как и все телефоны в округе. Что было и к лучшему, так как в результате она не могла лично допекать замученного доктора. На ее дорожки не попало ни комочка грязи. Многочисленные гномы, кролики и каменные мухоморы, кокетливо украшавшие ее газон, стояли совершенно так же, как и до грозы. И даже на лавочников она пожаловаться не могла. Мы в Долине были вынуждены, как в дни снежных заносов, сами подниматься за хлебом на холм, а ящики с бутылками молока сгружались для всех на одном углу. Мисс Уэллингтон ничто это не коснулось, но, насколько можно было судить, вела она себя так, словно ее бросили в одиночестве на необитаемом острове.

— Твердит, что деревню надо бы эвакуировать, а то вдруг ночью потоп повторится, — сообщил старик Адамс— Говорит, что это Господня кара за грехи наши. Только не очень-то ей понравилось, когда я спросил, чем она таким занималась, про что мы не знаем. — Он хрипло засмеялся.

Почему Господь выместил эти грехи на наших золотых рыбках, как заметил Чарльз, по-видимому, мисс Уэллингтон в отличие от нас было яснее ясного... Впрочем, все обошлось.

Выгребая глину сковородками и вываливая ее у себя за спиной — что толку выносить ее за калитку, сказал Чарльз, когда весь двор смахивает на эстуарий Темзы в часы отлива, — мы уже добирались до дна (оставался какой-нибудь фут), когда в сковороде блеснул первый красно-золотой бок.

— Мертвая, — сказала я уныло.

— Ничего подобного, — сказал Чарльз, — я видел, как она шевельнулась.

И действительно, едва мы опустили рыбку в одно из заранее приготовленных ведер, всю облепленную глиной, включая рот и жабры, как она камнем канула на дно, раза два бултыхнулась, будто не веря своему счастью, ощутила себя свободной, спиралью поднялась вверх... и затем с видимым глубочайшим облегчением выплюнула в воду смесь глины и песка. Отвращение, с каким глина была выплюнута, выглядело настолько комичным, что мы засмеялись. И совсем возликовали, когда глина была вычерпана до самого дна, а в ведрах и кастрюлях, расставленных по двору, радостно кружили четырнадцать крупных золотых рыбок и один линь. Ни единая не пропала, спасибо плиткам. Единственной потерей был еще один линь, а поскольку лини в любом случае остаются на дне прудика (этих двух мы пустили в прудик с самого начала, чтобы они его очищали, и с тех пор их вообще не видели), вода унести его никак не могла, так что он, вероятно, погиб еще раньше от каких-то естественных причин.

Мы стояли там, отдыхая, прежде чем начать снова заполнять прудик и очищать двор от грязи, когда вновь увидели старика Адамса — на этот раз он был с приятелем, которого повел знакомиться с тем, что

натворило наводнение. С нами он уже побеседовал, а потому просто помахал нам и прошел мимо калитки. Однако его приятель, которого мы видели впервые, воззрился на нас среди ведер с ликующими рыбками, а когда решил, что отошел на достаточное расстояние, наклонился к уху старика Адамса и буркнул:

— Видал?!

В Долине голоса разносятся далеко.

— Это еще что! Видал бы ты, какие штуки они отчубучивают, — достиг наших ушей невозмутимый ответ старика Адамса.

Так, собственно, оно и было — но всегда в силу обстоятельств.

Например, неделю спустя мы вовсе не по своей вине метались по Долине, закупоривая отверстия водостоков. Их было три — пятнадцатифутовый, по которому ручей протекал перед въездом в наши ворота; тридцатиярдовый выше по Долине, отводящий воду с лугов, и еще один дальше под въездом в ворота нового дома. Обычно по ним струился ручей, зимой вздувшийся, летом мелкий, сбегая с холмов, прозрачный и холодный. Но, как иногда случается в известняковых краях, недавнее наводнение промыло на дне русла разные воронки, и теперь ручей исчезал в них, чтобы опять появиться, когда их снова забьет камнями и галькой.

Всего неделю назад нас оглушал рев потока, и было как-то странно не слышать теперь ничего, кроме жужжания насекомых. Дорожные рабочие сделали свое дело и уехали, оставив после себя дорогу с новехоньким покрытием и в большом возбуждении рассказав нам про гадюку, которую обнаружили в чайной палатке.

— Всего и день как простоял, — сообщил нам десятник («он» был брезентовый навес, который они

соорудили на обочине). — Билл, значит, входит чайник поставить, а на полу эта гадина во-от такой длины.

Мы не удивились. В Долине гадюки действительно водятся, а потому муниципальный совет несколько лет назад установил щит с предупреждением:

«Гадюки! В случае укушения звоните такому-то и такому-то 4321».

Значит, мы — крутые ребята, заметил тогда Чарльз, если они сочли нужным предупреждать гадюк...

Многие из тех, кто приезжает сюда из года в год, так ни разу гадюки и не видели, но их в Долине хватает. Впрочем, опасности практически нет, если летом держаться подальше от каменных оград и зарослей высокой травы, однако мы знали, что в плодовом саду обитает парочка, а иногда мы замечали одну и на дороге. И каждый раз я благодарила судьбу, что наши кошки при этих встречах не присутствовали. Кошки считаются природными истребительницами змей. Шеба, я не сомневалась, блестяще бы это подтвердила, но за Соломона я очень опасалась.

Хоть одна польза от наводнения, сказала я Чарльзу, оно наверняка убрало всех-гадюк. Конечно, жаль всякую тварь, чью нору затопило, но, по крайней мере, в Долине теперь безопасно.

Но я ошиблась. На самом деле гадюки, предупрежденные каким-то шестым чувством, видимо, заранее уползли на верхние склоны. Недели две после наводнения стояла жаркая сухая погода, и тогда они начали возвращаться в сырые низины. Но только с исчезновением ручья сырости в Долине осталось маловато. Вот одна и свернулась в тени чайной палатки; потом та, которую Чарльз убил, хотя и очень неохотно, — но следовало подумать о детях, собаках и прочих домашних животных, — когда она лежала идеально замаскированная в траве у дороги; потом та, которая на моих глазах исчезла в водостоке под

дорогой, щегольнув зловещим темным зигзагом на спине...

Соломон всегда любил прогуливаться вверх по дороге, и едва покрытие восстановили, как мы возобновили прогулки. Шебу приходилось нести на руках, так громко она вопияла, что Камни Ранят ей Лапы, или же, если мы предоставляли ей выбор, объявляла, что она Никуда Не Пойдет. Но Соломон радостно бежал вприпрыжку позади нас, останавливаясь, чтобы понюхать здесь и пустить струю в посрамление всем кошкам там, а затем припуская галопом на длинных ногах, чтобы нагнать нас, а когда оказывался возле нового дома, торопился упоенно поворочаться на его крыльце.

Мы шутили, что нам надо бы купить этот дом, до того он влюбился в это крыльцо. А перед тем, как повернуть обратно, мы спускали Шебу на землю, и она, забыв о своих драгоценных Ногах, мчалась с веселыми воплями вокруг дома, а Соломон в восторге припускал за ней, а Чарльз стоял на дороге и твердил, что это чужая собственность и им не следует туда забираться, мне же выпадала задача извлекать их оттуда.

Все это складывалось в привычный ритуал, что так нравится сиамам, и не потребовалось много времени, чтобы Соломон обнаружил, что водостоки высохли и, следовательно, их можно включить в расписание развлечений. Сначала все ограничивалось пробными попытками. Заглянуть широко раскрытыми глазами в отверстие и отскочить; рискнуть войти поглубже; первое безмолвное — чтобы никакой бука его не сцапал! — появление из противоположного отверстия трубы. После чего, естественно, ему удержу уже не было. Он кидался к водостокам, едва мы оказывались вблизи от них, стремительно мчался по нему туда и обратно, точно взбесившийся поезд метро, иногда с воплем выскакивая из дальнего конца, иногда вылетая

из отверстия, с которого начинал свой путь, в надежде обмануть Шебу, которая заглядывала внутрь, проверяя, где он. А иногда он прятался в середине и вообще не вылезал, так что мы начинали тревожиться, не стал ли он чьей-то жертвой.

В трубе могла притаиться лиса, говорил Чарльз, а когда я возразила, что мы слышали бы шум схватки с лисой, Чарльз сказал, ну так хорек, и отказывался успокоиться. Но только когда я увидела, как в трубу уползала гадюка, мы поняли, насколько опасно это развлечение. Внутри, конечно, сыро, сказал Чарльз. Ну, гадюки и заползают туда.

Вот почему перед прогулкой я отправлялась вперед и затыкала отверстия труб, чтобы Соломон не мог забраться внутрь. Мы знали, что ручей не выйдет на поверхность, пока все воронки не будут забиты, а если это случится, вода просочится сквозь хворост. Но другие люди, гулявшие по Долине, так не считали, а потому из самых лучших побуждений они убирали хворост из труб так же споро, как я накладывала его туда. Жизнь превратилась в сплошной кошмар — вдруг Соломон заберется в трубу и наткнется там на гадюку? Сколько раз я еле успевала ухватить его за хвост, когда он уже почти исчезал в дыре, точно кролик в шляпе фокусника... Когда ручей заструился вновь, мы испытали невероятное облегчение.

Теперь представляется просто невозможным, что Соломон действительно так резвился. Несколько недель спустя мы отправились отдохнуть, и помню, когда мы вернулись, Соломон радостно ходил за мной по саду, пока я помогала разгружать машину... Соломон катается по газону, ликуя, что он дома... Соломон меньше чем за две недели до смерти весело взмывает в воздух, чтобы поймать мячик... Ему такие игры нравятся, сказал он. И мы давно ни во что такое не играли, верно?

Примерно через месяц мы заметили, что он пьет воды гораздо больше. И не просто за один раз, но снова и снова возвращается к своей миске. И как-то сразу почти перестал есть. Однако больным не выглядел.

На всякий случай мы все-таки вызвали ветеринара. Наверное, с почками у него стало чуть хуже, полагали мы. Полечить его, как Шебу, и все будет в порядке.

Если бы! Позже ветеринар объяснил нам, что в случае с Шебой ее собственный организм компенсировал недостаточность. Частично почки продолжали работать, как это бывает и у людей. Рано или поздно, предупредил он, все повторится, и уже ничего сделать будет нельзя.

А с Соломоном произошло именно это. Вероятно, компенсации уже имели место, хотя мы этого и не знали.

На протяжении четырех суток ветеринар бывал у нас каждый день. Четыре ночи Чарльз и я сидели с Соломоном. На четвертый день — мой день рождения — мы подумали, что худшее позади. Ночью нас тревожило его тяжелое дыхание, но к утру оно внезапно стало ровным. И, открыв глаза, он посмотрел на нас осмысленным взглядом, а когда я окликнула его, приподнял голову и повернул ее ко мне.

— Поздравляю с днем рождения, — сказал Чарльз, и я подумала, что такого счастливого дня рождения у меня еще не бывало.

Однако днем его дыхание вновь стало затрудненным. Боли он не испытывает, сказал ветеринар, заглянув перед обедом, но, как ни грустно, он, видимо, умирает. Как последнее средство он ввел ему кортизон, но ничто не помогло. В пять часов утра, пока я его обнимала, Соломон покинул нас. И даже теперь кажется невероятным, что подобное могло произойти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы похоронили его в нашем лесу. На полянке напротив коттеджа, где весной растут желтые нарциссы и где как-то раз, когда он был молодым, мы наблюдали, как он, точно идущий на нерест лосось, взмывал в воздух, стараясь схватить испуганно квохчущего фазана. Мы похоронили его в той самой корзинке, в отверстие которой он еще котенком, пока мы ехали в Холсток, умудрился просунуть свою голову, и я с трудом водворила его внутрь. Всю жизнь это была его корзинка, а теперь он лежал на ее дне такой неподвижный!

Потом мы вернулись в коттедж к Шебе и новой проблеме. Как она перенесет его утрату?

Довольно спокойно, казалось вначале. Она мурлыкала, и беседовала с нами, и ела, словно ничего

не произошло. Однако вечером, чтобы немножко отвлечься от тяжелых мыслей, мы отправились в гости к друзьям, а Шебу, как всегда в таких случаях, оставили с грелкой на нашей кровати в гнездышке из свитеров. Прежде, когда мы возвращались домой и открывали дверь, тут же слышался глухой удар (Соломон прыгивал с кровати), стук-стук-стук по ступенькам, и, когда мы входили, парочка бок о бок приветствовала нас. И никогда они не поднимали голоса, разве что требуя, чтобы мы Поторопились. Однако, когда мы в этот вечер, вернувшись, шли по дорожке, из дома донеслись звуки, поразившие нас в самое сердце. Шеба в темноте плакала от одиночества.

И она снова заплакала, когда мы легли спать. Она не всегда спала рядом с Соломоном. Ему нравилось спать на кресле в гостиной на одеяле с грелкой, но Шеба, если ночь была теплая, или она сердилась на него, или он сильно храпел, уходила и устраивалась на кушетке. И когда он болел, она с ним не спала. И до этой ночи спала отдельно от него более недели. Однако спали они всегда в одной комнате, и это ее поддерживало. Но, может быть, она вообразила, что он у нас в спальне, а ее бросили внизу. Как бы то ни было, она плакала так, что мы хорошо ее слышали наверху. А потому Чарльз спустился и принес ее в спальню.

Весь следующий месяц она спала у меня на плече каждую ночь. В прошлом это место принадлежало Соломону, а Шеба устраивалась прямо за ним, готовая в любую секунду соскочить на пол и Стать Изгнанницей, если Соломон или я соизволим подвинуться хоть на дюйм. Теперь она нежилась в моих объятиях и мурлыкала, когда я с ней заговаривала. Наконец-то Главная Кошка, говорила она.

Будь так, не знаю, что бы мы делали. Всегда в глубине нашего сознания жила мысль, что мы заведем новую кошку, если потеряем одну из наших. И сразу же.

Шумного кота силпойнта, говорили мы, или миниатюрную кошечку блюпойнт... Дом без пары сиямов перестанет быть нашим домом. Но будет ли это честно теперь, когда Шеба по ночам чувствует себя счастливее, чем когда-либо прежде?.. Но как она несчастна днем...

День-другой она, видимо, считала, что Соломон где-то загулялся. Затем, сообразив, что давно его не видела, она принялась искать. Вдруг переставала есть и оглядывалась — где он? Под столом? Сейчас войдет в дверь? Но он не показывался. Вечером она сидела перед огнем и поглядывала через плечо. Почему он не приходит, не садится рядом? Выражение на ее мордочке говорило, что она этого не понимает — он же всегда сидел рядом с ней тут!

Одним из излюбленных ими местечек было гнездышко из свитеров на нашей кровати. В холодную погоду, или если мы куда-то собирались, или просто у них было такое настроение, кто-то из них являлся в спальню, пока я была там, и с надеждой оглядывал кровать. И — будучи слабовольной тряпкой — я поднималась в спальню с грелкой, а они следовали за мной, садились и следили, как я укладываю свитера, а потом располагались рядышком на грелке, точно паразиты с Трафальгарской площади, проводя в такой позе счастливые часы.

А теперь только одна маленькая кошечка просила грелку, а когда я ей ее приносила, изо дня в день сидела только на своей половине, оставляя вторую для Соломона и поглядывая на дверь — когда же он придет. А иногда, когда ожидание и недоумение становились невыносимыми, она уходила сама и начинала его звать. И тяжелее всего для нас было слушать эти тоскливые надрывные стенания, потому что она Искала, а он Все Не Шел.

Как-то вечером она плакала наверху, и мы пришли за ней. Но отыскиали не сразу. Она пряталась за креслом в свободной комнате, как когда-то еще котенком, звала его, чтобы выскочить на него из засады, едва он придет. Столько лет прошло с тех пор, как они играли в засады вокруг этого кресла! Значит, она тосковала по нему всем своим существом, раз вспомнила про эту игру и прибегла к этому способу, чтобы заставить его вернуться.

Вот тогда мы и решили окончательно взять котенка. Но тут опять возникла проблема... Шебе нравится быть ночью нашей единственной кошкой... в ее возрасте, примет ли она котенка... да и мы, если дойдет до дела, сможем ли так скоро после смерти Соломона... Но, несмотря на все это, приходилось рискнуть. Главное — найти ей товарища. Иначе горе может отнять у нас и ее.

Когда мы посоветовались с ветеринаром, он сказал, что это самое лучшее, что можно придумать. То же сказали и Фрэнсисы, знатоки психологии сиамских кошек. Мисс Уэллингтон сказала, что из этого ничего хорошего не выйдет и она просто не понимает, как мы можем!! Со смешанными чувствами и родословной Соломона мы отправились на поиски.

Родословную и его фотографию котенком мы взяли, потому что хотели найти наиболее близкое его подобие. Столько людей утверждало, что заменить его нам не сможет никто. «Возьмете другого и полюбите его, — говорили они, опираясь на собственный опыт. — И даже так же сильно, но совсем по-другому. Прежнее не повторится. Такого не бывает. Двух одинаковых характеров просто не может быть».

Нет, может, говорила я себе. Другого характера мне не нужно. Не хочу, чтобы то, чем мне был дорог Соломон, ушло в прошлое. Мне нужен кот, который бы стал для меня Соломоном. Настолько идентичным, чтобы со временем всякая разница стерлась. Если мы

найдем котенка, внешне на него похожего, рассуждала я... если удастся, с теми же предками... так будут все причины надеяться, что их повадки тоже окажутся сходными, разве нет?

— Ну, попробовать мы можем, — сказал Чарльз.

Все оказалось гораздо сложнее, чем я думала. Во-первых, шел октябрь и котят было мало — по большей части их появление на свет планируется с учетом ноябрьских кошачьих выставок и повышением спроса перед Рождеством. Кроме того, Соломон родился у нашей первой сиапочки четырнадцать лет назад, а с тех пор мода на сиамов претерпела изменение. Теперь их предпочитали более миниатюрными, с мордочками, как у лесных куниц. Ничего похожего на Соломона. Мне нужен кот с большими ушами, большими лапами и пятнистыми усами, объясняла я, а на меня смотрели как на помешанную.

Ну, во всяком случае, во время поисков мы на многое насмотрелись. Например, в глуши Глостершира, в уединенном месте, куда вел узкий поселок. Легко было предположить, что владелица укрылась тут ради безопасности — и чтобы вокруг не было соседей, и чтобы наблюдать, как она рвет и мечет, решили мы. Несомненно, кто-то, у кого богатый опыт общения с сиамами.

Насколько богатый, мы поняли, когда вылезли из машины и увидели объявление на дверной ручке: «Извините, котят больше нет». Мы постучали на случай, что нам порекомендуют, к кому еще обратиться, но никто не отозвался. Зато в окне появилась сиапочка и столь негодующе уставилась на нас, что мы поняли, почему владелицы не оказалось дома. «Продала всех моих котят. Ни одного Мне Не Оставила, — сообщила нам скорбная мать. — Пусть только Вернется!»

В следующем месте, где мы побывали, котята имелись в изобилии — и еще там имелся Оскар. Он

несколько напоминал Соломона, но вот нос у него был картошкой. Да и в окрасе преобладали бронзовые тона там, где нам требовались темные. Но все равно в нем было что-то привлекательное.

Как, разумеется, во всех сиамах. Оскар (с носом и всем прочим) находился в комнате с самого начала, греясь перед электрокамином. Затем дверь столовой отворилась, и вошла мамочка, по-модному миниатюрная и с родословной, какой позавидовал бы любой фараон. Затем отворилась дверь кухни, и в нее с радостным писком влетело шестеро котят. Кувыркаясь, они устремились к электрокамину, забирались на него, совали лапки в решетку, прятались за ним — все, кроме одного, а он забрался на телевизор и уселся там. Мамочка — по имени Софья — позировала на коленях у своей владелицы. Оскар, единственный оставшийся от предыдущего помета, прыгал между котятами, точно могучая овчарка, приспособливая свой размашистый шаг к их семенящей пробежке. В мгновение ока комната наполнилась кремовой радостью. Я пожалела, что мы не можем купить всю компанию.

Впрочем, котята по возрасту еще не могли расстаться с матерью — всего шесть недель, и оставаться с ней им следовало до истечения десятой. А Оскару было уже целых шесть месяцев — для Шебы он слишком выросел, решили мы. Если он прыгнет на нее, то, конечно, опрокинет и заведомо ей не понравится. Конечно, любой котенок, подрастая, будет еще и не так резвиться, но мы будем приучать ее постепенно, так сказать, с мелкого конца. Ну, и у них у всех носы были картошкой. словно мы очутились в портретной галерее Габсбургов. Даже самый крохотный, самый хрупкий из котят взирал на мир из-за могучего габсбургского носа медного цвета.

Не подходит, решили мы с сожалением. Даже если бы Шеба приняла Оскара, в чем мы крайне сомневались

(хотя нам-то он очень понравился)... Даже если бы мы прождали месяц ради одного из котят (чего нам совершенно не хотелось), при таком носе мы были не способны вообразить, что вновь обрели Соломона. Ему Мы нравимся, сказал Оскар, решительно усаживаясь перед нами. Мне он тоже нравится, сказала я, подхватывая его на руки и прижимая к груди. Надеюсь, ему удалось обрести хороший дом. Я бы могла его полюбить. Но все время я вспоминала бы другого кота...

Во стольких домах мы побывали, только чтобы вновь испытать разочарование. В одном мы действительно увидели кота, настолько похожего на Соломона, что у меня сердце оборвалось. Увы, он оказался брошенным холощеным котом, которого хозяева приютили. Их кошка, мать котят, была из миниатюрных...

«Приютили» — это слабо сказано. Прежние его хозяева решили эмигрировать и дали объявление в газете, не найдутся ли желающие взять его себе. К счастью, на объявление первыми откликнулись именно Питмены, которые по-настоящему любили сиамов. Ведь его бывшие владельцы отдали бы его кому угодно. Но он-то их любил, как ни жаль. Через два дня он исчез из дома Питменов. Они догадались, что он отправился в свой прежний дом, но в ответ на телефонный звонок прежние хозяева сказали, что не видели его.

— И не желали его видеть, — гневно сказала миссис Питмен. — Ни о чем, кроме своего чертова австралийского лайнера, даже думать не желали.

И вот когда Сапфо все-таки добрался до своего прежнего дома, перебравшись через шоссе и железнодорожное полотно и каким-то образом через реку, люди, ради которых он проделал эти немыслимые двенадцать миль, отвезли его назад к Питменам, вышвырнули под проливной дождь и укатили. Так, во всяком случае, решили Питмены. А как иначе они могли объяснить тот факт, что через три дня после

исчезновения Сапфо они слышали кошачий плач в саду, открыли дверь и увидели его — насквозь мокрого, со стертыми в кровь лапами. Как сказал мистер Питмен, он мог добраться до своих прежних владельцев, но он бы остался там, как бы мало ни был им нужен. Он бы никогда сам не вернулся в новое для него место.

В результате у него началась пневмония, и к тому времени, когда Питмены вытащили его, он уже не хотел расставаться с ними. Ведь тут была собака, которой можно помыкать, и Саманта, сиамошка, и семья, которой он как будто был нужен...

И теперь он командовал ими, словно они изначально принадлежали ему. Гордо возлежал на кресле и взирал на нас точь-в-точь как Соломон, пока они рассказывали нам о его подвигах. Как, например, он отправлялся спать по ночам у них в кровати. Ложился между ней и мужем головой на подушку, поведала миссис Питмен, а Саманта послушно довольствовалась сушильным шкафом.

Как-то ночью ее муж взбунтовался и заявил, что не будет больше терпеть этого кота у себя в постели. (Не то чтобы он его не любил, объяснила миссис Питмен, но Сапфо занимал столько места, что им приходилось лежать на самом краешке.) Сапфо, протестуя против выселения, укрылся под кроватью. Выманить его оттуда порцией кролика не удалось. Сапфо твердо заявил, что кроличьего мяса не желает и Не Вылезет. И не вылез, сказала миссис Питмен, пока ее муж не встал с кровати закрыть окно, а тогда Сапфо черным стремительным клубком вылетел из-под кровати, вскочил на подушку и скрылся под одеялом. Ну, как тут было не засмеяться, с восхищением сказал мистер Питмен. После этого они уже не пытались его изгонять.

Да, Сапфо выпала редкая удача. О чем свидетельствовало то, как он снизошел выпить молока, которое принесла ему в блюдечке дочка Питменов.

Растянулся в кресле на боку, томно приподнимая голову, чтобы полакать. О том же свидетельствовала история его пропажи. Ну, такой любитель прогулок, сказала миссис Питмен. Никогда не знаешь, где он отыщется в следующий раз.

Ну, так в этом случае они уже часы и часы искали, и тут кто-то сказал, что видел его некоторое время назад на скотном дворе Джонсонов, а когда они прибежали туда, то увидели огромную кучу дымящегося навоза, которой утром там не было... Ну, они всегда опасались худшего, вздохнула она. (Мне ли не понять! После долгих лет жизни с сиамами мы тоже всегда ожидали самого скверного.) А фермер куда-то отлучился, а взять лопаты они не решились, чтобы не ударить Сапфо...

И вот когда фермер вернулся, она, ее муж и дети лихорадочно перекладывали навоз пригоршнями. Они с дочкой плакали, ностальгически припомнила миссис Питмен, представляя себе, как задыхается бедненький Сапфо.

— Черный такой котище? Перепугался трактора, когда я навоз привез, — весело сообщил фермер. — Ну, и залез вон на то дерево. Неужто он еще домой не вернулся?

Нет, Сапфо не вернулся, а все еще сидел на дереве меньше чем в двадцати шагах от навозной кучи и все это время наблюдал за ними. С самой макушки. И уж конечно часами звал на помощь, пока они не пришли. Когда они сбегали за лестницей и сняли его, выяснилось, что он совершенно лишился голоса.

Ну, вот так. Он и Саманта поладили друг с другом. И ведь когда они его взяли, ему было четыре года, а Саманте два. Это нас приободрило: возможно, и Шеба не будет иметь ничего против, когда мы принесем домой нашего нового мальчика.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вот только... удастся нам хоть когда-нибудь найти котенка совсем такого, как Соломон?

Говорят, самый темный час ночи наступает перед рассветом. И в тот субботний вечер я оставила всякую надежду. Мы обзвонили все питомники, о которых слышали, объездили наше графство и все соседние — и ничего! Когда зазвонил телефон, я даже подумала, что не стоит брать трубку. Я так устала повторять, нет, мы все еще его не нашли.

Одна знакомая поторопилась сообщить еще адреса. Я вежливо ее поблагодарила, начала звонить больше по инерции... Обычная история. В первом месте все котята уже разобраны. Во втором — еще маленькие. (Я всегда начинала с вопроса, маленькие ли котята, и почти без исключений ответ был «да»). Но в третьем... Нет, они

вовсе не маленькие, с энтузиазмом заверил меня голос в трубке. И мать и отец — ее, и отец просто великан. Да, и темный, и с большими ушами, как у летучей мыши... Ну, просто портрет Орlando. Она подождет его отдавать, если я хочу его посмотреть.

Нет, я не ослышалась. Оказалось, что Орlando не держат под замком, как принято с котами-производителями. У них только одна кошка, объяснила миссис С. Они просто любят котят, а не преследуют коммерческие цели. А потому им приходилось пускать Орlando на поиски других жен, не то он перевернул бы весь дом вверх дном.

И на следующий день он как раз готовился к этому приступить. Мы стояли в холле, который словно был заимствован из голливудского павильона. Примерно пол-акра пола закрывал роскошный мягкий ковер. В центре лестница из кружевного чугуна изящным полукругом вела на второй этаж. Справа в нише в бассейне со сложенным из камней гротом в зеленоватой подсвеченной воде среди кувшинок лениво плавали рыбки. Я все еще таращила глаза, а мое сознание отказывалось воспринять это — золотые рыбки... бассейн в доме... с сиамскими кошками?! И тут в двери в глубине холла приоткрылся щиток, из-под него выскочил сиамский котенок, бросил на нас, пробегая мимо, пронизывающий взгляд и исчез в комнате слева.

— Один из них. Один из мальчиков, по-моему, — сказала миссис С. — А шум поднимает Орlando. Мы его заперли после завтрака, и ему это не нравится.

«Шум» — это было мягко сказано. Судя по воплям, Орlando живьем пилили пополам. Он хотел Выйти На Волю. Он обещал встретиться с Кошкой. Они хотят, чтобы он тут все разнес вдребезги? — ревел голос, в котором, несомненно, было что-то от Соломона. Сейчас он и начнет, предостерег голос после паузы, необходимой, чтобы перевести дух.

Мы вошли в комнату. Те, кто не знаком с сиамами, конечно, ожидали бы увидеть ревущего саблезубого тигра, не меньше, и кучку перепуганных котят, жмущихся к робкой, нервной кошечке — если они еще раньше не забились где-нибудь под кровать. Но мы нисколько не удивились, узрев троицу котят с темными мордочками — котята беззаботно прыгали по стульям, кошечка силпойнт вылизывала заднюю ногу на каминном коврике, и никто из них не обращал ни малейшего внимания на могучего черноплечего кота, который, крепко зажмурившись, чтобы способнее было вопить, восседал посреди комнаты и орал для собственного удовольствия.

Комната вполне гармонировала с холлом. Огромная, с великолепным ковром, концертным роялем в углу и разбросанными повсюду кушетками, словно в каком-нибудь первоклассном отеле. И сиамов тут хватало для любого сверхфешенебельного отеля. Орlando, его супруга, трое котят и... на мгновение мне показалось, будто я брежу... и еще один крупный силпойнт, а также и блюпойнт. Увидев, что я смотрю на них, миссис С. объяснила: блюпойнт была кошкой, от которой они прежде получали котят, а теперь она наслаждалась заслуженным отдыхом. Силпойнт Уильям был одним из взрослых сыновей Орlando. Разумеется, он охолощен, сказала миссис С., не то он бы не ладил с отцом. Из-за постоянных отлучек Орlando так приятно, что в доме есть еще мальчик.

Но меня поразило не их количество. Просто на меня среди этой неслыханной роскоши смотрел не один кот, удивительно похожий на Соломона, но — мне все еще не верилось! — но целых три. Орlando и его супруга, очень друг на друга похожие. И высокомерно поглядывающий на нас с рояля Уильям, их сын. Словно я видела Соломона в трех зеркалах трюмо. Те же глаза, та же костная структура, тот же бархатистый темный

окрас. И мы не удивились, когда, сравнивая родословные Соломона и Орландо, обнаружили в них обоих Рикки, отца Соломона. Но, конечно, Орландо Рикки приходился прапрадедом.

Теперь вопрос заключался лишь в том, которого из двух котят-мальчиков мы возьмем. Того, что, кончив играть, размышлял на кресле, подобрав под себя лапки, или длинноногого с торчащим задом, который все еще трусил кругами по полу. И тут он подошел к папаше, ткнул его лапкой и вызывающе прижал ушки. Вот этого, сказали мы хором.

И тут же увезли его с собой. Видимо, что-то подсказало нам, что мы найдем искомое, и, впервые отправляясь на поиски, мы захватили с собой корзину.

И еще мы захватили ящик с землей, так как намеревались поехать отсюда к брату Чарльза, захватив с собой котенка, если мы его купим. И (только с нами могло случиться такое, подумала я) я сжимала в руке пакет с индюшачьими ножками.

Его мне вручил муж миссис С., чтобы было чем поддерживать силы котенка, пока не откроются магазины, сказал он. Нет, они не покупали их специально для кошек, а просто один их друг был управляющим загородным клубом, где в меню всегда присутствовали индейки, и они получали все остатки для кошек... Котята растут буквально только на индюшатине и курятине, сказал он.

И вот мы катим с ящиком, пакетом ножек, а у меня на коленях в корзине Шебы благим матом надрывается Новый Мальчик. Когда мы сравнили его с фотографией Соломона котенком, он выглядел прямо-таки его копией. Большие уши, огромные лапы, точно такой же широкий лоб, а под ним черная масочка. А теперь он и вопил, как Соломон. Похитили! Клаустрофобия! Выпустите его! Словно в корзине надрывался Соломон по дороге в Холсток. Да и корзина, в которой столько

раз спокойно сидела Шеба и добродушно беседовала с нами, увозимая в тот же Холсток, теперь словно превратилась в мину, вот-вот готовую взорваться у меня на коленях.

— Ну, он хоть лап не высовывает! — сказала я, чтобы немножко разрядить атмосферу. (А разрядить ее было необходимо: Чарльз, угрюмо стискивая баранку, при каждом вопле вздрагивал, словно от удара парового молота.) И все-таки мне не следовало предаваться беспочвенному оптимизму. В следующий же момент из дырки стремительно высунулась лапа в черном носочке и вцепилась в рукав Чарльза, словно крюк багра.

Ну, во всяком случае, в дом брата Чарльза котенок попал живым — первый шаг оказался удачным. Затем мы выпустили его из корзины в гостиную, и у меня появились другие причины для тревоги. Хотя для своего возраста он был крупным, но, усевшись там, выглядел таким маленьким и одиноким. С тех пор как у нас жили котята, прошло много лет, а его надо было оберегать от стольких опасностей! Гадюки... лисицы... пустые водостоки... холмы, где можно заблудиться... А он рос среди такой роскоши... бассейн с золотыми рыбками в доме... питаюсь индюшатиной! Сколько у нас шансов вырастить его?

Но его никакие тревоги не мучили, это было ясно. Он посидел у всех на коленях, испробовал коготки на ножках стульев и кресел, важно справил свои делишки за кушеткой, когда мы показали ему, куда поставили его ящик. Сиди прямо, лапки сложи и Покажи Этим Людям, так, видимо, наставляла его мамочка. И совсем один, такой маленький среди чужих, он присел в ящике, как мог прямее, и проделал все, что требовалось, с достоинством монарха.

Чего никак нельзя было сказать о его манере есть — исключая, разумеется, Генриха Восьмого. Даже Соломон

в расцвете сил не пожирал все с такой быстротой. Или мы просто забыли? Ну, как бы то ни было, индюшатину он смел, как бульдозер, выпил несколько блюдец молока... Иногда он поглядывал на восхищенных зрителей и с набитым ртом блаженно говорил «вааа!». А затем, немножко посидев и понежившись, устроился поспать. Поскольку мамочки рядом не оказалось, он нашел наиболее подходящую ей замену — брата Чарльза в просторном кремового цвета свитере. Такого большого сиама он еще не видывал, заявил Сили, свертываясь белой улиточкой у него на груди.

Сили — так его называла я. Официально он звался Соломон Секундус, но я не могла произнести «Соломон», не вспомнив... Ну, и временно я назвала его Сили, ведь он же был силпойнтом.

Какой молодчага, сказал Чарльз, когда поздно вечером мы ехали домой. Держаться так храбро среди незнакомых... Одним словом, молодец!

Молодчагой он оставался, даже когда время от времени просыпался и начинал орать.

— Он же еще малыш, а кругом такая темь, — добродушно сказал Чарльз. — Да и мне только бы добраться до постели!

Естественно, час спустя ни о какой постели и речи не было — мы с фонариками рыскали по дороге, потому что Сили исчез.

Как это произошло, мы понять не могли. Отложив представление его Шебе до завтра (у нас тогда будет побольше сил, сказал Чарльз; у него предчувствие, что они нам очень понадобятся), ее мы покормили наверху у нас в спальне, а его внизу в гостиной, плотно закрывая двери, чтобы они ненароком не встретились... (Чарльз сказал, что у него голова кругом идет — запоминай, кто из них где), а потом устроили Сили постельку с грелкой на кушетке — Шеба спала наверху с нами. Поставили ему ящик с чистой свежей землей (и, конечно, еще один

наверху для Шебы)... Ну, если мы наконец кончили закрывать двери, точно агенты секретной службы, сказал Чарльз, так, может быть, все-таки пойдём спать? После чего я задвинула заслонку в камине — он был пуст, но мы не хотели, чтобы котенок залез в трубу, а Чарльз вынул ключ и задвинул засов. Но когда я пошла показать Сили его постельку, оказалось, что Сили бесследно исчез.

Мы принялись искать. В каминной трубе — Чарльз заявил, что с заслонкой я опоздала. В саду, куда, по моему убеждению, он выскочил, когда Чарльз открыл дверь, чтобы вынуть ключ. В спальне, куда мы взлетели бок о бок при мысли, что он забрался туда к Шебе, а она его прикончила. И снова в сад — раз его нет в доме, значит, он где-то снаружи.

Пока я металась туда-сюда, мое воображение лихорадочно работало. Не пытается же он вернуться пешком домой, подобно тому как Сапфо убежал к первым своим владельцам? И мне представилось надрывающее душу зрелище: крохотный мужественный белый котенок трусит по шоссе... Что скажут те, у кого мы его купили, услышав, что мы его потеряли? Мне, столь же надрывая душу, тут же представилось, как я (уж конечно не Чарльз!) звоню им и сознаюсь... Что, если его схватила лиса? Я похолодела и напрягла слух — не услышу ли замирающий вопль ужаса?

Мы прорыскали бы так всю ночь, светя фонариками, отчаянно торопясь и крича, чтобы отпугивать лисиц, если бы я не вернулась домой в слабой надежде, что мы каким-то образом умудрились не найти его там. Наверху — нет. И в кухне, и в прихожей, и в ванной. А в гостиной царила такая мертвая тишина! Будь он там, подумала я, то почувствовала бы это. Всего час назад она была так полна его присутствия!

И оставалась полна, как тут же выяснилось. Не знаю, что меня толкнуло заглянуть туда, но он лежал

там, свернувшись в клубочек, — там, где его сморил сон, ведь он был еще совсем малышом! Под столом на сиденье мягкого стула. Ему Спать Хочется, сообщил он, когда я извлекла его оттуда. И не оглушительным голосом сокрушителя корзин, которым он угрожал нам в машине, а тоненьким вкрадчивым мяуканьем очень маленькой чайки.

Нам тоже хотелось спать, но лечь нам удалось далеко не сразу. Мы же искали котенка такого, как Соломон, и, несомненно, нашли его. Нас ждут годы и годы этого, сказал Чарльз, уныло прижимаясь щекой к своей подушке. Спасибо, а то я не догадалась бы, ответила я, так же уныло прижимаясь щекой к своей. В голове у меня кружился вихрь из лисиц, гадюк, мчащихся мимо машин и — воскрешенные этим первым кризисом с Сили — панические часы, которые я проводила, обшаривая холмы в поисках Соломона, когда и он на сиамский манер бесследно исчезал.

— Пожалуй, я сколочу клетку, — объявил Чарльз после нескольких минут тяжелых размышлений. Нет, не маленькую, пояснил он, а вольеру, чтобы сажать в нее Сили и уже твердо зная, где он.

— Ну а пчелы? — сказала я, узрев еще одну опасность: Сили подкрадывается к улью и пытается заглянуть внутрь.

Мы обговорили вольеру, обсудили пчел, учли Аннабель. Нельзя допустить Сили на ее пастбище, сказал Чарльз. Только вообрази, как она его копытом... Сама я еще об этом как-то не подумала, но теперь вообразила, и еще как! Ну и конечно, крышки на все дождевые бочки. Ну, и самое главное, самое неотложное — его знакомство с Шебой.

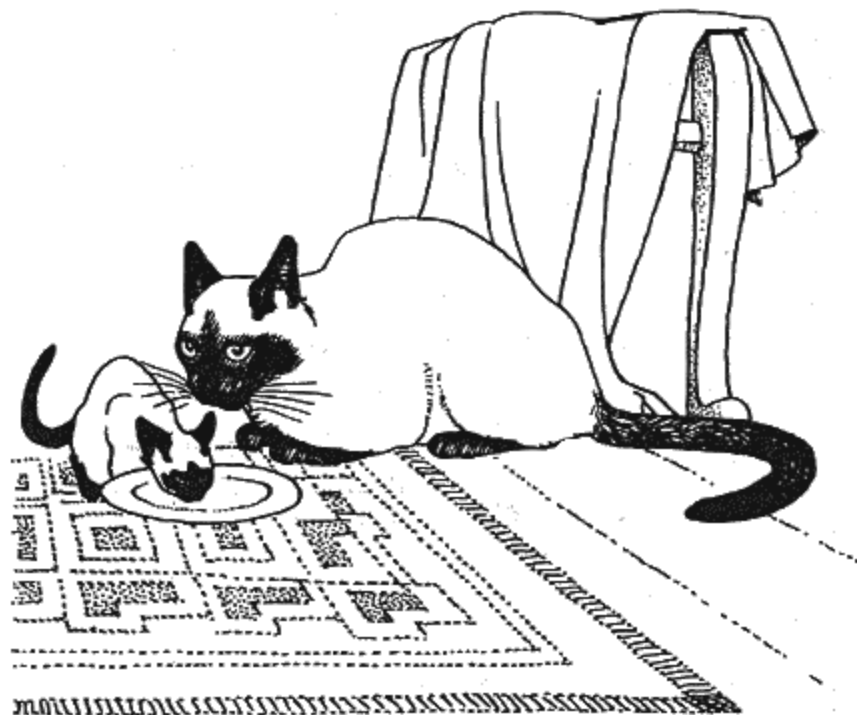
Заснули мы, когда уже светало. Шеба, не подозревая, что ее ожидает, уютно примостилась у меня на плече. В конце концов, тоже не слишком представляя себе, что ожидает нас, хотя и полагали,

что предусмотрели все случайности, возможные на первых порах, мы тоже уснули.

Встали мы в семь, отодвинули засов на кухонной двери, вышли во двор подышать деревенским воздухом перед дневными превратностями... и тут же столкнулись со случайностью, которую не предусмотрели. Сили выбежал из двери раньше нас и тут же свалился в рыбный прудик.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

И вот мы опять вытираем на кухонном столе мокрого котенка.

— Совсем как Соломона, — сказал Чарльз, предавшись воспоминаниям. Да, правда. С той только разницей, что Соломон, когда он столько лет назад свалился в прудик и вызвал такую суматоху, гнался за зайцем и влетел в воду с разгона, тогда как Сили невинно семенил по двору, вскарабкался на бревнышко перед прудиком, о которое Соломон любил точить когти, и, повернув голову влево, чтобы впервые с изумлением обозреть лужайку, продолжал двигаться вперед по прямой и просто влез в воду.

Поразительно, как он в один момент выглядел таким крупным котенком на длинных нескладных ногах — например, когда мы увидели его в первый раз, а в

другой (когда пересекал двор) умудрялся казаться совсем малюсеньким. Семенил — единственное подходящее для этого слово. На толстых лапках в черных носочках.

Если мы питали надежду, что его крохотность умилит Шебу, то напрасно. Мы его высушили, покормили завтраком, сами позавтракали, чтобы подкрепиться перед грядущим испытанием. Затем, теперь, когда время настало, ощущая себя предательницей, я принесла Шебу вниз из спальни. Столько лет с Соломоном, думала я, так как же мы ее теперь расстроим!

Нет, она не накинулась на него, как мы опасались. Она просто бросила на него истомленный взгляд и ушла наверх. Где пробыла весь день, тоскливо съежившись на нашей кровати. Это больше не ее дом, сообщила она нам, когда мы попытались сманить ее вниз. Мы принесли другую кошку, чтобы заменить ее. Она останется наверху и Умрет.

И это напомнило об ушедших годах больше всего остального. Ей с Соломоном было четыре, когда мы попытались завести еще котенка. В товарищи Соломону, так как Шеба становилась все более чопорной и Соломон порой скучал. Шеба вскоре положила конец нашему плану. В своей кампании против Самсона она далеко превзошла Боадицею, восставшую против римских завоевателей во главе воинственных исени! Она шипела на него, осыпала ругательствами, зловеще следила за ним из окон... а также подралась с Соломоном и укусила его за лапу... Дай ему волю, и он Подружится с этим Котенком, вопила она, вцепляясь в бедного толстяка. А потом принялась шипеть на нас с Чарльзом, и нам пришлось вернуть котенка... Еще одна причина опасаться за Сили. С Соломоном все практически, наверное, уладилось бы. Но Шеба? Нет, мы не забыли перипетий с Самсоном.

Но такой подавленности мы никак не ждали. И снова принесли ее вниз. Она наша самая лучшая, самая любимая девочка, заверили мы ее, поглаживая, всячески лаская. Она же глядела на Сили глазами загнанной лани. Она хочет к Соломону, сказала она, ускользая наверх.

В конце концов, лед сломал Сили, и тут нам улыбнулась судьба. Выбери мы котенка, выросшего в обычной обстановке — под ревливой материнской опекой, не видя других взрослых кошек, даже не зная, что на свете есть другие кошки, — Шеба, вероятно, внушила бы ему дикий ужас. Но Сили-то рос в обществе трех взрослых кошек, с отцом, который то покидал дом, то возвращался в стиле коммивояжера... Нет, взрослые кошки Сили не пугали — он давным-давно убедился, что грозить они грозят, но маленьких котят не кусают... ну, конечно, если маленькие котята не заходят слишком уж далеко.

И вот когда мы снова принесли Шебу вниз и на этот раз закрыли дверь, чтобы она снова не ускользнула, она, видя, что пути к спасению отрезаны, наклонилась к нему голову и испустила такое злое ворчание, которое насмерть перепугало бы и лося, он с восторженным писком кинулся к ней и сообщил, до чего рад ее видеть. Она же такая Милая. Он хочет с ней Дружить. Как ее Зовут? Вопрос явно сыпался за вопросом.

И, судя по выражению ее морды, Шеба столь же явно отказывалась отвечать на них. Да она завтракает котятами вроде него, угрожающе предупредила она. Но этим и ограничилась — угрозами. А поскольку он не запугивался, наступила вторая стадия их знакомства: Шеба сидела с выражением отчаявшейся мученицы, а Сили, всей мордочкой излучая обожание, решительно усаживался рядом с ней.

Он так старательно ей подражал, что трудно было удержаться от смеха. Если Шеба сидела прямо, он тоже сидел прямо во все свои восемь дюймов. Если Шеба устраивалась на уголке стола, безнадежно подобрав под себя лапы, тут же рядом с ней торопился примоститься Сили, точно так же подобрав под себя лапки. И бесполезно было отступить под стол, всем видом выражая, как ей противно его общество, — взмах хвостика, и он оказывался под столом рядом с ней. А тут хорошо, говорил он, устраиваясь настолько близко от нее, насколько осмеливался. Уютно, уединенно, ну, просто как в пещере, правда? Это начинало действовать на нее. Мы это заметили, когда она перестала ворчать на него и перешла на отрывистое щебетание, которым пугала птиц. Предполагалось, что это страшно до жути, а она к тому же вытягивала шею и прижимала уши. Но мы-то не напрасно прожили с ней все эти годы. Наша Шеба начинала сдаваться. Оценки того, сколько времени им потребуется, чтобы подружиться, колебались от четырех дней до двух недель и до решительного предсказания мисс Уэллингтон «Никогда!».

Познакомились они утром в понедельник. И ровно через два дня в среду утром Сили решительно вскарабкался вверх по лестнице и вошел, в нашу спальню, где, тщетно испробовав все способы избавиться от него, Шеба укрылась в единственном месте, куда он еще не проникал следом за ней — в гнездышко из свитеров на нашей кровати. Накануне он добрался до верхней площадки, но мы поспешно унесли его вниз. А теперь вмешиваться не стали. Он перемахнул через свитерный парпет, упоенно приветствуя Шебу восторженным писком. А, так вот где она... Ух, до чего тут уютно... И какая же она умница, что отыскала такое шикарное местечко!

Шеба до того прижала уши, что больше всего смахивала на борзую, а мы уже протягивали руки, чтобы спасти смельчака, если она на него замахнется. Однако как она могла справиться с тем, кто так ее обожал? Сили плюхнулся толстым тельцем на грелку возле нее и облизал ей морду, блаженно жмурясь. Шеба, все еще прижимая уши, продолжала сидеть совершенно прямо, пока он этим занимался, а затем, явно против воли, смущенно и сдержанно сама его лизнула. Вот так. Когда я через пять минут поднялась в спальню посмотреть, как они там, он спал, прижавшись к ее боку, а она с тихим спокойствием в глазах, впервые через месяц с лишним, лежала, уткнув голову в шерсть другой кошки.

После этого она уже не оплакивала Соломона. У нее хватало дела присматривать за Сили. Не то чтобы он, учтите, так уж ей нравился. Она приняла его, поскольку не могла найти Соломона, как существо одной с ней крови, с кем она могла проводить время, смотреть, как он бегают, и вновь слышать привычные кошачьи звуки в доме, который внезапно окутался тоскливой тишиной; и кто смягчал ее внутреннее одиночество. Несомненно, она его терпела, потому что он был котенком. Но ничего похожего на нежность она к нему не питала. И обожание, которым он ее окружал, доставляло ей только хлопоты.

Верхом его желаний, видимо, было Во Всем Походить На Его Подругу Шебу. Если она куда-нибудь шла, он упоенно трусил рядом. Если она садилась, садился и он. Если она пила из мисочки, он бросался тоже пить. Если она свертывалась клубком на каминном коврикe, рядом свертывался и он. Это еще ничего, но, когда он повадился провожать ее до ящика, садился прямо перед ним и с глубочайшим восхищением на мордочке следил за тем, что она там делала, это превосходило всякие пределы! Ух, какая же она

Умница, говорил Сили, и глаза у него были круглыми, как у совы. Неужели ей Нигде нет покоя, вопрошала Шеба, оскорбленно спрыгивая с ящика на напряженных ногах.

Нас несколько смущало его настойчивое желание разделять с ней и трапезу. Им ставились отдельные миски, и свою он подчищал, как бульдозер, выкрикивая между глотками, что он Сейчас Придет, Сию Минуту. И все время жаждуще оглядывался на Шебу. Бросался, чтобы присоединиться к ней, на полдороге вспоминал, сколько еще не доел, и снова кидался к своей миске. В конце концов, якобы не устояв перед желанием быть рядом с ней, он все-таки покидал свою миску и присоединялся к Шебе, подсовывал голову под ее смилившийся нос и принимался очищать ее миску даже еще стремительнее, а затем молниеносно возвращался к своей.

В конце концов, как он ни вопил, что Любит Ее и хочет делить с ней Все, мы начали кормить их в разных местах. Шебу на кухне, где она кушала мирно и медленно, с частыми репликами по адресу Чарльза — она всегда ела лучше в присутствии Чарльза; а Сили в коридоре снаружи, где он поглощал свою порцию с быстротой, словно его месяц не кормили, после чего наступала подчеркнутая тишина, означавшая, что он пытается заглянуть под дверь. Проверая, там ли Шеба, объяснил он, когда я его застукала за этим занятием. Прикидывая, не оставит ли она что-нибудь — так, по крайней мере, казалось мне.

Ел он быстро. Пил быстро — и так помногу, что я, ничего не забыв, испугалась за его почки, но Чарльз сказал, что в возрасте Сили с ними ничего быть не может, а пить он хочет, потому что от крика у него глотка пересыхает. Ну, и двигался он тоже быстро.

Причем не только по горизонтали, но и по вертикали, так что часто я замечала его присутствие в

комнате, когда он взлетал на меня, как белка. Однако, точно так же, как Соломон, лазить он не умел совершенно. Первый прыжок — и он, отчаянно извиваясь, повисал на чем-то. Если речь шла обо мне, то обычно он надежно вцеплялся в сиденье моих брюк. Но Чарльз выше меня, так что прыжок ограничивался коленями. И тогда раздавался прямо-таки потусторонний вопль. Когда на второй же день пребывания Сили у нас Чарльз, хромая и держась за колено, вошел в ванную и потребовал пластырь, я была с ним очень резка. Так кричать, сказала я. Поднимать такой шум. Из-за того, что малюсенький котенок вскарабкался по его ноге!

— Ты бы тоже закричала, — заявил Чарльз, — если бы у тебя под брюками ничего не было.

И правда, оказалось, что под брючиной колено бедняги Чарльза обильно кровоточило в нескольких местах.

Бедняга Чарльз, вечно ему доставалось. Как-то вечером он сидел в кресле и читал, а Шеба пристроилась у него на коленях. С тех пор как Сили водворился у нас, прошло около недели, и Шеба плохо ела. Буйный Сили ее замучил, решили мы, а потому для поддержания духа ее следует окружить особыми заботами. Особые заботы, естественно, включали и пробуждение ее аппетита. И вот, временно изгнав Сили на кухню, я кормила Шебу на коленях Чарльза кусочками свиного сердца. Она съедала кусочек, следующий роняла, потом съедала еще один. К тому времени, когда она насытилась, Сили устроил на кухне содом и гоморру — с какой стати его заперли? Я подбирала упавшие кусочки сердца, а Чарльз громко сетовал на судьбу своих брюк. Чего только ему не приходится терпеть из-за этих чертовых кошек! Колени у него изодраны в клочья, вся одежда в махрах, а вот теперь брюки измазаны свиным сердцем...

Это я сейчас исправлю, сказала я, принесла из кухни полотенце, тазик с водой и принялась оттирать брюки. Все шло отлично, пока они не промокли насквозь. Шел ноябрь, вода из-под крана была ледяной, и едва она добралась до кожи, как Чарльз взвился чуть не до потолка. Черт подери, сказал он. Что это я затеяла? Хочу его заморозить? Даже Сили в кухне замолк и прислушался.

Вслед за тем Шеба лишилась голоса. Мы ничего не понимали. Сегодня она доверительно беседовала с нами своим надтреснутым сопрано— мы трое ведь Друзья, верно?.. Ей ведь можно гулять Одной, верно?.. Котята такие Глупые, верно?.. И мы с Чарльзом соглашались с каждым словом — и вот назавтра она была способна издавать лишь вымученный писк.

За четырнадцать с половиной лет ничего подобного с ней не случилось. Наверное, последствия шока от потери Соломона, решили мы, или подсознательный протест против того, что мы взяли Сили. А может, она так на него чирикала, что натрудила горло? Или от ревности пытается изображать котенка?

Ветеринара мы не вызвали. В остальном она казалась совершенно здоровой, а в то время ветеринар все еще ассоциировался с Соломоном. Да и через два дня к ней вернулся аппетит. Но не голос. Дни шли, а она все еще только попискивала, и мы уже потеряли всякую надежду. Но две недели спустя после того, как она внезапно практически онемела, однажды утром Чарльз возбужденно воскликнул:

— Она заговорила!

— Да, и еще как! Когда я вышла спросить, как она себя чувствует, «Уааааа!» сказала Шеба глубоким басистым контральто.

До этого у нее было сопрано. Со временем ее голос стал несколько выше, но далеко не таким высоким, как прежде. Что-то повредило ее голосовые связки, хотя мы

все еще считали шок наиболее вероятной причиной. Но несколько недель спустя я пила чай у Дженет дальше по дороге, и она сказала, что ее кот Руфус сильно недомогал. Несколько дней отказывался есть, сказала она, а потом потерял голос. Не то чтобы он был таким уж голосистым, но теперь он был способен лишь на жалкий писк.

Она полагала, что Руфус подцепил какую-то инфекцию у бродячей кошки, которая последнее время бродила в окрестностях. Шеба, рыскавшая по саду в поисках Соломона еще до появления Сили, тоже могла заразиться.

А мы даже не подумали, что причина — инфекция, хотя теперь все сомнения отпали. Впрочем, конечно, сообразили бы, заразись и Сили.

Вероятно, Сили не заразился, потому что едва расстался с матерью и был битком набит антителами. Но тем временем он отыскал другие способы терзать нас тревогой. Например, упорным желанием залезть в трубу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Это было одно из немногих его отличий от Соломона. Того каминная труба совсем не интересовала. Шеба однажды встала на задние лапы и с любопытством заглянула в нее, но тут же решила, что пролетающий мимо комар куда интереснее, кинулась его ловить и изукрасила стену гостиной художественными черными отпечатками лап, такими похожими на миниатюрные листья плюща! Но больше никакой роли в их жизни труба не играла.

Разумеется, уходя, мы ставили защитную решетку перед огнем, как и на всех электрокаминах. Правда, тут нам приходилось проявлять бдительность, потому что Соломон был мастером просовывать хвост в ячеи. Помню, кто-то однажды спросил меня по телефону, как они. «Прекрасно!» — ответила я и даже не подумала

поддержаться за дерево. «Лучше не бывает. Против обыкновения, никаких происшествий!» И не успела я положить трубку и открыть дверь в гостиную, как Соломон, сидевший перед огнем, встал, задрал хвост, попятился в своем обычном танце приветствия — и всунул хвост прямо сквозь проволоку в огонь. Правда, все обошлось, Я успела оттащить его прежде, чем огонь добрался до кожи. Тем не менее всего через пять секунд после того, как я порадовалась безоблачности нашего существования, — жугкий запах паленой шерсти, а хвост Соломона оголился полосками, которые заросли только через несколько недель. Когда имеешь дело с сиамами, лучше на лаврах не почивать.

Нет, с Сили мы на лаврах не почивали. В первый же день мы обнаружили Сили распластавшимся на верху каминной решетки, точно белая морская звезда (уже наступила зима, и мы топили камин), и тут же приняли необходимые меры предосторожности. Он, несомненно, подбирался к двухдюймовому просвету над решеткой, и мы сразу же затянули просвет полосой проволочной сетки, оставив свободные концы, чтобы заводить их за края камина. И, подложив снизу тяжелые каминные щипцы, мы решили, что достаточно обезопасились. И не ошиблись, хотя не знаю, что больше поражало гостей — вид камина с проволочным ограждением, словно на передовой, или зрелище Сили, повисшего на самом его верху. В последнем случае ничего не стоило прочесть их мысли. «Господи, они обзавелись еще одним!»

Решетка не только производила гнетущее впечатление, но, естественно, задерживала часть жара, а потому, намереваясь никуда из комнаты не выходить, мы ее убирали. В одно прекрасное утро Чарльз его затопил, как обычно, и мы сели завтракать в другом конце комнаты. Чарльз, поднося чашку к 1убам, сказал, что, пожалуй, сегодня он займется подготовкой яблонь к холодам, внезапно на полуслове брякнул чашку о

блюдце с такой силой, что расплескал кофе по всей скатерти, и с воплем рванулся боком через комнату, словно его дернули за веревку. Я сидела спиной к камину и ничего не поняла. И только когда я обернулась и увидела, что он распластался на животе, сжимая котенка, черного как грех, мне стало ясно, что произошло.

Тяга, сказал Чарльз, никуда не годилась, и он как раз посмотрел на угли и подумал, что после завтрака придется их снова разжигать, как вдруг над темными углями взвилась искра, на мгновение повисла в воздухе, а затем звездой уплыла в трубу. И в тот же момент Сили, который сидел на каминном коврикe с мечтательным выражением на мордочке, будто ожидал Санта-Клауса (вот почему сиамских котят так часто изображают на рождественских открытках), вознесся следом за ней, и Чарльз благодаря тому, что как раз смотрел туда, а также и своей стремительности, успел вовремя его перехватить.

После этого мы перестали убирать решетку, а так как у нее из-за привязанной сверху сетки вид был просто мерзкий, решили обзавестись новой точно нужного размера. А раз так, то из кованого железа — ведь ее и летом придется там оставлять. А камин у нас очень широкий, чтобы можно было укладывать длинные поленья, и потому решетку пришлось специально заказывать, так что этот каприз сиамского котеночка обошелся нам недешево.

Отличался Сили от Соломона и в вечно неотложном вопросе о том, где должен находиться его ящик. Соломон и Шеба родились в коттедже. На нашей кровати, собственно говоря — иначе, утверждала их мамочка, она вообще воздержится от родов. Со столь же несгибаемой решительностью она пожелала растить их наверху — там им не угрожали похитители, которые чудились ей за каждым углом, а потому первые

наиболее запечатляющиеся недели жизни они провели в свободной комнате, где, понятно, стояли и их ящики. И для Соломона этот факт превратился в железный закон. Его ящик всегда стоял там, он не сомневался, что найдет его там, иначе его желудок отказывался работать, о чем он извещал всю деревню басом профундо.

После четырнадцати с половиной лет привычного следования за Соломоном Шеба тоже считала само собой разумеющимся, что и ее ящик будет стоять там. Естественно, не для постоянного употребления. Среди георгинов были чудесные места, чтобы выкапывать ямки. Другое дело, когда мы уходили, или лил дождь, или ночью, когда вокруг коттеджа рыскали лисицы.

С Сили все обстояло по-другому. Он родился там, где не было ни лисиц, ни мчащихся мимо машин и где поэтому для них имелась кошачья дверца. И он никак не мог понять, почему ее нет у нас, зато прекрасно знал, где ей положено находиться, и, когда подчинялся зову Природы (в десять раз чаще обычного котенка, так как пил слишком много), он шествовал к кухонной двери и вопил на нее. Днем его можно было выпустить в сад, куда он целеустремленно бежал и, как правило, выкапывал шесть ямок, прежде чем добивался идеальных пропорций. Но ночью мы выставляли его в прихожую и указывали путь наверх.

Сили просто никак не мог к этому привыкнуть. Ведь его же не станут ругать, что он — Грязнуля, жаловался он, округляя от смущения голубые глаза, когда усаживался на своем пластмассовом тазике в углу. И даже когда он убедился, что его вовсе не ругают, ему не нравилось подниматься по лестнице в темноте. Он же все-таки был еще ребенком. И не родился здесь, в отличие от Соломона и Шебы. И в полной темноте идти через чужую прихожую вверх по чужой лестнице в место, в котором его мамочка, как он прекрасно знал,

не позволила бы ему отправлять свои дела, — все это должно было очень тревожить маленького котика.

Ну и пришлось оставлять для него свет на лестнице и подбодрять его, когда он очень неохотно поднимался по ней, негодуя, что мы остаемся внизу. А потому, обнаружив пластмассовый тазик, совсем такой, каким он пользовался в свободной комнате, но в куда более осмысленном месте (за дверью гостиной на пути к кухне, а значит, в направлении, где положено быть кошачьим дверцам и ящикам), он тут же начал его использовать. И вот в течение многих лет пользуясь пластмассовым тазиком для хранения мелких кусков угля (он ведь был и легче обычного ведерка, и не мог оцарапать отделку камина, когда я его накреньяла), мы вдруг заметили, что они как-то подозрительно сыроваты. А иногда, если в тазике не было угля, на стенках виднелись явные потеки. Так таинственно! Однако сваливать это на эльфов не приходилось. От тазика всегда тянулась цепочка черных маленьких следов.

Затем настал вечер, когда у нас сидели гости и Сили (в этом он ничем не отличался от Соломона) совсем затаился на случай, если кто-то из них задумал его Похитить. Он садился за ножками кресел, жался по углам, а глаза у него были совсем круглые. Если кто-нибудь заговаривал с ним, он не отвечал, только глаза у него делались еще круглее. Один раз я вынесла его в прихожую на случай, если ему требуется ящик, но белая тень почти сразу же метнулась назад в дверь и скрылась под столом.

Мне и в голову не пришло, что в присутствии чужих он тем более не захочет подниматься вверх в одиночестве. И еще мне не пришло в голову, что он — будучи Сили — никак не мог провести пять часов подряд, ни разу не наведив ящика. В конце концов, гости ушли, задержавшись у дворец своих машин,

чтобы поахать о свежести ночного воздуха в Долине, о таинственном журчании ручья, струящегося в темноте совсем близко, о небесном куполе в алмазах звезд, мерцающих над соснами... Провожавший их Чарльз любезно соглашался с каждым словом. Однако, когда он вернулся в дом, вид у него был далеко не такой безмятежный. Остается только надеяться, что никто не заметил, сказал он кисло. А когда я спросила, чего никто не заметил, он ответил:

— Как Сили воспользовался совком для угля.

Выяснилось, что Сили не стерпел. И, не желая помешать Светской Беседе (или, что вероятнее, не желая идти наверх), он нашел только один выход: в своем детском умишке приравнял пластмассовый тазик к медному совку для угля в гостиной... и воспользовался им. Чарльз заметил, как он восседал там с сосредоточенным выражением на мордочке, которое могло знаменовать только одно. А кто еще его заметил, только Богу известно. Мы же знали одно: хотя Соломон сам никогда не прибегал к совку для угля, в принципе этот поступок был чисто соломоновским.

Собственно говоря, Сили был гораздо больше похож на Соломона, чем не похож, и с каждым днем все больше ему следовал. И в том, как выглядел, и в том, как мыслил, и в его неуклюжести — а главное, в непрерывно крепнувшем желании стать искателем приключений.

При мысли о такой возможности я содрогалась с самого начала. Все эти акры лесов, и вересковых пустошей, и манящих поросших травой проселков — а Сили, такой маленький, не подозревающий о таящихся в них опасностях... Иногда мне кажется, что сиамские котята потому-то и беленькие. Когда они неизбежно отправляются в эти свои исследовательские экспедиции, их матери без труда обнаруживают путешественников и утаскивают их домой. Темный

мазок на носу, который позже расширится в красивую сиамскую маску, черные носочки, которые со временем станут элегантными сиамскими чулками, темные кончики ушей и нелепый черный хвостик-спичка, который превратится в изящный изогнутый хлыст, — все это им, вероятно, придано, чтобы при встрече с членом их рода они могли бы доказать, что и они сиамы. Но Природа не снабжает сиамских котят камуфляжем — они неоспоримо и заведомо белые, что лишь доказывает, как хорошо Природа знает свое дело.

После его появления у нас примерно неделя прошла обманчиво спокойно — когда я его выпускала, мне было достаточно выглянуть за дверь, — и вот он внимательно изучает мир с примыкающей к кухне стены или, округлив глаза, оглядывает из-за угла лужайку. А потом Сили, как до него Соломон, взял и отправился погулять.

Для начала по склону за коттеджем, где он, беленький, выделялся на фоне травы, как грибок-дождевик. Очень смелый грибок, особенно когда он подкрадывался к Аннабели. Но тут она фыркала, оборачивалась к нему, и внезапно, к большой его растерянности, картина менялась на прямо противоположную.

Аннабель его завораживала. С той самой минуты, когда он в первый раз выглянул в кухонное окно и увидел ее на склоне — огромный, мохнатый, бродящий взад-вперед половик. Без сомнения, именно из-за нее он осмелился отправиться на склон — хотя одно дело бесстрашно следовать за мохматым чудовищем и совсем другое, когда чудовище на него смотрит. Тогда он садился — предположительно Мамочка велела ему всегда выглядеть Беззаботным в момент опасности и ни в коем случае не убегать. Беззаботность у него получалась: он невозмутимо посматривал на склон, небрежно оглядывался через плечо, а иногда метал быстрый взгляд вверх на Аннабель, которая высилась

над ним, опустив голову. И в то же время он дрожал как осиновый лист и был явно рад, когда я прибегала и хватала его на руки.

Тем не менее он упорствовал. Когда утром она являлась к двери за лакомством, он отважно шел через кухню, чтобы понюхать ее нос. Затем он открыл, что стоит влезть на стол, и можно будет доблестно нападать на ее уши. А когда дело дошло до того, что Аннабель — или это просто казалось нам, зрителям? — стояла, нарочно опустив уши, чтобы Сили мог с ними поиграть, его самоуверенность уже не знала пределов.

— Нет-нет, не трогай их, — сказала я в первый раз, когда Сили во дворе впервые прогулялся между ее ног, и Чарльз, опасаясь, как бы она на него не наступила, готов был броситься спасать его. И Сили кружил между копытами с такой доверчивостью, словно проходил сквозь крокетные воротца, а Аннабель благодушно свесила нижнюю губу — знак, что в ней, как мы знали уже давно, пробудились материнские чувства. И мы решились посадить его ей на спину. Он повел себя так, словно родился наездником: припал к ее мохнатой спине, чтобы лучше держаться, и проехал — сначала несколько пробных шагов по двору, затем через калитку на дорогу и в конце концов за угол и вверх по крутой тропе на луг за коттеджем, где она паслась.

Увидев это, старик Адамс пришел в неистовый восторг.

— Из него такой еще жокей вырастет, — заявил он, когда Сили проехал мимо него, сосредоточенно держась за Аннабель.

Он не ошибся. Еще несколько таких дней — и наш жокей обнаружил, что, прокатившись на Аннабели до ее луга, можно спрыгнуть с ее спины, стремительно проскочить сквозь проволочную ограду и удрать вверх в сосняк, прежде чем кто-нибудь успеет его остановить. А там можно кружить между стволами, сознательно нас

поддразнивая. Все более смелея, он начал уходить в лес глубже и глубже. Чарльз еще не построил вольеры — отчасти потому, что никак руки не доходили, да и в любом случае нельзя же сажать котенка в загончик на лужайке в самую зиму. Лучше дать ему поразмять ноги, а потом унести в дом, сказал Чарльз.

Что ж, ноги приходилось разминать и мне. Вновь я испытывала старые знакомые чувства. Страх, когда видела, как он мчится вверх по холму к опушке. Досаду, когда я гналась за ним, а он под самым моим носом ускользал в чащу. Бессильную злость, когда я бежала за ним, а он вполне сознательно прыгал в заросли ежевики, куда я, как ему было прекрасно известно, не могла за ним последовать. И панику, когда я звала, а тишина оставалась нерушимой.

Ну, и глубочайшее облегчение, когда после того, как мы целую вечность искали, звали, как сумасшедшие бегали взад и вперед по дороге к тем местам, откуда он мог выбраться, из леса доносилось тоненькое жалобное «уаааа», в кустах слышался шорох и — в целости и сохранности вопреки всем лисам, барсукам, собакам, каких мы успели навоображать, — на проселке перед нами, приплясывая, появлялась белая фигурка с темным мазком на носу.

— Словно на Рождество, когда звонят все колокола, — так Чарльз описал это чувство.

Но я мысленно уже перебирала все будущие тревоги. Теперь, когда он обнаружил лес у нас на задворках, много ли пройдет времени, прежде чем он начнет забираться в наш собственный лес по ту сторону дороги? А оттуда в плодовый сад, где Чарльз держит этих проклятых пчел?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда за два года до этого Чарльз сказал, что подумывает заняться пчеловодством, я сказала: «Нет-нет!» Нам хватает хлопот с Аннабелью и кошками, сказала я, и без всяких пчел.

Ради его фруктовых деревьев, объяснил Чарльз. Они нуждаются в перекрестном опылении.

Да, они бесспорно в чем-то нуждались! В нашем плодовом саду было около сотни деревьев — яблони и груши, сливы, терносливы и вишни. Весной их вид вдохновил бы самого закаленного поэта — облака цветков, бабочки, Аннабель по колено в изумрудной траве, — но наступала осень, и вместо урожая нас ждало разочарование. То ли высота, то ли почва не благоприятствовали развитию плодов или же любовь

Чарльза к птицам — если они не склевывали цветки, то уж плоды...

— Плохое опыление, — заявил Чарльз в тот раз и показал мне раздел в справочнике плодоводства, где говорилось, что благодаря пчелам урожайность может повыситься на целых сорок процентов.

Опровергнуть этого я не могла, а к тому же Чарльз любит мед и съедает его фунт в неделю. Так что, в конце концов, я согласилась, чтобы мы обзавелись пчелами. При условии, что он поселит их в дальнем углу плодового сада, сказала я, чтобы мне и животным их укусы не угрожали. И чтобы мне лично никаких дел с ними вести не приходилось.

Разумеется, в который раз благие пожелания! Пчелы прибыли в февральскую распутицу. Человек, у которого Чарльз их купил (только потому, заверил он его, что намерен переехать в город, а не из каких-либо тайных побуждений), явился помочь с их водворением. Но плодовый сад расположен на крутом склоне, а улей с пчелами внутри очень и очень тяжел, и их бывший владелец предупредил, что, конечно, он забил леток дощечкой, чтобы пчелы не выбрались наружу, но все-таки улей лучше не ронять — может отлететь крышка...

Логично. Так догадайтесь, кому пришлось брести за ними двумя, поддерживая их лодыжки на крутизне, чтобы они не поскользнулись на размокшей глине? Если бы в этот момент они поскользнулись, на меня водопадом хлынули бы двадцать тысяч пчел, словно из опрокинутого ведра.

Однако улей удалось установить благополучно, и на следующий день Чарльз, исполненный мужества под довольно-таки обветшалой защитной сеткой, которую приобрел вместе с пчелами, сорвал дощечку с летка и начал ждать, пока не появятся пчелы.

До этого прошло несколько дней. Для первого вылета пчел после зимы необходимо солнце и тепло, но

затем Чарльз пришел и сообщил, что одна-две выбрались... а на следующий день еще две-три... а еще через пару дней разразилась катастрофа. Перед ульем валялась грудa мертвых пчел.

Однако дело обстояло не так плохо, как могло показаться. По справочнику выходило, что причина не болезнь, а просто истощились их запасы. Необходимо было немедленно снабдить их пищей, хотя, подозреваю, спешка, на которой настаивал Чарльз, была не столь уж обязательной, тем не менее я в окружении немытой посуды спешно готовила пасту для пчел, а он стоял наготове, чтобы броситься с ней к ним, едва она остынет.

Ну, остыла она достаточно быстро. К тому времени, когда я успела наполнить три блюдечка, остальная в кастрюле так затвердела, что я выковыривала ее несколько дней.

Вы когда-нибудь пробовали пасту для пчел? Вкус совсем как у помадки. Нам она понравилась. И Аннабели тоже — получив несколько кусочков, она до конца утра маячила на склоне напротив кухонного окна, облизывая губы и проверяя, не начали ли мы варить еще. Но самое главное, она понравилась пчелам. Чарльз выкладывал ее по одному куску на крышку улья. Первого куска им хватило на неделю. После этого они принялись за следующие с таким рвением, что я как будто каждый второй день варила пасту и выламывала ее из кастрюли.

Потом, однако, мне удалось перейти на пчелиный сироп, готовить который куда проще, чем пасту. Она — зимний корм, когда пчелы почти не покидают улья, и если давать им жидкий корм, они пачкают улей и умирают.

Но теперь они уже вылетали наружу — сначала десятками, потом сотнями, а затем, по мере того как погода становилась все теплее, так и тысячами. Именно

на этом этапе Чарльз, к тому времени протоптавший четкую тропку вверх по склону, заметил движущийся по ней беззаботно задранный черный хвост. Это как-то поутру Соломон отправился Посмотреть, Что Там На Вершине. К счастью, день, против обыкновения, выдался пасмурный, и пчелы не летали. Когда Чарльз нагнал его, Соломон уже терся головой об угол улья и мурлыкал. Нигде не было видно ни одной пчелы, но, сказал Чарльз, внутри улья они тоже замурлыкали — и очень громко.

Еще одно развлечение: мчаться вверх по тропинке за Соломоном, который, хотя прежде никогда даже не приближался к этому углу сада (почему мы и установили улей именно там), теперь вел себя так, будто был электропоездом, а тропка — рельсами, свернуть с которых он никак не мог. Со временем он предпочел улью мышиную норку у конюшни Аннабели, а поскольку мы знали, что Соломон абсолютно целеустремлен и поджидание мыши у норки останется в повестке дня на долгие недели, можно было расслабиться.

А пчелы все это время собирали пыльцу, которой кормят свою молодежь. Они таскали пыльцу ивы, пыльцу лещины, пыльцу боярышника... мне приходилось верить Чарльзу на слово, как замечательно они выглядят, когда мужественно ползут по приступке к летку, а на обеих задних ногах топорщатся корзиночки, битком набитые пыльцой. Сама я все еще близко к улью не подходила. За работой я увидела их только, когда боярышник отцвел, бузина еще не зацвела, и в промежутке они устремились в огород на маки.

И уж дали себе волю! Не перелетали с цветка на цветок, как на боярышнике, а забирались в чашечку, терлись о тычинки, точно щенок о коврик, таким способом заполняя пыльцой корзиночки на задних ногах, словно скребки, и в мгновение ока улетали с

грузом. Цвета красного вина от налипшей пыльцы, с двумя корзиночками винного цвета пыльцы, свисающими под брюшком, как бомбы под самолетом,

Увлекательнейшее зрелище! Возможно, и из меня вышел бы пчеловод, но как раз тут Чарльз был ужален. И не когда он стоял возле улья. Хотя тогда он был бы в сетке. Нет, он стоял от улья далеко и с интересом наблюдал, как они трудятся. И видимо, внушил подозрения пчеле-охраннице, и она подлетела прогнать его. После чего запуталась у него в волосах и ужалила в голову, потому что не сумела выпутаться. О чем я узнала, когда он кинулся вниз по склону, громогласно зовя меня на помощь. Легче сказать, чем сделать! Пчела все еще жужжала, как безумная, у него в волосах. И брать ее пальцами мне никак не хотелось. А потому я нашла другой способ и хлопнула его по голове. Да, пчелу я ухлопала, но заодно практически и Чарльза, так он, во всяком случае, утверждал. Своим ударом я загнала жало ему в череп. Когда я прихлопнула пчелу, она сидела у него на лбу, а жало я обнаружила на затылке, но он твердо стоял на том, что оно оказалось там по моей вине.

Как бы то ни было, жало я извлекла, на голове у него вздулась небольшая опухоль, совсем небольшая... А, пустяки, заверил он меня, стоит привыкнуть, и дело с концом. Заявил он это с мужеством человека, который, продрожав несколько дней, все-таки решился на прививку.

Когда он был ужален во второй раз, то выразился иначе. Произошло это несколько недель спустя, и в течение этого срока он никогда не входил в сад без сетки, приобретя новую, так что успел наловчиться вставлять в улей рамки. Это приспособления, которые вставляются в улей, чтобы пчелы заполняли их медом. Для этого снимаете крышу, дымите на пчел, чтобы их успокоить, устанавливаете рамку, и черт вам не брат!

К несчастью, наступает момент, когда надо рамки вынимать, а это уже не так просто. У пчел есть привычка все закреплять на своих местах с помощью вырабатываемого ими клея, который называется прополисом, и если не смазать края рамок вазелином — о чем Чарльз благополучно позабыл, — разделить их возможно только ломиком. А Чарльз намеревался забрать несколько рамок. Он ходил туда накануне вечером и обнаружил, что прилетная доска покрыта слоем пчел дюймов пять. И, заглянув под крышу, увидел ту же картину. Он решил, что они собираются роиться, а этого ему хотелось избежать. Поэтому он позвонил знакомому пчеловоду, который посоветовал ему заменить гнездовой корпус. Это их успокоит, сказал знакомый пчеловод. Если у них появится больше места для молодежи, они роиться не станут.

Беда была в том, что гнездовой корпус находится в самом низу под рамками. То есть сначала требовалось вынуть все рамки. Как бы то ни было, поутру Чарльз отправился вверх по тропинке с дымарем, сеткой и подготовленным гнездовым корпусом. Я на огороде выкапывала молодой картофель для обеда, а вокруг царили безмятежные мир и спокойствие, как вдруг я услышала, что Чарльз опять мчится вниз и взывает о помощи.

На этот раз речь шла не об одной пчеле. За ним гнался целый рой, когда он вылетел из плодового сада, словно Везувий в момент особенно бурного извержения. Я кинулась на кухню, налила воды в ведро и доблестно бросилась навстречу, чтобы облить его... но тут же остановилась, сообразив, что ведерко воды особого впечатления на эту тучу не произведет, а вот на меня они накинута. Чарльз в муках кричал:

— Зажги картон!

(Картон жгут в дымарях, но я не могла сообразить, где его искать и как быстро зажечь, когда найду.)

Вместо этого я смяла пару газет, бросила их на лужайку у стены, подожгла и крикнула, чтобы Чарльз пробежал по дороге и повис на стене. Он так и поступил. Стена защитила его от огня, а дым прогнал рассерженных пчел... Но это далеко не было счастливым концом.

Я отвела Чарльза на кухню и извлекла жало. Десять из запястья, где задралась перчатка, когда отказал дымарь, четыре из другого запястья и по одному из обоих колен — он для этой работы надел самые старые из своих рабочих брюк, все в прорехах. И пока он объяснял, что чувствует себя не очень, но должен вернуться, потому что улей лежит разобранный, в парадную дверь постучали, и, открыв, я увидела одну из наших соседок, славившуюся своей вежливостью — ей крайне неприятно беспокоить нас, сказала она, но ее ужалила наша пчела.

В голову, сказала она. Когда она заворачивала за угол. Не буду ли я так добра извлечь пчелу из ее волос?

Волосы у нее оказались очень густые, и я не сумела найти чертово насекомое. Кинулась назад в дом, схватила в ванной полотенце и терла ей голову как бешеная, пока пчела не выпала, а тогда выдернула жало и полила укушенное место раствором соды, которым лечила Чарльза.

Потом извинилась — мы сейчас в некоторой запарке, и она ушла, а из-за угла выскочил Чарльз, говоря, что Должен вернуться к своим Пчелам, и тут... честное слово, это была настоящая сцена из древнегреческой трагедии! Он неожиданно опустился на колени и растянулся поперек крыльца.

Естественно, это было результатом множественных пчелиных укусов. На некоторых людей они действуют сильнее, чем на других. Меня ни одна пчела не ужалила, но я все равно была уже в полуобмороке. Я помогла ему встать, почему-то считая, что обязательно

должна отвести его на кухню, хотя почему мне так казалось, до сих пор не понимаю. И вот мы побрели вокруг коттеджа, словно пара раненых солдат. До кухни мы добрались, но это ничему не помогло, так как Чарльз немедленно испустил долгое «ууууу» и снова упал в обморок рядом с холодильником.

Кое-как я водворила его в кресло в гостиной, положила его ноги на стул и дала ему выпить виски. Я знала, что оно не слишком полезно для его язвы, но мне помнилось, что я где-то читала, как ковбоя укусила гремучая змея и его отпаивали виски, а кроме того, я читала, что пчелиный яд сродни змеиному. Однако победа осталась за язвой Чарльза — он тут же объявил, что его тошнит. А потому я поставила возле него ведро, увела Аннабель с обочины дороги, где она паслась, проверила, что стекла в машине подняты — там спали кошки, а к этому времени вокруг было полно раздраженных пчел, — и бросилась исполнять просьбу Чарльза найти кого-нибудь, кто мог бы собрать улей.

Нашла я его с четвертой попытки. Знакомый Чарльза отсутствовал. Другой пчеловод, до которого я дозвонилась, не имел машины... то есть он сказал, что у него ее нет. А человек, который в конце концов пришел, оказался председателем местной ассоциации пчеловодов, и, судя по тому, как изогнулись его губы, когда он увидел Чарльза, возлежащего на кресле с ведром под рукой, и выслушал историю его злоключений, нам несомненно предстояло в ближайшем будущем стать темой впечатляющей лекции о том, Как Не Быть Пчеловодом.

Я окончательно укрепилась в этом убеждении, когда он вернулся и возвестил, что пчелы вовсе не собирались роиться — никаких признаков маточников, больших ячеек для цариц. А затем осведомился, каким способом Чарльз зажигает дымарь? (Он подобрал это

приспособление на своем пути туда и понял, что в нем крылась причина всех бед.)

Снизу, сообщил ему Чарльз умирающим голосом. Ну и, конечно, зажигать его полагалось сверху, но Чарльз купил дымарь вместе с пчелами, и никаких инструкций к нему приложено не было.

— Ну, в следующий раз все получится, — сказал специалист на прощание.

А когда он ушел, Чарльз сказал, что никакого следующего раза не будет. От пчел надо избавиться, и поскорее.

Однако в пчелах есть что-то такое-эдакое. К четырем часам, когда Чарльз поправился настолько, что смог выпить чашку чая, он решил пчел оставить — пусть опыляют фруктовые деревья, но подходить к ним он больше не собирается. К шести часам... ну, возможно, он иногда будет подниматься туда и наблюдать за ними, но к улью и на десять шагов не подойдет. К семи часам он уже собирался опять заняться пчеловодством всерьез, но только прежде побывает у врача, проверит, нет ли у него аллергии на пчелиные укусы.

Конечно, к врачу он не пошел. На следующий день он заявил, что в жизни не чувствовал себя так хорошо — укусы, очевидно, пошли ему на пользу. Вот почему на следующий день мы так перепугались, когда он был снова укушен.

Видимо, пока он в саду наблюдал за пчелами, одна заползла ему под рубашку, а оттуда под пояс брюк, а затем — через добрых десять минут после его благополучного возвращения, когда он собирался уже выпить чаю, — она провалилась в брюки и негодуя ужалила его в живот.

Тут он не сказал, что пчелиные укусы идут ему на пользу.

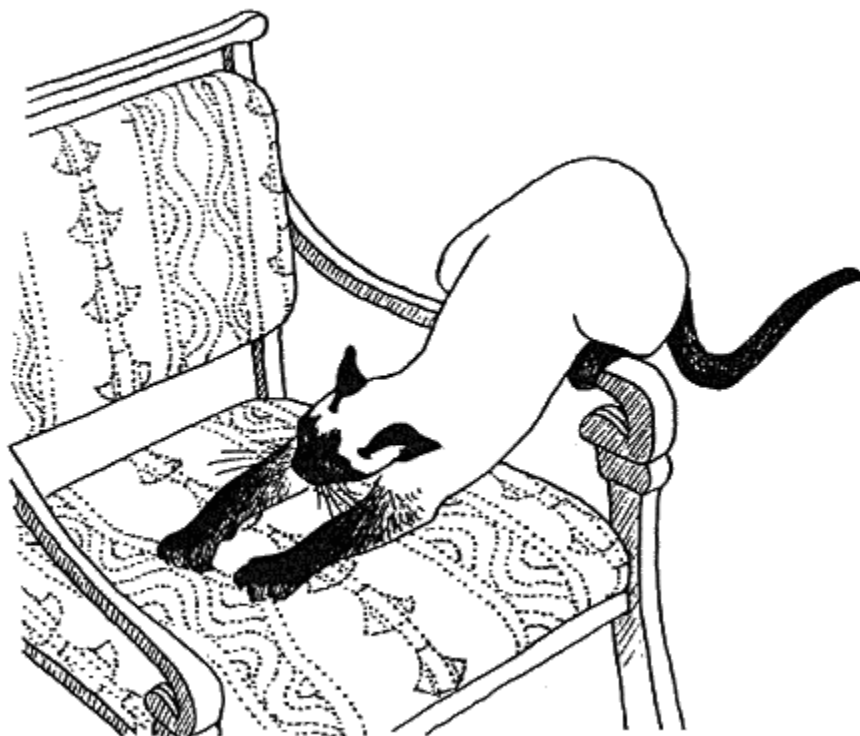
— Опять они до меня добрались! — закричал он, вылетая из кухни. — Быстрее, — это даже хуже, чем вчера!

Тут он ошибся. Укус был один-единственный. Правда, место оказалось очень болезненным. Но Чарльз прыгал и вопил, а меня охватила паника — что, если у него все-таки аллергия и этот укус окажется роковым? У меня возникло чувство, что беды гоняются за мной по пятам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Выжить Чарльз выжил, но ведь прежде, чем счесть сезон благополучно завершённым, предстояло ещё забрать мед, а, судя по тому, что я слышала, эта операция была самой рискованной.

Процедура такова: вечером в сумерках вы отправляетесь к улью, снимаете крышу, вынимаете (накрыв тряпкой, чтобы пчелы не вылезли) рамку или рамки, с которых хотите получить мед, а на их место кладёте деревянную крышку со своего рода аварийным люком. Затем рамки водворяются на место, как и крыша, и вы удаляйтесь на цыпочках. Идея заключается в том, что за ночь пчелы, работавшие в рамках, спустятся через люк в гнездовой корпус, где теоретически и останутся, поскольку люк открывается только вниз. И вот на следующий день вы сможете,

если пчелы пойдут у вас на поводу, вынуть рамки (уже без пчел, но, будем надеяться, полные меда), отнести их домой и на досуге извлечь мед.

Но только, предупреждали нас друзья, извлечением следует заниматься в абсолютно пчелонепроницаемой комнате. А потом уничтожить все следы этой операции, не то пчелы накинутся на вас похуже ос. Вот они как-то извлекали мед на кухне. Закрыли все окна и двери, а также в оранжерее за кухней, и считали, что обезопасились вдвойне. Однако в одном стекле оранжереи была малюсенькая дырочка. Всего в дюйм в поперечнике высоко в углу, однако пчелы отыскивали ее, точно индейцы-следопыты. И когда они оторвались от своего занятия, рассказывали наши друзья, им показалось — будто они в аквариуме. Тысячи пчел в оранжерее буквально плавали перед окном кухни, разъяренно поглядывали на них и искали хоть малюсенькую дырочку.

Ну, они-то со всем справились. Они же опытные пчеловоды. Укус-другой для них пустяки, да и пчелы у них спокойные. Ну, правда, не в тот момент. Однако, чтобы усмирить их, требовалось покурить дымом да выставить пустые рамки в сад — пчелы очистят их от всяких следов меда, улетят с ним в улей, и все вернется на круги своя.

У нас, однако, дело обстояло по-иному. Не только мы не были опытными пчеловодами (я, собственно говоря, принципиально вообще пчеловодом не была), но Чарльз подозревался в аллергии на пчелиные укусы, а наши пчелки были особо раздражительными. И не просто так считала я. Оказывается, пчелы разнятся в темпераменте в зависимости от места происхождения не хуже людей. Австрийские и кавказские пчелы, например, настолько покладисты, насколько возможно для пчел; черные, или английская разновидность, упорные работницы и вылетают даже в самые

пасмурные летние дни... на их кротость полагаться можно не всегда, сообщает справочник, но в них нет злобности кипрской и сирийской разновидностей. Кипрские и сирийские действительно находятся у отрицательного полюса, а наши, как следовало из справочника (можно было бы заранее предвидеть!), были, несомненно, сирийскими. Черно-желтые полосы работают как бешеные, пока светит солнце, но, видимо, утрачивают желание работать в пасмурные дни в отличие от флегматичных английских черных (вот-то отличный материал для исследователей среды и наследственности!), а к тому же, как ни жаль, крайне раздражительны и трудны в обращении.

Тем временем деревня с интересом наблюдала за нашей деятельностью. Мисс Уэллингтон повторяла, как она предвкушает минуту, когда отведаст нашего медку. Старик Адамс постоянно спрашивал, как там эти жалящие ведьмы, и, прежде чем мы успевали ответить, принимался пересказывать последнюю жуткую историю о пчелах, которую припомнил, вычитал из газет или (как иногда нам казалось) сочинил сам.

Прочтет о том, как кто-то, например, укрылся от преследований разъяренного роя в телефонной будке, и немедленно являлся к нам...

— У нас тут телефонных будок в заводе нет, — сообщал он Чарльзу. — Так что придется тебе побегать.

Затем он услышал про лошадь, ужаленную в круп — так она совсем взбесилась.

— Ты бы поостереглась, — многозначительно посоветовал он мне.

В то время я раза два-три в неделю каталась верхом на Рори, владелец которого не имел времени разминать его. Рори был своенравен, а я не ездила уже давно. И для того чтобы обрести уверенность в себе, мне не хватало только мысли, что вот Рори ужалит пчела...

Однако необходимо было что-то сделать с медом, хотя бы для того, чтобы окончательно не ударить в грязь лицом перед деревней. И вот как-то вечером в сентябре за неделю до того, как мы собрались уехать отдохнуть, Чарльз отправился вставлять в улей крышку с аварийным люком. Я ждала на дороге, держа наготове опрыскиватель с аэрозолем против садовых вредителей. Она, как я вычитала из справочника, помогала отгонять рассерженных пчел. Однако на этот раз все сошло благополучно. Чарльз, вернувшись, радостно доложил, что они так и жужжали вокруг него, но он с ними справился. Дал им понюхать дымка. И крышку вставил без малейших затруднений. Он практически уже стал заправским пчеловодом. Лучше поздно, чем никогда.

Я не была так уж уверена, а потому на следующий вечер, едва он отправился за рамками, я тоже вышла из дома — в брюках, резиновых сапогах, старом макинтоше Чарльза, туго перепоясанном бечевкой (не то в него могли пробраться пчелы), и толстых зимних перчатках Чарльза. На голову я натянула кепи для верховой езды — единственный мой головной убор с козырьком, — а сверху накинула вуаль. Предохранительной сеткой я, как убежденная противница пчеловодства, не обзавелась. Вуаль у меня сохранилась с тех пор, как мы провели отпуск в болотах Камарга. Нечто вроде складной кастрюли из муслина, снабженной кринолином из москитной сетки. Мы вешали их над нашими койками в палатке, кастрюля образовывала купол над изголовьем, сетку мы заправляли в спальники и спали мирно, в безопасности, никем не кусаемые.

Тем не менее вид у нее был своеобразный и стал еще своеобразней, когда она надела кепи для верховой езды. Но раз нужно, то нужно, и к черту все остальное, как часто говорит Чарльз. Я была

категорически против того, чтобы меня жалили, и меня мучили дурные предчувствия, что Чарльза всего изжалют, если меня там не будет. А другого способа защитить лицо я не нашла. И еще я подумывала, не развести ли огонь... в ведре и на этот раз у задней калитки... С тяжелыми рамками до лужайки Чарльз может и не добежать. Вот почему двое в машине, которая несколько минут спустя медленно проехала вверх по дороге (видимо, влюбленная парочка в поисках удобного местечка, где припарковаться), в полном изумлении узрели поучительную картину: я в кепи, накрытом странным сооружением из москитной сетки, нагибаюсь в сумерках над ведром с дырочками и сую в огонь сырую солому, поднимая густые клубы дыма.

Погляди они вправо (только они не поглядели, полностью поглощенные мной), то увидели бы еще одно поучительное зрелище: по противоположному склону спускался Чарльз, тоже в старом, перепоясанном бечевкой макинтоше и с сеткой на распорках на голове, так что больше всего он смахивал на марсианина, а в руках нес большой квадратный ящик, тщательно завернутый в широкое махровое полотенце. Полотенце тоже была моя идея — не выпустить тех пчел, которые не удалятся через люк. И, честное слово, оно оказалось полезным. Под полотенцем ящик с рамками гудел, как турбинный зал электростанции.

Их там дюжина, не больше, сказал Чарльз. Наверное, в крышке была дырочка, и они пробрались обратно. Впрочем, он принес только один ящик, решил, что второй лучше оставить до завтра.

И правильно решил! Согласно справочнику, теперь требовалось вынуть рамки из ящика (десяток рамок, установленных, как фотопластинки, в стойке). Осторожно смести оставшихся на них пчел, снять обмакнутым в горячую воду ножом верхний слой воска, закрывающий соты, поместить рамки по четыре за один

раз в цилиндрическую медогонку, похожую на ручную мороженицу, потом вращать ручку, и мед потечет золотистой струей.

Осторожно смести, как бы не так! Дюжина Чарльза обернулась полсотней. Они выползали из всех щелок, угрожающе ползали по рамкам, а некоторые все еще продолжали трудиться, засунув голову в ячейку. При попытке их осторожненько смахнуть вся компания ринулась на нас, как развороченное гнездо скорпионов. И вот тут та же машина проехала обратно — то ли они не нашли подходящего места для парковки, то ли их несколько напугало то, что они увидели на пути туда. Зато уж теперь зрелище их ждало действительно редкостное.

Теперь мы вдвоем щеголяли сногшибательными головными уборами, а сырая солома успела подсохнуть и весело пылала, как праздничный костер. А мы с Чарльзом махали руками над пламенем, прыгали, точно парочка дервишей, и водили рамками в дыму, чтобы выбить пчел с их позиций, и тут же инстинктивно пригибались и отскакивали, потому что сетка защитная или не сетка, а пчелы, устремляющиеся пулями в атаку в темноте, хоть кого заставят занервничать. Что, по их мнению, мы проделывали, судить не берусь, но ставлю что угодно, о пчеловодстве они не подумали.

Тем не менее от пчел мы наконец избавились, унесли рамки в кухню и извлекли из них мед. Наговорив столько о пчелах, я воздержусь от описания этой операции, а скажу только, что мы перемазали медом все, что только возможно (нас предупреждали, что так и будет), и занимались мы этим с девяти вечера до часа ночи... включая, правда, мытье дверей, пола, стен и самих себя, а не только извлечение меда. А когда кончили, у нас было ровнехонько двенадцать распроклятых банок.

Чарльз сказал, что, несомненно, мед подъели пчелы — извлечь его следовало бы еще в августе. И еще он сказал, что вторым ящиком — а в нем добрых двадцать восемь футов — мы займемся по возвращении из Прованса.

Как чудесно было сознавать, что до отъезда нам не придется повторять эту маленькую операцию. Но еще чудеснее были слова, которые произнес Чарльз, когда мы уже лежали на серебристом песке пляжа под соснами, а позади нас в кустах весело цвирикали цикады, вокруг не было ни единой пчелы. Чарльз сказал, что вот он подумал и пришел к следующему выводу: раз пчелы так сильно переживают, то он оставит им второй ящик, и ведь в таком случае ему не придется кормить их зимой.

У меня возникло ощущение, что меня помиловали накануне казни. Клянусь, даже жаркое солнце Прованса засияло еще ярче. Добрых пять месяцев, прежде чем я должна буду хотя бы вспомнить о пчелах — а может, они до весны вообще покинут улей, или вымрут, или еще что-нибудь в том же роде.

Дождись! И на таком количестве меда они еще больше окрепли. Считается, что при хорошей погоде пчелы начинают размножаться в январе, и наши занялись этим с таким усердием, что в феврале нам пришлось их подкармливать.

В марте одна отплатила Чарльзу, ужалив его. А его сопротивляемость, как он меня ни уверял, не только не усилилась, а наоборот, он стал чувствительнее к пчелиному яду, и этот укус в мгновение ока превратил его лицо в подобие тыквы, и, когда он разбудил меня ночью около трех и сказал, что чувствует себя довольно плохо, я могла сказать только, что выглядит он еще хуже. Глаза у него превратились в зловещие щелочки, щеки вздулись, как два резиновых мячика, причем и лицо, и уши, и шея были огненно-красными.

Тревожной ночи я не запомню. Я дала ему аспирин, уповав, что его язва не взбунтуется, и с трепетом ждала рассвета. А еще я произносила монолог на тему «Пчелы, и Для Чего Нам Понадобилось Их Заводить?». Утром Чарльз без всяких проволочек отправился к врачу.

— А вам обязательно и дальше их держать? — практически процитировал меня доктор, а когда Чарльз ответил, что да, непременно, доктор (видимо, Чарльз был у него не первый такой) только вздохнул и выписал рецепт. На таблетки, которые Чарльз должен был принимать три недели, что обеспечит ему несколько месяцев иммунитета.

Однако после этого он стал осторожнее, не горя желанием проверить свой иммунитет на практике, а поэтому все откладывал и откладывал осмотр улья, так что в июле пчелы зароились, как и следовало ожидать.

Пчелы, во всем следующие правилам, роятся только во второй половине дня, так что началось это, видимо, в тот день, когда мы с друзьями, навестившими нас по дороге в Корнуолл, отправились посмотреть львов в Лонглите. Погода стояла безветренная, солнечная, знойная — в самый раз, чтобы любоваться львами на фоне искусственного вельда. И вот мы любовались, как они принимают солнечные ванны на своих площадках, величественно возлежат всем прайдом, и даже с восторгом обнаружили огромного черногривого льва, который лениво разлегся на боку под кустом всего в трех шагах от нашей машины. Мы любовались, даже не подозревая, какие волнующие события происходят в нашем личном заповедничке в Долине.

Когда пчелы роятся, они повисают с мигрирующей царицей на ближайшем дереве или еще на чем-либо подходящем, пока разведчицы отправляются на поиски нового обиталища. Иногда они находят его быстро, и через час рой улетает. Но иногда они более разборчивы, и рой остается на дереве на ночь. Видимо, это и

произошло с нашими. Примерно в десять часов на следующее утро я, все еще думая о львах, вышла в сад — и просто остолбенела; со стороны живой изгороди по ту сторону дороги доносилось жужжание гигантской юлы, а взглянув туда, я увидела, что над ней висит занавес, словно сотканный из насекомых. Так толкутся комары, только движения этих были куда лихорадочнее. И пока я смотрела, не веря своим глазам, занавес, колыхаясь, начал удаляться вверх по Долине, оставив после себя внезапную, очень заметную тишину.

Чарльз был потрясен, когда я сообщила ему, что его пчелы зароились, и весь день мы провели, разыскивая их. Он обшаривал леса, а я вносила свою лепту, обходя дозором Долину, от души надеясь, что он их не обнаружит и не загонит меня на дерево или на чью-то крышу, что в таком случае было вернее верного. А кругом царила такая тишина! Не было слышно ни машин, ни людей. Именно такие дни и такие пейзажи грезятся людям, когда они мечтают о былой Англии. Дальше по дороге в саду заброшенного коттеджа на столбе сидел дятел и выглядывал насекомых. Большой зеленый дятел с ярко-алой шапочкой. Когда я проходила мимо, он замер без звука, без движения, чтобы я его не заметила. Ручей плескался среди калужниц, в сонной дали куковала кукушка, а из маленькой заводи пили пчелы и другие насекомые.

Пчелы и пьют строго по правилам. Всегда, в зависимости от того, к какому улью они принадлежат, с одного камешка или одной травинки. Слетают вниз, становятся в очередь на посадочной полосе, всасывают свою квоту воды и мчатся с такой скоростью, словно дело идет об их жизни, назад в свой улей. Теперь я смотрела на них глазами Шерлока Холмса. Одни, втягивая воду с камушка, где ручей нырял под наш собственный въезд, взлетали над живой изгородью и устремлялись к нашему же улью в плодовом саду выше

по склону. Другие, дальше по Долине, улетали в какой-то другой исходный пункт... на огороженную лужайку, где другой пчеловод держал свои ульи. Наши беглые пчелы, к этому времени, конечно, устроившиеся в глубине леса, у ручья не показывались. Да, естественно, им тоже пришло время пить — но из других родников за холмом.

Потом мы прекратили поиски. Я испытывала несказанное облегчение, что они не отыскались. Чарльз печально оплакивал их потерю. Но мое облегчение было несколько преждевременным. Неделю спустя они вновь зароились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я понятия не имела, что это может произойти. Мне, правда, почудилось, что я брежу, когда я вышла в сад сразу после раннего обеда и увидела, что они снова кружат, как перебравшие дервиши, точно на том же месте.

На этот раз они, однако, прилетели туда, чтобы повисеть, а не отправиться в дальний путь. Через мгновение они опустились, и наступила тишина. Догадаться, что они там, было бы невозможно. А я оказалась перед жгучей дилеммой. Сказать Чарльзу, чтобы он кинулся туда и был ужален? Или промолчать и спокойно отправиться в город, как мы планировали?

Тут вмешалась совесть, а потому я сказала Чарльзу, помогла ему надеть сетку и перчатки, проверила, что его дымарь зажжен как надо, а опрыскиватель

работает, и с самыми дурными предчувствиями смотрела, как он отправляется в бой.

Сначала из-за живой изгороди донесся крик, оповещавший, что он их нашел. На бузине, сообщил он. Ничего удобнее и придумать нельзя. Затем раздалось шипение опрыскивателя. Чарльз их деловито успокаивал. К несчастью, это вроде бы их, наоборот, раздражило, и за взмывающими ввысь струями последовало громкое восклицание и взволнованно клубящийся дым.

Честное слово, сказала я на своем наблюдательном посту ниже по дороге, сначала он устроил что-то вроде пожарных учений, а теперь подает индейские дымовые сигналы. На что он там напоролся? На гнездо тарантулов?

Они заартачились, сообщил Чарльз голосом, приглушенным сеткой... но он как будто с ними сладил. И действительно, несколько минут спустя он затребовал ящик и щетку, чтобы собрать их. Идея заключается в том, чтобы смести рой в ящик, поставить его вертикально в качестве временного улья и оставить до заката. А тогда, когда все пчелы соберутся на ночлег, рой водворяется в новый улей вместе с царицей — и все в порядке.

Так, по крайней мере, поступает большинство пчеловодов. А Чарльз потребовал еще ящик... и еще ящик, и еще... Я перекидывала и перекидывала их через изгородь. Ему потребовалось пять больших ящиков, чтобы собрать свой беглый рой. Они все взлетали и взлетали, сообщил он.

Тем не менее наконец работа была завершена. Чарльз, ни разу не ужаленный, вернулся в коттедж с торжествующей песней на устах. Пять ящиков с пчелами ждали в плодовом саду вечера, когда Чарльз отправится водворять их в улей. Но каким образом они устроятся в пяти ящиках, спросила я, когда царица

находится только в одном? Чарльз ответил, что они, как он надеется, переберутся в ее ящик. Тогда вечером все заметно упростится.

И вот, чувствуя, что у меня гора с плеч упала, я отправилась на ферму, чтобы по пути в город приобрести яиц. Для матери Чарльза, для моей тети Луизы. Чарльз должен был переодеться и заехать за мной на машине.

На ферме я задержалась довольно долго — рассказывала про рой и про то, как ловко Чарльз его собрал. И потому удивилась, когда вышла из калитки и не увидела его в ожидании на дороге. Правда, не очень, так как Чарльз известный копуша.

Однако, когда я вернулась к коттеджу, увидела машину перед воротами и никаких следов Чарльза, мне почудилось, что все вокруг окутывает какая-то особенная зловещая тишина, и у меня подкосились колени. Пошел взглянуть на пчел, и они его искусили, подумала я, а теперь он лежит, вытянувшись, в коттедже... В коттедже его не оказалось, и я тут же вообразила, как он лежит, вытянувшись, в машине. Но (я с трудом заставила себя заглянуть туда) его там тоже не оказалось, и, следовательно, он должен был лежать, вытянувшись, под живой изгородью...

Я среди развалин моего рухнувшего мира как раз собралась войти в дом, надеть противомоскитную сетку и посмотреть, сумею ли я вытащить его из-под изгороди (погребенного под ползающими пчелами, которые, конечно, разделяются и со мной, и найдут нас только через несколько дней...), как вдруг услышала приближающиеся по Долине шаги. Чарльз. Не ужаленный, но вне себя от злости.

— Куда ты пропал? — крикнула я с облегчением.

— Они улетели! — крикнул он в ответ.

— Они же не могли! — сказала я. Но оказалось, что вполне могли.

Он только-только открыл ворота, сказал Чарльз, когда по ту сторону дороги вдруг зажужжало. Он посмотрел, а они все толкуются в воздухе, и не успел он глазом моргнуть, как они улетели. Пронеслись низко над садом (позднее Чарльз истолковал это, как желание попрощаться с ним, но в тот момент он нырнул в машину подальше от них), а затем понеслись вверх по Долине (Чарльз уже выбрался из машины и бежал за ними). Скрылись под крышей заброшенного разваливающегося коттеджа (он было подумал, что они там и соберутся, сказал Чарльз, но чертовы твари покружили между стропил, да и вылетели наружу). А оттуда — вдоль склона и в лес.

Этот рой мы тоже не отыскиали, но на следующий день Чарльз пригласил специалиста по пчеловодству, и тот осмотрел улей, а затем сообщил, что вот-вот должны были выйти на свет еще три царицы, и мы потеряли бы еще два роя, если бы не обратились к нему. Так случается, когда в улье происходит интенсивное размножение. Улетает не один рой, а вплоть до четырех, пока в улье не остается совсем мало пчел. Ну, а почему эти два роя ускользнули от Чарльза... Первым, сказал специалист, предводительствовала старая царица. А они, опускаясь, ждут, чтобы разведчицы указали ей путь к новому дому. В нашем случае она ждала до следующего утра, и, если бы мы ее захватили, она осталась бы, а с ней и весь рой. Но остальные рои следуют за молодыми царицами. Только что покинувшими свои ячейки, сказал специалист, а они капризны и непоседливы, как любые юные девушки. Он даже не слышал, чтобы такой рой долго оставался на месте, если не запереть его вместе с царицей.

Вот так. Бесспорно, мы узнавали о пчелах все больше и больше. Он даже и не предполагал, сказал Чарльз, заметно обескураженный. Она все еще мечтает

отведать нашего медку, ворковала мисс Уэллингтон всякий раз, когда видела нас.

Но так и не отведала. В этот сезон мы не получили и двенадцати фунтов. Улетевшие рои прихватили с собой добрую часть меда, а оставшаяся требовалась на зиму тем пчелам, которые не покинули улья.

Вот эти-то домоседки и внушали мне тревогу за Сили. В будущем году, когда они все наладят и будут готовы жалить всех и каждого, совсем юный котик начнет познавать окружающий мир. Когда мы обзавелись ульем, Соломон с Шебой были совсем взрослыми и уже имели дело с одиночными пчелами. Но котенок же не поймет, насколько опасен улей.

До весны мы что-нибудь придумаем, заверил меня Чарльз. Окружим мелкочейстой сеткой... или отдадим кому-нибудь... они же отнимают куда больше времени, чем он предполагал. Вот придет весна, подумала я со вздохом, и он, бьюсь об заклад, снова загорится, а я буду варить пчелиную пасту и мчаться спасать то того, то этого.

Однако до весны оставались месяцы и месяцы, и у меня хватало других тревог. Например, как справляться с аппетитом Сили, и его манерой исчезать в лесу, и все увеличивающимися потерями и повреждениями в доме.

«Вечна надежда в сердце человека» — это, бесспорно, девиз всех владельцев сиамских кошек. Кошки рвут в клочья обивку стульев и кресел, превращают коврики в превосходную подделку под каракуль, бьют посуду, пока не начинаешь подозревать, что им приплачивает хозяин посудной лавки... И все же, заменяя испорченную вещь на новую, владелец лелеет мысль, что уж теперь-то все будет хорошо. Ну, если принять кое-какие меры предосторожности — например, укрыть чехлами наиболее уязвимую мебель, убрать бьющиеся безделушки с пути сиамских стипльчезов, а поймав их за тем или иным вандализмом,

строго-настрого запретить на будущее подобные выходы...

Толку, естественно, никакого. Наши знакомые, перед тем как перетянуть кресла, пошли даже на то, чтобы посоветоваться со специалистом-обойщиком, какой наиболее сиаморезистентный материал может он порекомендовать. Это, объявил он с профессиональным энтузиазмом, интереснейший эксперимент и может помочь массе других страдающих кошководельцев. И он снабдил их образчиками материй, которые они набили на доски и поставили там и сям в доме.

На больших досках, пояснили наши друзья, под стать спинкам стульев... Сразу стало ясно, что темно-оранжевое букле для их цели не подойдет: не прошло и двух-трех дней, как оно превратилось в подобие дырявой мешковины (причем и цвета мешковины). Столь же очевидно не подошел и темно-серый твид: цвет не пострадал, но он обзавелся ворсом почище бобрика. В конце концов, они остановили выбор на тускло-зеленом, плотном... думаю, вы назвали бы его бумажным репсом. На его образчик кошки даже не взглянули, сообщили владельцы, а специалист-обойщик сказал, что эта материя им, очевидно, не по когтям.

Естественно, не взглянули, когда в их распоряжении имелись и букле, и твид, и укрепляющий когти плюш! Но едва экспериментальные доски были убраны и вместо них появились три стула, щеголяющие зеленым туго натянутым репсом, оказалось, что он им очень даже по когтям, сказали их владельцы. Пара недель — и они начисто выдрали у них спинки. Нет, никакие доски с образчиками для точки когтей не помогли. Паломничество они совершали только к зеленым стульям.

Да и мы сами, естественно, прошли через все это. Только Богу известно, сколько каминных ковриков изничтожил Соломон, ликующе натачивая когти точно

на середине (испытывал свою Силу, сказал он). Мы попробовали, уходя, накрывать коврик резиновым ковриком из машины, но из этого ничего не вышло. Соломон просто начал играть в подземные ходы под ним и — мы же теперь его не видим, сообщил он радостно, и, значит, не знаем, чья это работа, ведь правда? — точил когти на середке каминного коврика еще усерднее, чем раньше.

Кожаное кресло в прихожей Шеба превратила в великолепное шагреновое, но только дырявое. А то, как Соломон изничтожил дорожку на лестнице? А его утренняя зарядка на кровати? Он с таким упоением подтягивался на матрасе из года в год, что из прорех теперь повсюду торчала набивка. А пытаться его остановить было бесполезно. У него повышается настроение, говорил он.

Так почему, имея за спиной такой богатый опыт, мы решили, что с Сили все будет по-другому? Но «вечна надежда» и так далее. Да и выглядел он таким безобидным и малюсеньким. Невозможно было вообразить, как он что-нибудь портит или бьет.

Вскоре никакого воображения нам не потребовалось. На второй его день у нас мы было заперли его в прихожей, чтобы спокойно поесть, но вскоре решили впустить в комнату, потому что не могли дольше терпеть его воплей. И наверное, ему вредно, сказал Чарльз, так надирать свое бедное сердечко... Ну, так он открыл дверь, и я все еще смеялась тому, как Сили пронесся через комнату, точно борзая по беговой дорожке, а он уже перемахнул через мое плечо и приземлился точно в моей тарелке. Мчался он к креслу позади моего стула, как к трамплину для прыжка на стол. Стал бы он бегать по комнате просто так!

С этих пор, едва входя в комнату, он направлялся к этому креслу. Либо как к наиболее прямому пути на стол, если мы сидели за столом, а если не сидели, то

как к прекрасной стартовой площадке для показательных акробатических номеров, или же, когда ему было скучно, он ползал по спинке, цепляясь коготками... и с особым усердием после того, как обнаружил, что это доводит меня до белого каления.

И еще как доводило! Номер со стартовой площадкой был особенно эффектным. Сили влетал в комнату, в прыжке ударялся о спинку кресла под углом мотоциклиста на Стенке Смерти всеми четырьмя лапками, а затем галопировал кругами, будто по цирковой арене. Зрелище, бесспорно, бесподобное и всегда вызывало бурные аплодисменты зрителей. Но когда Сили кидался на спину и, цепляясь коготками, ерзал по практически новому чехлу, а затем, все также лежа на спине, хитренько поглядывал из-за ручки круглым голубым глазом, проверяя, а как это на меня подействует, я действительно приходила в ярость. И я кричала на него, называла гадким котенком, а ему только того и требовалось: с дьявольским злорадством Сили принимался бегать по сиденью.

Теперь то, как Сили волок себя по одной стороне сиденья, ожидая нагоняя, а затем, удвоив скорость, проделывал то же вдоль спинки и второй ручки, прочно вошло в распорядок нашего дня. Как и упражнения Сили сбоку матраса — что, утешал меня Чарльз, показывает, насколько похожим на Соломона он вырастет.

Не желая оставаться в стороне, Шеба также принялась точить когти на стульях в столовой. Конечно, очень приятно видеть, что она так хорошо себя чувствует, говорила я, но лучше бы она нашла себе другое развлечение... Естественно, увещевала я ее впустую. Она точила когти на стуле, чтобы привлечь внимание Сили; он подбегал, прятался под стулом и возбужденно тыкал в нее лапкой, она тыкала в ответ, он карабкался, чтобы добраться до нее... Вот так у меня

на глазах гибла томатного цвета обивка моих стульев. Бац — и все тут.

Но гибла не только обивка. Сили, изгоняемый в прихожую, пока мы ели, принялся за противосквознячную обивку двери, видимо решив, что стоит ее убрать, и он сможет протиснуться в щелку под дверь. А потому после нескольких негодующих протестов он обнюхивал обивку, садился и приступал к ее удалению. Была она из желтого пенопласта, и разбросанные по красному ковру прихожей ее обрывки не только сразу бросались в глаза, но и роковым образом напоминали кусочки бисквитного торта.

— Помилуйте, да что же это... — спросила мисс Уэллингтон, явившаяся за пожертвованием на что-то там в одно прекрасное утро сразу после завтрака и увидев словно бы обломки торта, истерически разбросанные по всему полу. Не желая, чтобы она начала рассказывать по всей деревне, что я кидаю в Чарльза кусками торта, я была вынуждена подробно описать ситуацию. Как мы закрываемся от Сили, чтобы он не прыгал по тарелкам, а он тогда начинает драть обивку двери. Сочувствия от мисс Уэллингтон я не дождалась. Она крайне не одобряла, что мы обзавелись Сили — отчасти потому, что так любила Соломона, и появление у нас котенка через столь короткий срок, по ее мнению, доказывало наше бессердечие по отношению к нему, а отчасти потому, что не сомневалась, как это расстроит Шебу. Однако однажды она навестила нас, а Шеба лежала перед камином, окруженная валиком из автомобильного пледа, как всегда зимой, чтобы на нее не дуло из-под двери.

— Ну, и как поживает наша девочка? — осведомилась мисс Уэллингтон, подходя, чтобы ее погладить. И вдруг остановилась. На нее из-под бока Шебы и валика красного клетчатого пледа вокруг них обоих смотрела черная узкая мордочка. Ну, не совсем

напоминавшая Соломона, потому что маска еще четко не проступила. Однако на нее из уютного гнездышка смотрели глаза Соломона, а потом котенок зевнул, потянулся и поудобнее положил толстенькую черную лапку на шею Шебы.

— Милый, Милый Мальчик, — сказала мисс Уэллингтон, так что можно было подумать, будто именно она искала и нашла Сили.

Теперь она сказала «Милый, Милый Мальчик» совсем иным тоном. словно мы приковали его цепью к стене темницы, а не просто оставили в прихожей, чтобы спокойно поест. А если милый, милый мальчик и сжевал обивку двери, то остается только надеяться ради нашей же совести, что он ее не наглотался.

Нет, не наглотался. Или же расстройства желудка она у него не вызвала. Но если бы мисс Уэллингтон приходилось терпеть его голосище...

Не то чтобы мы имели что-либо против его голоса. Мы радовались, слыша его, различая в нем соломоновскую ноту, и она все усиливалась. У него была манера прохаживаться, говоря себе под нос «мррр-мррр-мырр», ну, совершенно очаровательная. Просто иногда его голос становился слишком уж оглушительным. Например, когда он надрывался в прихожей, требуя, чтобы его впустили в столовую. Или когда его манил лес и он надрывно настаивал, чтобы его немедленно выпустили. Тогда он очень напоминал Соломона и собственного своего папашу.

— Оууу! Оууу! ОУУУ! ОУУУ! — сидя под дверью, выводил он эти свои «хочу» без согласных, плотно зажмуривая глаза. И настолько его захватывал драматизм им же созданной ситуации, что он явно крайне удивлялся сам себе, когда я обрывала его вопли вопросом: «Ну, и что же это ты, по-твоему, затеял?»

— Оооо??? — умильно спрашивал он самым своим тоненьким заячьим голоском.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Все это очень мило, но он с каждым днем обретал новый вкус к приключениям, и, выпуская его, мы никогда не знали, что он затеет. Впрочем, когда мы его не выпускали, то также не знали, что он затеет. Например, то первое знакомство с обеденным столом, когда одним могучим прыжком со спинки кресла он плюхнулся в мою тарелку, привило ему вкус к длинным прыжкам, за которыми следовало эффектное скольжение. И оно не было делом случая. Скользил он с таким постоянством, что за этим сквозила явная преднамеренность. Он скользил через обеденный стол, скользил по кухонным рабочим столикам, упоенно скользил по полу ванной, словно мальчишка на санках. Однажды он проскользил сквозь кухонную дверь во двор с такой скоростью, что, пытаясь обогнуть угол коттеджа и выскочить на лужайку, растянулся во всю

длину на плитках. Ерунда, заявил он, вскакивая, и, весь в пыли, прогаллопировал дальше. Он становился большим знатоком того, Как Надо Падать.

А заодно и знатоком, как падать с чего-то. Эти могучие прыжки не всегда завершались благополучно. Иногда он оказывался на кухонном столе, уставленном грязной посудой, или среди документов на столике в гостиной, и после тщетной и энергичной попытки удержаться Сили летел на пол с тем, во что угодил лапами. Он перебил столько тарелок и блюдец, что, предвидя день, когда ему взбредет в голову прыгнуть на каминную полку, я все бьющиеся безделушки на ней приклеила липким пластырем.

Лучше обезопаситься, чем потом пожалеть, решила я. Там стояли стэффордширские статуэтки, доставшиеся мне от бабушки. Мне не хотелось убирать их оттуда, но еще меньше хотелось, чтобы они разлетелись вдребезги... как и итальянские фарфоровые кошки, или стеклянный венецианский лебедь, которого мне подарила тетя Луиза, или блюдо с синим узором в китайском стиле, память о бабушке Чарльза. Ну, и я надежно закрепила их пластырем. И — хотите пари? — Сили ни разу даже не посмотрел на каминную полку. Видимо, она не обещала достаточно простора для скольжения. Но с той же неизбежностью, с какой любые мои потуги оказываются тщетными — например, стоит мне вымыть окна, как начинается дождь, — через несколько дней у меня пила чай дама, интересовавшаяся стэффордширским фарфором.

— О! Уилл Уотч! — воскликнула она, не успев войти, и поспешила к каминной полке, протягивая руку к джентльмену в желтых брюках слева. — О, Роб-Рой! — и собиралась протянуть руку к угрюмому шотландскому горцу справа, но у нее ничего не получилось. Послышался легкий треск, когда пластырь чуть оторвался от камня, однако надежно закрепленный

пятью его полосками, Уилл Уотч остался стоять, где стоял.

Ее глаза стали шире, когда она увидела, что его удерживает, а затем и полоски на фарфоровых кошках и на стеклянном лебеде. Однако корректности ей было не занимать.

— О! Бенаресские вазы, — прервала она неловкую паузу, заметив высокие медные кувшины по краям полки.

Они не были скреплены пластырем. Но и не были вычищены, как следовало бы. У меня, по обыкновению, не хватило времени, и перед ее приходом я только-только успела почистить ручки и стороны, обращенные к комнате, а затем водворила на полку, радуясь, как они блестят спереди, а сзади их не увидит никто.

А вот она увидела. Взяла в руки, стала вертеть, разглядывая узор... И я готова была сквозь землю провалиться, когда взгляду открылись неначищенные их тылы. Это все его вина, сообщила я Сили, когда она ушла. А Сили, по обыкновению, сидел смирно и ответил мне невиннейшим взглядом.

У него всегда вид был самый невинный. Мы хранили его игрушки — его пинг-понговые мячики, его мышонка, его паука из меха и с колокольчиком, предмет его особой привязанности, — в фарфоровой кружке на столике у стены. Кружка для сидра, с двумя ручками, очень старинная. И не приклеенная пластырем, так как мне и в голову не пришло, что ей может грозить хоть какая-то опасность на этом уединенном столике у стены. И у него опять-таки был невиннейший вид ангела кисти Боттичелли, когда, выуживая паука, он умудрился сбросить ее с треском в совок с углем.

Соломон за все долгие годы так и не сумел этого сделать! Я застонала и бросилась подбирать осколки. За все эти долгие годы такого Соломону тоже не удавалось, заметил Чарльз, когда, к моему изумлению,

я извлекла кружку из совка, целую и невредимую. Уж Соломон бы обязательно отбил ручки. А Сили сидел, щурясь с края столика, само воплощение наивного недоумения. Наверное, это Шеба сделала, сказал он.

И столь же невинно он выглядел, когда мы обнаружили его в надежно запертом сарае, где он очутился непонятно каким образом. Вернее, так мы подумали бы, если бы, стоя во дворе, я случайно не заметила, как он целеустремленно скрылся позади сарая. Не сомневаясь, что затем он обогнет второй угол и убежит на склон, я ловко бросилась за ним и успела заметить, как он исчез в дыре под задней стенкой сарая. Дыре, о существовании которой за грудями пустых бутылок, корзин и всяких необходимых Чарльзу мелочей мы даже не подозревали.

Зато про нее знал Сили. И когда в следующую минуту вопли Попавшего В Ловушку Сиама, В Самом Бедственном Положении, Пошлите за Ветеринаром и Заодно Вызовите Полицию — когда этот знакомый нам со времен Соломона вопль огласил двор и Чарльз выскочил из дома с паническим видом, мы, безусловно, были бы озадачены, отпирая висячий замок, чтобы добраться до страдальца, не будь я свидетельницей того, как он забрался в сарай, так сказать, с черного хода.

Когда Чарльз открыл дверь, Сили восседал на куче стружек, выглядя совсем уж ангелочком.

— Как ты сюда попал? — воскликнул Чарльз, еще не посвященный во всю подноготную.

Но он не знал. Кто-то Затолкал его внутрь. Наверное, Шеба, душевно заверил его Сили.

Так продолжалось всю зиму. Он весело играл в игру Заперт в Сарае Злокозненной Шебой, исследовал тайны ближних окрестностей и с каждым днем все неразрывнее вплетал свою жизнь в наши.

Втайне я с ужасом думала о приближении Рождества. Тетушка Этель, тетя Луиза и родные Чарльза у нас в гостях... все, как бывало всегда, но только с нами не будет темномордого кота. В Сочельник я много думала о Соломоне. Однако все прошло лучше, чем я ожидала. На заиндевелой лужайке Аннабель хрустела своими сухарями и морковью. Шеба сидела с нами на своем томатного цвета стуле, поджав под себя лапы, — эдакая маленькая наседка на гнезде! Она даже безмятежно поквохтывала, когда с ней заговаривали. А иногда мой взгляд скользил по ярко освещенной, полной веселых голосов комнате туда, где прежде из-под стола за нами наблюдал кот с большими, как у летучей мыши, ушами... туда, где кот с тревожным выражением на морде выглядывал из-под кресла... туда, где кот, решив, что гостей Можно Не Опасаться, когда-то восседал на каминном коврике председателем рождественского праздника... А теперь и там, и там, и там резвился толстенький белый котенок. Прятался под столом. Выглядывал из-за кресла. А потом, решив, что все хорошо, вышел ловить свой хвост перед огнем. Колесо совершило полный оборот. Теперь светильник нес Сили.

И не только нес, но и спалил свои усы. Ванная в коттедже расположена на первом этаже и встроена в склон холма. В сырую погоду там становится промозгло, и поэтому мы ставим позади ванны горящую керосиновую лампу. Старомодную настольную лампу Аладдина, которая только-только помещается в узком пространстве у стены. С повернутым для безопасности фитилем света она дает мало, но достаточно тепла, чтобы нагревать стену. И пахнет от нее не керосином и веет старинной сельской теплотой. А ее тусклое свечение создает таинственный золотистый полумрак. Так, во всяком случае, как будто думал Сили: когда в такие вечера он просился, чтобы его выпустили из

гостиной, то не восседал тревожно на тазике с углем, как было вначале, а тихонько устраивался на мозаичном полу, окружающем ванну.

Размышляю, ответил он, когда мы спросили, что он тут делает. Чарльз сказал, что, наверное, безопасно оставлять его возле горящей лампы. Ну, конечно, сказала я. Соломон и Шеба никогда близко к ней не подходили. А потому, бесспорно, виновата только я, что однажды Сили вернулся из ванной без усов. Туда его манила лампа, а не возможность предаваться медитации. И вот наконец, не в силах совладать с любопытством, он собрался с духом, заглянул в нее сверху и — пшш! — молниеносно лишился усов.

Совсем как Соломон, сказала Шеба, увидев его.

И была совершенно права, но только Соломон не спалил свои усы над лампой — их из любви к нему нежно отгрызла его мать.

— С каждым днем становится все больше на него похожим, — сказал Чарльз опасливо.

Да, становился, и при этом рос да рос. Когда мы только его взяли, он мог прятаться под креслами, кружить под кроватью на манер заводной мыши, проскакивать стрелой между прутьями калитки, направляясь на склон холма. А теперь он мог только засовывать лапу под кресло, выуживая из-под него своего паука; постоянно застревал под кроватью и принимался вопить, а сквозь прутья калитки протискивался еле-еле.

А когда однажды я, заметив, что он пролезает в калитку, кинулась перехватить его, выяснилось, к большой моей тревоге, что втащить его назад я не могу. Продвигаться он мог только вперед по шерсти и безнадежно застревал при попытке продвинуть его в обратном направлении.

Однако позволить ему выскользнуть на дорогу означало победоносный прыжок вперед и долгую игру в

прятки по всему лесу. А потому мы открыли калитку с Сили между прутьями — я держала его на весу, Чарльз проскочил наружу и вытащил его, а старик Адамс, по обыкновению проходя мимо, сказал:

— Пожрет еще раз-другой, и придется тебе прутья пилить, чтоб его вытащить.

Совершенно справедливое замечание. Сили, правда, рос и обещал стать крупным, очень крупным котом. Уже когда они лежали рядом, его было трудно отличить от Шебы. Но солидным весом Сили был обязан своему аппетиту.

Чарльз сказал, что, по его мнению, ест он даже больше, чем ел Соломон.

— Не может быть, — ответила я, вспоминая Соломона в пору его расцвета. — Просто котенком Соломон был так давно, что ты забыл его вместимость.

— Я знаю только, — с глубоким убеждением заявил Чарльз, — что Соломон не ел свою пищу до того, как получал ее.

Это тоже было верно. Стоило Сили завидеть еду, как он кидался к ней, а его язычок уже усердно работал в предвкушении. Удерживая его, пока ела Шеба, можно было наблюдать, как он глотает в унисон с ней. И высовывал язык, следя за ней. Да, Сили насыщался в воображении.

Когда же желаемое становилось действительным, его аппетит не знал пределов. Он уписывал свою порцию, уминал все кусочки, которые не доела Шеба, а затем отправлялся на поиски чего-нибудь еще. Он исследовал кухню, держа нос над самым полом, точно выдра в поисках новой территории. (Мы видели фильм «Кольцо светлых вод», и сходство было просто поразительным.)

Возможно, это увлечение едой возникло, потому что он рос среди такого количества кошек. Ешь Быстрее, А Решать, Что Ты Съел, Будешь Потом. Так, наверное,

наставляла его мамочка свое потомство. И по той же причине, конечно, в один прекрасный день я нашла его в кухонной мойке дегустирующим неслитую воду. И конечно, из-за того же в другой раз — когда у нас были гости и ужин готовился в лихорадочной спешке, так что кухня была вся заставлена кастрюлями и посудой — я застучала его, когда он на плите, сунув задние лапы в мисочку с остатками сливок на дне, упоенно вылизывал сковородку, которую я оставила на подоконнике. Нет, конечно, он любил и сливки и, вероятно, влез в них задними лапами, чтобы заявить свои права на них, пока разделялся с мясной подливкой со всей возможной быстротой.

И неудивительно, что он стремительно рос. Хотя, если судить по величине его лап, ему предстояло стать куда крупнее. И у него пробивались новые усы. Я просто поверить не могла, они стали пятнистыми, как у Соломона!

Теперь ему исполнилось ровно пять месяцев, и приближалось время прооперировать его. Шестимесячный возраст наиболее для этого подходит. Я позвонила ветеринару.

— А вы уверены, что он кот? — осведомился ветеринар. Я ответила, что никаких сомнений в этом нет.

Да уж, никаких! «А миндалины-то у него что надо!» — сказал как-то старик Адамс. Но, к несчастью, в присутствии мисс Уэллингтон. Бедняжка, шокированная до мозга костей, до сих пор заливается пунцовым румянцем при одном воспоминании.

Итак, день операции приближался, и тут к нам приехали гости. Две сестры, учительницы, от которых в черные дни после потери Соломона мы получили телефонный номер, который привел нас к Сили. Уже давно мы приглашали их приехать посмотреть на него, но сперва возникла паника из-за грозящей эпидемии

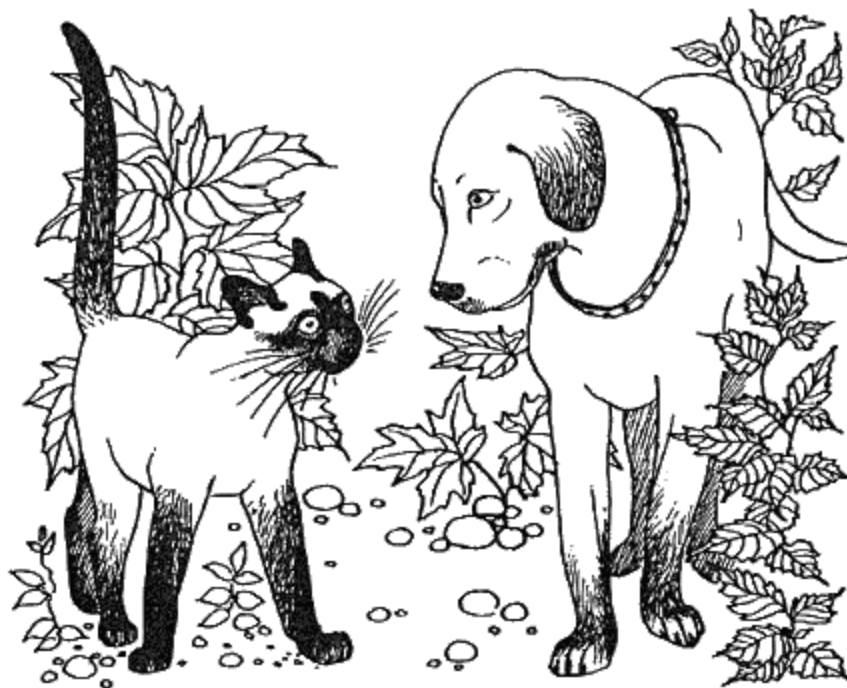
кошачьего гриппа, и мы побоялись встретиться, а потом подошло Рождество, и все они приехали навестить его. Сили вел себя безупречно. Придя к выводу, что они не намерены похищать его, поведал им историю своей жизни. Покувыркался для них на каминном коврике. Посидел у них на коленях. Никогда еще мы не видели нашего Сили таким любезным.

У сестер были две сиамочки — близняшки Конфетка и Помадка. Любой владелец сиамов помнит железную истину: если его кошка заболеет, то потому, что она или ее владельцы общались с другой сиамской кошкой. Это столь же непреложно, как то, что ночь сменяется рассветом.

Ну, и, конечно, на следующий же вечер одна из сестер позвонила в ужасе: Помадка заболела, сказала она. Они вызвали ветеринара. У них в деревне, говорят, произошла вспышка кошачьего гриппа. Мы должны обязательно последить, не появятся ли симптомы у Сили... Они никогда себе не простят, если он заболеет, сказала она, но, честное слово, Помадка накануне просто прыгала от переизбытка здоровья.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не сомневаюсь, что так и было. И вскоре она уже снова прыгала, но один день ей было очень-очень плохо. Что с ней приключилось, они так и не узнали. Ему, сказал ветеринар, не кажется, что это был кошачий грипп; да и ее сестра Конфетка не подхватила от нее никакой заразы.

Тем временем мы, само собой разумеется, переживали собственный сиамский кризис. Через двое суток после телефонного предупреждения я позвонила сама узнать, как себя чувствует Помадка. Слава Богу, поправляется, сказала ее хозяйка, хотя накануне они совсем уже поверили, что потеряют ее.

— Но как Сили? — спросила она с трепетом.

— А, просто пышет здоровьем, — ответила я.

— Ну, я рада, что вы не позвонили вчера, — сказала она с облегчением. — Мы, правда, думали, что это

кошачий грипп. И если бы мне пришлось сказать вам...

И естественно, произошло неизбежное. Когда я утром спустилась вниз, Сили в первый раз не сидел на крышке бюро, чтобы поздороваться со мной. Он лежал, томно на меня поглядывая, в своей постели перед огнем. Ну, он устал, сказала я себе твердо. А когда он встал, на вид такой же здоровый, как всегда, я сказала: «Слава Богу». Но он не подошел ко мне. Он направился к своей мисочке с водой. И хотя в тот момент я отмахнулась и от этого — а почему бы ему и не напиться? Утром что может быть нормальнее? — вскоре стало ясно, что с ним очень неладно. Он отказался от завтрака и все время возвращался к мисочке с водой. А затем — у меня сердце оборвалось — его стошнило. Небольшой комочек цвета желчи, на который он уставился с большим интересом, а мы — с ужасом, словно это был неопровержимый симптом чумы.

Пять минут спустя, в течение которых мы с отчаянием уверовали, что у него кошачий грипп, затем утешились, вспомнив, что Помадка-то выздоровела, какая бы хворь ее ни скрутила, и вновь приуныли при мысли, что выкарабкалась она лишь с большим трудом... так пять минут спустя Сили объявил, что чувствует себя лучше. Шесть минут спустя он ел, как изголодавшийся охотник. Десять минут спустя он громогласно требовал, чтобы его Выпустили. Слава всем святым, тревога оказалась ложной.

Вот что значит пить воду из мойки, строго сообщил ему Чарльз. Подумаешь, ему вовсе не было так уж плохо, заявил Сили. Ну, в чем бы ни крылась причина, одно было ясно: на спокойную жизнь рядом с ним мы могли не рассчитывать.

Как, впрочем, все, кто связывает свою судьбу с сиамами. Взять для примера хозяек Конфетки и Помадки. За восемь месяцев до этих событий они приехали к нам, удрученные смертью их старенькой

собаки. Это был пудель, сказали они, и они чувствуют, что никакая собака им его не заменит. Но если взять сиамскую кошку... как мы считаем?

Двух сиамских кошек, посоветовали мы им. Две куда лучше одной. Они сохраняют молодость друг другу и удовлетворяются собственным обществом, особенно когда приходится оставлять их одних. Мы предостерегли наших гостей, что они могут дойти до помешательства, но вот скучно им уж больше никогда не будет. Ну, а их отец, ему ведь девяносто. В их голосе было сомнение. Ну, наверное, это скрасит ему жизнь, сказала я, тихонько постукивая по деревянной спинке стула.

Несколько месяцев спустя от них пришло письмо. Летопись катастрофы, другого слова не найти, начавшаяся с восьмидесятимильного путешествия одной из сестер за котятами. Когда она добралась до дома, к ее восторгу Помадка тут же воспользовалась ящиком, а она (ее зовут Дора) в блаженном умилении созерцала свою миленькую чистоплотную кисоньку.

Блаженство она испытывала недолго. Едва выбравшись из ящика — до чего же хорошо, облегченно заявила Помадка, — она решила в честь своего подвига взобраться куда-нибудь повыше. И тут же направилась к ближайшему столбу, который оказался ногой Ниты, сестры Доры, — и Нита удалилась к себе в спальню с дорожками на нейлоновых колготках, с узором черных следочков на блузке (Помадка же только что покинула ящик с рыхлой землей) и с плечом в бороздах, точно свежевспаханное поле, там, где Помадка ликующе повисла. «И ведь они в доме пяти минут не пробыли», — сообщила Дора с благоговением. И Нита с тем же благоговением вспоминала, как она ушла к себе в спальню, помолилась о спасении и взвесила, нельзя ли одну отправить обратно.

Ну да все это осталось в прошлом. Нита теперь была такой же преданной их рабыней, как Дора, что было особенно удачно, поскольку именно она оставалась днем дома, чтобы ухаживать за отцом, и ей приходилось расхлебывать все затеи, на которые не скупились котята.

Например, именно Нита бросилась за ветеринаром, когда Помадка застряла в часах. Часы были напольные, она заползла снизу и прочно застряла под гирей. Гиря почти совсем опустилась и продолжала неумолимое движение вниз — парочка отчаянных извиваний, и Помадка оказалась в ловушке. Сначала она завопила, и это было ужасно, а затем замолкла, что было еще ужаснее, а Нита не решалась поднять гирю из страха уронить ее на малышку и боялась потянуть за цепочку — вдруг Помадка запуталась в ней и задохнется... К тому времени, когда приехал ветеринар и высвободил ее, она совсем окостенела, и они было решили, что все кончено. Ничего подобного. Антишоковая инъекция — и вскоре она уже снова была сама собой, хотя и несколько помятой. То есть Помадка, а не Нита, которую еще долго мучили кошмары.

Помадка, несомненно, была подобием Соломона. У Конфетки был свой звездный час, когда ее ужалила пчела, а они решили, что у нее свинка. Вот как Шеба еще котенком прогуляла всю ночь, а мы с ума сходили, думая, что ее сцапала лиса. Однако у нас постоянно во что-то вляпывался Соломон, а у сестер — Помадка.

Именно Помадку на другой день после стерилизации обнаружили на высоком каштане — передними лапами она цеплялась за ветку, а задними отчаянно болтала в воздухе. На такой высоте, рассказывала Дора, что залезть за ней они не могли, им даже посмотреть туда было страшно. В панике они притащили свернутый ковер, только что полученный из чистки, и расстелили его под веткой. Тогда Помадка

подтянулась — с невероятным трудом, дала она ясно понять, — немножко прогулялась и свесилась с ветки, под которой не было ковра.

И конечно, именно Помадка перелезала через решетку, которой они обнесли сад, — с единственной целью посидеть в кювете. Обожает машины, со вздохом объяснила Дора. Ее ничем не удержать.

Если бы дело происходило на оживленном шоссе, ей бы не прожить и пяти минут. Но это был тупик, и машины двигались медленно, и больше всего сестры опасались, как бы она ненароком куда-нибудь не уехала. Они уже разок обнаружили ее под капотом собственной машины, и потом она как-то раз таинственно пропала, и они погнались за фургоном из прачечной.

Нет, он такой не видел, сказал шофер, когда они его настигли и описали исчезнувшую Помадку. Оно правда, он то и дело кошек из фургона выбрасывает... Понять не мог, как они туда залезают. Ну, он их выгонял, и все тут...

Они заглянули во все его корзины, а на обратном пути домой громко ее звали, на случай, если она еще прежде выпрыгнула из фургона где-нибудь тут... И все оборачивались и смотрели на них, сказала Дора с чувством. Особенно когда они останавливались и заглядывали в чужие сады... А когда они добрались до дома, естественно, знакомая фигурка поджидала их на краю канавы для газовых труб. Осматривала Яму на Дороге, весело сообщила им Помадка. А они гулять ездили или как?

Пусть Помадка пока не побила рекорды Соломона, но было ясно, что у нее еще все впереди. Сили тоже явно шел по стопам Соломона. Взять, к примеру, собак. Соломон упорно рвался гонять собак в твердом убеждении, что все они его боятся, и из-за этой его привычки мы часто попадали в тяжелое положение. Он

пугал пуделей, изводил пекинеса нашего священника, еле спасся от мастифа, удрав в парник, а один раз пожарным пришлось снимать его с верхушки дерева.

Помадка отдавалась этому занятию с таким же увлечением: помыкала скотчтерьером по кличке Мак и зловеще ворчала на корги их соседей, когда он проходил мимо кювета, где она восседала. Но это были коротконогие собачки. И у сестер чуть не случился нервный припадок, когда в дом дальше по дороге въезжали новые жильцы и они увидели, что за выгрузкой мебели следит мужчина с грейхаундом на поводке.

«Ах нет!» — простонала Дора.

«Нам придется переехать отсюда», — сказала Нита, а Помадка, запертая в доме, выкрикивала всяческие поношения по адресу грейхаунда.

В конце концов, после того как они выпили несколько чашек чая, чтобы утихомирить свои нервы, мебельный фургон уехал. Но человек с грейхаундом остался! Стоял у калитки и с интересом осматривал сад. И спать они легли, рассказывали сестры, только после того, как пошли туда и спросили у него, не новый ли он владелец дома. А когда он ответил, что всего лишь шурин и просто помогал с переездом, они вскричали «слава Богу», чем явно совсем сбили его с толку.

А теперь и Сили включился в собачью игру, и с нами тоже чуть не приключился нервный припадок, когда в один прекрасный день мы выглянули в окно и увидели, что он стоит на дороге нос к носу с Джимом. Джим — уменьшительное от Джемимы — факт, который потрясает посетителей Долины, когда, как происходит постоянно, миссис Пенни, тяжело дыша, трусит по дороге за могучим лабрадором на поводке и кричит, поравнявшись с нашей калиткой: «Вот досада! Джим в течке! И почему это всегда случается, когда мне некогда?»

Ну, Джим, уменьшительное от Джемимы или нет, любила погоняться за кошками, и, когда мы увидели Сили на дороге в позе дуэлянта в Булонском лесу перед лабрадором, который ухмылялся ему с расстояния в два шага, точно волк из «Красной Шапочки», мы буквально окаменели. Вид у Сили был пренебрежительно безмятежным, точь-в-точь как у Соломона в подобных ситуациях, когда он противостоял собакам. А кроме того, он выглядел таким маленьким, а мы знали, на какую стремительность способна Джим...

Немного опомнившись, мы вылетели в сад. Парочка все еще созерцала друг друга, точно в ожидании сигнала. Джим весело покосилась на нас и высунула язык (она ведь была очень дружелюбной, только вот любила гоняться за кошками). Сили в лучших традициях Дикого Запада не отвел взгляда от противника.

Я шепнула Чарльзу, что проскочить в калитку и подхватить Сили на руки не удастся. Он пустится бежать, Джим кинется за ним, и только Богу известно, где они финишируют. А ведь мы еще даже не знали, умеет ли Сили влезать на деревья. Вдруг попытается и не сумеет?

Чарльз прошептал, чтобы я положилась на него, а затем...

— Джим! Домой! — сурово загремел он басом мистера Пенни.

Команда «Джим! Домой!», клавшая конец погоням за кошками, лошадьми или другими собаками, а также попыткам покинуть дом и отправиться на поиски счастья, давно уже была такой же привычной в Долине, как рев Аннабели «йоухоухухухо!» или мои призывы «Сили-уили-уили!» Однако я не отдавала себе отчета в эффективности этой команды.

— Джим! Домой! — снова пророкотал Чарльз, и Джим, поджав хвост и показав нам белки глаз (то ли упрекая Чарльза за удар ниже пояса, то ли поверив, что

рядом с нами стоит ее хозяин, только невидимый), покорно затрусила по дороге в направлении своего дома.

Беда была, разумеется, в том, что Сили тут же вообразил себя победителем. «Я взял верх! — завопил он и торжествующе устремился вслед убегающей Джим. — Я заставил ее убратся восвояси!» И хотя я тут же забрала его и объяснила ему, что верха он не взял и что не следует маленькому котенку грубить собакам, с этих пор ему стоило только завидеть собаку любой породы, и секунду спустя он за калиткой бесстрашно глядел ей в глаза, ставя ее в известность, что он — Сили. И это его дом. Какие-нибудь возражения? — воинственно осведомлялся Сили.

К счастью для него, возражений у них не было — несомненно, из-за сочетания фарфорово-белой шерсти, сверкающих голубых глаз и масочки, по жуткости не уступающей барсучьей. Но в один прекрасный день они разберутся, что он всего лишь кошка, предупреждали мы его. А он их не боится, доблестно заявлял Сили.

Зато он боялся лошадей. Мы не могли понять почему. Аннабель ему теперь до того нравилась, что он посиживал между ее передними копытами и, казалось бы, должен был счесть лошадь похожей на нее, только побольше. Однако для Сили лошадь была самым зловещим пугалом. Я всячески пыталась приучить его к ним... Подхватывала его на руки при приближении лошади (Сили вывертывался угрем и исчезал, прежде чем она успевала его увидеть); позволяла ему стоять у меня на плече (этот трамплин все еще хранит шрамы от отталкивающихся когтистых лап); заговорщически пряталась с ним в высокой траве, когда ниже нас по склону проходила лошадь... Я могу тут остаться, если мне хочется, сказал Сили, но лично он спрячется подальше в лесу.

А потому я воспрянула духом в тот день, когда одна наша знакомая появилась на дороге верхом на гунтере, а Сили, вместо того чтобы, припав к земле, поскорее удрать в какое-нибудь убежище, только широко раскрыл глаза и стойко остался на своем посту у калитки.

А если так, сказала я, сажая его на столб, где, казалось мне, он должен чувствовать себя в большей безопасности и сможет посмотреть лошади прямо в глаза, как равный. А повыше — еще лучше, сказал Сили, впервые в жизни перебираясь со столба на крышу соседствующего угольного сарая. Бесспорно! Любимый наблюдательный пост Шебы; да и Соломон оттуда же осыпал ругательствами многих своих противников, хотя в минуты прямой опасности предпочитал крышу просто сарая, благо она повыше.

А потому крайне довольная этим шагом в желанном направлении (Соломону лошади всегда нравились, а теперь и Сили как будто начинал ими интересоваться), я подождала, пока всадница не подъехала, и мы начали обмениваться деревенскими новостями.

— Новый Мальчик? — сказала я. — Так он вон там, на крыше. Только не смотрите на него прямо, он еще только привыкает к лошадям...

Если бы она просто проехала мимо по середине дороги, все, полагаю, сошло бы прекрасно. Сили на крыше, укрытый ветками сирени, чувствовал бы себя уверенно и спокойно, воображал бы, что устроил засаду. Но мы разговаривали у калитки, и лошадь, заскучав, начала посматривать по сторонам. Она была шестнадцати ладоней в холке, и ее нос находился как раз на уровне крыши угольного сарая. Увидев Сили, она с интересом наклонила уши вперед и осторожно вытянула шею, чтобы разглядеть его получше.

Я, сосредоточившись на лошади, сказала весело:

— Ну-ка, Сили, подойди, познакомься с Майором!

Мне и в голову не пришло, что Сили почудится опасность. Всадница, повернувшись лицом к нему, видела, что происходит, но от ужаса онемела и только таращила глаза. Перехватив направление ее взгляда, я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть финал. Сили, перепуганный до полусмерти таким крупным планом чудовища, не карабкался вниз по стенке сарая, как поступило бы большинство кошек. Видимо, решив, что нельзя терять ни секунды, он спрыгнул с крыши, будто у него выросли крылья. И увидела я его в тот момент, когда он описывал в воздухе дугу, а затем с омерзительно громким хлопком шлепнулся на самую середину двора, торопливо вскочил и пустился наутек.

Он даже не ушибся. Да, он уже не был миниатюрным нежным котенком, но все-таки достаточно юным, чтобы перенести такую встряску без вреда для себя. Все идет заведенным порядком, сказал Чарльз вечером. Соломон как-то раз выпрыгнул из окна спальни и приземлился на гортензии, а теперь вот Сили спрыгнул с крыши угольного сарая.

«Заведенным порядком», — смогла я только повторить слабым голосом. Такого ужаса я давно не испытывала. Может, Сили сохранил все свои девять жизней, но я наверняка потеряла одну из моих!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Да уж, все шло заведенным порядком. Прошло не так уж много времени, и Сили — он же впервые увидел лошадь, когда попал к нам, а к таким великанам требуется привычка — точь-в-точь как когда-то Соломон, уже радостно трусил по лесной тропе за учениками школы верховой-езды, а я бросала все и мчалась за ним.

И этим он не ограничился. Как-то раз вновь появился Майор с мисс Хауленд, своей хозяйкой, а рядом бежал боксер. Мисс Хауленд остановилась поболтать, и тут меня подстерегал сюрприз — Сили пролез сквозь прутья калитки, через которую мы разговаривали, и храбро сел на дороге прямо перед Майором. Хочешь, будем Друзьями, спросил Сили, смело глядя вверх на коня. Что же, почему бы и нет, сказал

Майор, опуская морду почти вплотную к нему. Тут к ним подскочил боксер. Мисс Хауленд сказала, что он любит кошек, а потому мы не втащили Сили на нашу сторону калитки с предупреждением соблюдать осторожность, и боксер завилял всем задом, а Сили в ответ попытался придать себе боксерский вид. Конечно, после этого он начнет фамилльярничать с собаками еще больше, сказала я, но эта минута стоит будущих хлопот. Лошадь, собака и котенок дружески общаются на тихой деревенской дороге. Минута, достойная Эдема, и, конечно, даже ангелы улыбаются им...

Впрочем, улыбаться им пришлось бы недолго. Впереди зловеще маячила поездка Сили к ветеринару, и, если бы ангелы услышали его тогда, думаю, они в ужасе позатыкали бы уши.

Собственно, оперировать его следовало бы несколько недель назад. Сначала, после болезни Помадки, мы ждали, не подхватил ли и он инфекцию, ну а потом... откровенно говоря, у меня не хватало духа отвезти этого здорового бойкого котенка к ветеринару. Саджи, наша первая сиамская кошка, мать Шебы и Соломона, погибла после стерилизации. Да, бесспорно, операция, которой подвергают самцов, много проще. Даже стерилизация теперь ничем не чревата. Шеба после нее уже на следующий день резвилась как ни в чем не бывало.

Тем не менее я вспомнила о Саджи и волновалась. Как он перенесет анестезию? Как не кормить его с утра? (Он так страдал, даже если ему приходилось чуть-чуть подождать своей рыбы. А если ему придется пропустить две кормежки, никакой Гамлет с ним не сравнится!) Какого несчастного напуганного маленького котенка отвезем мы домой! И еще долго будем ненавидеть себя — в этом я не сомневалась.

Но откладывать дольше было нельзя. Ему шел седьмой месяц. В любой момент эти невинные

экспедиции среди сосен могли преобразиться в лихие походы в поисках девочек. Он уже начинал проявлять многозначительный интерес к Шебе — гонялся за ней с возбужденным мурлыканьем — мрррр-мрррр-мрр — и бестактно прыгал к ней на шею.

— Миленький малыш, — наивно умилялась мисс Уэллингтон. — Как приятно видеть, до чего хорошо он с ней ладит, не правда ли?

Чересчур уж хорошо, считали мы, а потому записали его к ветеринару на три часа, заставили попоститься, заперев его у себя в спальне, а чтобы он не скучал, посадили к нему Шебу, тайно накормив ее на кухне, и в половине третьего, пропуская мимо ушей его протестующие вопли, что он Ослабел и Умирает от Голода и Куда Бы мы его ни везли, нам очень повезет, если он Доберется Туда Живым, в половине третьего мы тронулись в путь.

И вернулись в половине четвертого. Такое могло приключиться только с нами. Отдавая себе полный отчет в том, сколько микробов может таиться в приемных, а также зная, как сиамы восприимчивы ко всякой инфекции, я оставила Сили в корзинке Шебы в машине с Чарльзом, а сама вошла в приемную ждать нашей очереди. Впереди меня оказались двое. Мужчина с собакой и женщина с пестрой кошкой в открытой корзине. Кошка неподвижно вытянулась на одеяльце.

— Что с ней? — спросила я, уже предвидя ответ.

— Кошачий грипп, — с тревогой ответила хозяйка. — Во всяком случае, так мне кажется.

Она не ошиблась. Дезинфицируя стол, когда она ушла, ветеринар сказал, что это уже второй случай за этот день, а потому нам лучше увезти Сили домой.

— Подождите еще месяц, — сказал он, — пока мы не убедимся, что эпидемия кончилась.

Эпидемия легочного варианта кошачьего гриппа. Против более опасного кишечного типа, естественно,

существует вакцина, и Сили был вакцинирован, как в свое время Соломон и Шеба. Но против легочного гриппа вакцины еще нет, и хотя, как сказал ветеринар, обычные кошки в подавляющем большинстве быстро выздоравливают (пара дней сильного насморка, сказал он, а потом здоровы, как стеклышки), сиамы переносят его очень тяжело.

Благодаря наших ангелов-хранителей, что мы не взяли Сили в приемную, мы отправились домой. Но больше нам благодарить их было не за что. По дороге к ветеринару Сили показал себя — орал, визжал, откусывал от корзинки кусочек за кусочком. Но ведь ему требуется абсолютно пустой желудок, перепугалась я. А уж если он набьет его обломками прутьев...

— Так почему ты не прекратишь это? — сказал Чарльз, не отводя глаз от извилистой дороги.

Пусть сам попробует сунуть туда палец, огрызнулась я, а то два моих чуть там не остались.

А по дороге домой он совсем распоясался. Запрет! — зывал он к проносящимся мимо машинам таким пронзительно-хриплым голосом, что было понятно, почему Чарльз заметил, что его давно было пора кастрировать. Нарочно морят голодом! — объявил он со страстью, которой позавидовал бы и самый великий трагик. Сижу тут сто часов, и Я даже не завтракал! — сообщил он заливщику на бензоколонке. А что, сказал Чарльз, будет с нами, когда мы повезем его в Холсток? Сорок миль подобного — и нам еще очень повезет, если мы не лишимся машины...

Едва мы вбежали с ним в дом, как дали ему поесть. Все еще Цел, радостно сообщил он Шебе между двумя глотками. Да, действительно. Следовательно, ближайшие недели нам предстояло не только ограждать от него Шебу (ей не нравилось, чтобы на нее

прыгали, и часто все завершалось шумной потасовкой), но и следить, как бы Сили не отправился странствовать.

А поскольку, когда он скрывался между сосен, не было ни малейшей гарантии, что выйдет он из них на том же месте, приходилось изобретать всякие превентивные меры. Устраивать облавы, бегая по дороге и склону, точно встревоженные муравьи; стоять над ним, пока он выкапывал в саду ямки, так как после этого он часто ракетой уносился прочь; выступать с имитацией (это была моя обязанность) завываний мартовского кота, которая некоторое время неизменно заставляла его удирать домой...

Сначала я подражала собаке, но как с Шебой и Соломоном в дни их юности, особого успеха это не имело. Да и стоять на дороге и лаять «гав-гав-гав», глядя на пустынный склон... Это как-то не внушает к тебе доверия со стороны собратьев-людей. Прохожие одаривали меня весьма изумленными взглядами.

Но если на то пошло, меня одаривали весьма изумленными взглядами, и когда я подражала котам.

— Мооооау!...Мяууууоу.... Раааааах! — бешено завывала я, а Чарльз тревожно шарил взглядом по лесной тропе. Такой концерт у задней калитки, сопровождавшийся подпрыгиваниями как на раскаленной сковородке и хлопками в ладоши, чтобы Сили поверил, что это я прогоняю кота, не мог не потрясти случайного слушателя. И хотя я перед началом всегда удостоверюсь, что кругом никого нет, дороги в наших краях очень извилисты, и в разгар представления кто-нибудь да появлялся.

Например, мисс Хауленд на Майоре. Да, ее это сильно потрясло. А особенно, как сообщила она мне позже, когда из лесу на открытый склон выдрой выполз на брюхе сиамский кот и, грозно ворча себе под нос, проскользнул в калитку. До чего, хотелось бы ей знать, мы додумаемся в следующий раз?

Ну, от нас это не зависело: просто необходимость вынуждает к изобретательности. Например, после того как около недели мои кошачьи импровизации тут же заставляли его вернуться домой, Сили сообразил, что завываю я. Либо решал, что теперь он стал таким большим, что можно отправиться на поиски этого кота. Как бы то ни было, он перестал обращать внимание на мои концерты, а когда мне требовалось вернуть его домой, так как мы собирались уехать, он решительно направлялся в противоположную сторону, прижимая уши в знак того, что вообще ничего не слышит.

И вот однажды утром, когда я намеревалась покататься верхом и лошадей должны были приготовить к десяти часам, Сили решил, что это самое подходящее время отправиться в путешествие. К Лесу, заявил он, упрямо взбираясь по склону впереди меня. Ни За Что, ответил он в ответ на мои мольбы вернуться. Он же Не Маленький, сказал он, когда в отчаянии я исполнила номер воющего кота. И, чтобы показать, насколько он выше подобных уловок, Сили ликующим прыжком скрылся за деревьями.

Я повторила его прыжок — было уже половина десятого, а стоило потерять его из вида, и, как я знала по опыту, пройдет вечность, прежде чем он появится снова. А он уже вступил под темные своды сосен. О Господи, подумала я, так мы можем пройти мили и мили. Раза два он весело прыгал на стволы. Черт, подумала я, а что, если он взберется на макушку?

Но он не взобрался. Как и Соломон, Сили лазить не умел. Вверх на три фута, и — хлоп! — он уже на земле, делая вид, будто ошибся деревом. И соседнее тоже не то. Просто он показывал мне, на что он способен, стоит ему захотеть. Затем он беззаботно сунул лапу в мышиную норку под опавшей хвоей и тотчас, словно дразнясь, убежал за ствол в нескольких шагах дальше.

Надеюсь,мышь меня простила. Я нашла только один способ помешать Сили и дальше шнырять между деревьями — схватила сухой стебель папоротника и начала сама лихорадочно тыкать им в норку.

— Погляди, Сили, — сказала я вкрадчиво, демонстрируя, как стебель дюйм за дюймом исчезает в норке, а потом, если потянуть его на себя, выдвигается из нее дюйм за дюймом...

Да, это его задержало, хотя он все равно не приблизился на расстояние вытянутой руки (моей руки). Но я его все-таки подманила. Улеглась на спину и притворилась мертвой, слегка подвывая «ухоухоухуу». Прищуренным взглядом я следила за Сили. «Оухоухоухоухуу»... Тут Сили — видимо, я все-таки была ему не совсем безразлична — направился ко мне (хотя и с небрежным видом), прогулялся, тяжело ступая, по моему животу и принялся обнюхивать растеньице под деревом чуть дальше. Бесшумно приподнявшись, я ухватила его за хвост. Сили прыжками покрыл несколько ярдов — и я с ним, крепко держа хвост — как вдруг позади меня испуганный голос произнес:

— Боже... Боже... Боже мой! Я было подумала, что вас сбросила лошадь!

Мисс Уэллингтон. Думая только о том, как бы схватить Сили, я не услышала ее шагов, а она с таким усердием собирала сосновые шишки, что и сама чуть не упала в обморок, увидев, что я в костюме для верховой езды лежу на спине под деревом.

Я все ей объяснила. Мисс Уэллингтон, сама порядочная чудачка, дослушав меня, не заключила, что я окончательно свихнулась.

— Какая замечательная мысль, — сказала она с восхищением. — Когда Чернышка заупрямится и не пойдет домой, я испробую ваш способ.

Я попрощалась и утащила Сили домой — было уже без пяти десять. В конюшню я влетела в самую

последнюю секунду. А вечером сказала Чарльзу, что больше тянуть с Сили никак нельзя. Меня уже начали преследовать кошмары, как он рыщет по лесу в одиночестве.

Так что мы опять договорились, и экспедиция отправилась в путь. Однако с той разницей, что Сили стал на два месяца старше и настолько вырос, что корзина Шебы стала для него мала и нам пришлось купить другую. Мы выбрали похожую на клетку с куполообразным верхом и проволочной дверцей. Нам объяснили, что кошки, не любящие поездок — как прежде Соломон, а теперь и неукротимо идущий по его стопам громкоголосый Сили, — иногда чудесным образом меняются, если могут поглядывать наружу.

Ну, мы и купили эту корзину величиной с добрую собачью конуру (лучше взять попросторнее, сказал Чарльз, ведь неизвестно, каким вымахает Сили). И вот в ней-то на заднем сиденье сжался Сили — словно горошина с черной мордочкой в гигантском стручке, сплетенном из прутьев.

Мне было противно видеть его в ней, как и Сили находиться внутри нее, хотя, надо признать, все-таки не так, как в корзине, непроницаемой для взгляда. А я могла к тому же всовывать пальцы между прутьями, чтобы он грыз их, а не прутья (одеяльца мы в корзину не постелили, чтобы он его не изгрыз). И вот таким порядком мы доставили его с пустым желудком к ветеринару. На этот раз операцию назначали на утро — как особую любезность, чтобы он остался только без завтрака, а не без завтрака и обеда вдобавок. Эпидемия кошачьего гриппа кончилась, а день был теплый, и простуда ему не угрожала.

Единственно, чего мы не успели, это закрепить корзину еще парой ремней. Так что ее опоясывал всего один — точно поперек проволочной дверцы. Но чтобы сделать ее абсолютно силинепроницаемой, требовалось

минимум еще два ремня. Ну, один раз как-нибудь сойдет, решили мы. Ветеринару мы его передадим из рук в руки, а после операции он будет еще не слишком твердо держаться на ногах и вряд ли попытается вырваться на волю. Собственно, потому-то мы и купили корзину так спешно — чтобы ему лежалось вольготно, когда он начнет приходить в себя.

Мы благополучно доставили его к ветеринару, и тот велел нам вернуться за ним перед обедом. Если, сказал он, Сили к тому времени очнется, мы сможем тут же забрать его домой. Если же нет, нам придется еще подождать.

Он предпочел не рисковать: заметив, что на нашей корзине есть только один ремень и зная даже лучше нас, на что способны сиамы, он после операции поместил Сили в клетку — из настоящих прутьев и с задвижкой снаружи, так что выбраться оттуда не было никакой возможности.

То есть до тех пор, пока задвижка оставалась задвинутой. Когда мы вернулись в указанный час, ассистентка пригласила нас сесть в приемной, а она пойдет посмотреть, очнулся ли он. Подавленные крахмальной белизной ее халата и компетентным видом, мы послушно сели — и ракетами взвились из наших кресел, когда несколько секунд спустя она вернулась — куда девался компетентный вид! — и, сжимая окровавленную руку другой рукой, пригласила нас зайти внутрь. Наш котик выскочил из клетки.

Теоретически Сили полагалось бы еще оставаться под некоторым действием наркоза и покорно позволить переложить себя в корзину. На практике же он оказался в полном сознании и крайнем бешенстве. Она открыла клетку, чтобы вынуть его, а он исцарапал ей руку и проскочил в аптеку. Не подпустил ее к себе, сказала она, и рычал на нее — ну, просто жутко.

Никогда еще наши сердца не открывались так нашему Новому Мальчику, как в ту минуту, когда мы увидели его, занявшего боевую позицию в углу аптеки — все еще грогги от наркоза, но готового стоять насмерть. Я окликнула его, и он сразу перестал рычать и позволил нам с Чарльзом взять себя на руки.

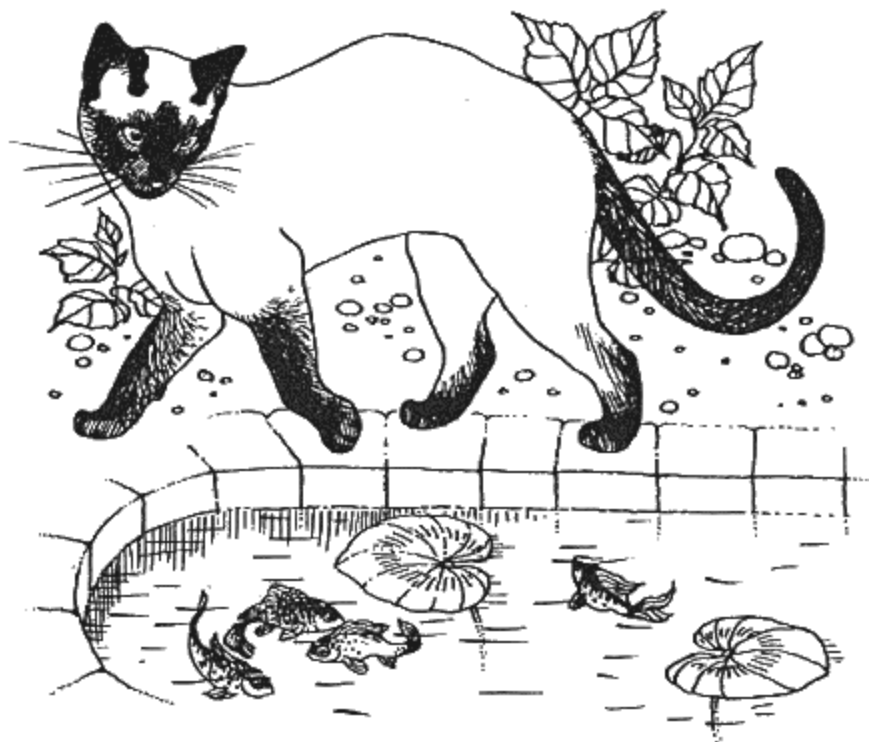
Чувствуя себя последними подонками — в том, что он вырвался из клетки, никто виноват не был, но какой ужас он испытал, когда очнулся в незнакомой клетке и решил, что всеми покинут! — так, чувствуя себя последними подонками, мы отвезли его домой. Он Голоден, заявил Сили, едва мы вошли в прихожую, и сразу же получил полную миску крольчатины. Он Сражался С Разными Людьми! — сообщил он Шебе между глотками, едва ее увидел. Было совершенно очевидно, что сама операция никакого беспокойства ему не причинила.

Но, полагая, что она положит конец его бродяжничеству, мы очень и очень ошибались. Два дня спустя он исчез, а когда мы его отыскивали, то не в лесу — впервые в жизни он небрежно шествовал по дороге.

А я-то думала, что операция прекратит подобное, сурово сказала я, впуская его в калитку. А, так она же Против Девочек, ответил Сили, важно шагая к крыльцу. Теперь, когда они его больше не отвлекают, он сможет наконец стать заправским исследователем неведомых земель.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

И стал, точно так же, как до него Соломон. Когда Соломон был в его возрасте, я строила низенькую кирпичную стенку вдоль дорожки и так часто отрывалась взглянуть, где Соломон, — и при этом откладывала инструменты, что стенка по завершении извивалась змеей.

Теперь стенки я не строила, зато пыталась перекапывать клумбы, и чаще всего это происходило так: совок перевертывает землю — Сили на дорожке, совок еще раз перевертывает землю — Сили по-прежнему на дорожке, в третий раз — Сили все еще на дорожке, в четвертый раз — Сили нигде не видно. Надо полагать, по мановению волшебной палочки, так как никто ни разу не видел, как он убегал. Просто — сейчас он тут, а в следующее мгновение он уже высоко на

склоне устремляется к лесу, или в пяти — десяти шагах дальше по дороге устремляется к деревне, или (чаще всего) его вообще нигде нет, и нам неизвестно, в какую сторону он устремился.

— Надо установить эту вольеру, — повторяли мы, но ведь был еще февраль, не то время года, чтобы котенку сидеть под открытым небом в вольере. А потому я перемежала перекопку клумб погонями за Сили (Сили ведь определенно мой кот, объяснил Чарльз, и к нему не пойдет), а Чарльз занимался плодовыми деревьями.

Уж в этом году, сказал он, урожая он обязательно добьется, а потому (в Долине мы были особенно подвержены заморозкам) принялся укутывать рано цветущие груши. Начал он со старых тюлевых занавесок, памяти о моей бабушке, которые отдала нам тетя Луиза. Войдя во вкус борьбы с заморозками, он, когда занавесок не хватило, пустил в ход дерюжные мешки, которые покупал десятками. Чарльз принадлежит к артистическим натурам, и внешность его не слишком заботила, а потому весной посетители Долины (да и те старожилы, которые давно не проходили мимо) буквально вздрагивали при виде нашего плодового сада — эдакий монастырский двор, полный монахов десятифутового роста в белых и зловеще-бурых одеяниях с капюшонами.

Капюшонами они обзавелись потому, что Чарльз, оберегая цветки от соприкосновения с мешковиной, укрепил один угол огромного мешка на жерди над верхушкой дерева. Простое и, если знать причину, вполне разумное объяснение, но, как обычно, причину мало кто знал. И, как обычно, обитатели деревни по-своему истолковали это явление.

— Пугала, — услышала я, как сообщил один старик другому, когда они остановились у входа в сад.

— А-а! — благодушно отозвался его собеседник, словно тридцать с лишним пугал на одном акре

зрелище самое привычное.

— Развесили, чтобы кошек отгонять, — был еще один мудрый вывод. (Хотя мы до этого еще не дошли, даже и с Сили.)

— Об заклад побьюсь, лошади небось так и шарахаются, — заметил еще кто-то.

— Будто ведьмы на шабаше, — последовал еще один вердикт.

— В темноте на них, не зная, наткнуться, душа в пятки уйдет, — донесся в сумерках удаляющийся голос.

И правда, в лунном свете, посверкивая инеем, они выглядели жутковатыми призраками.

— Вспомнился мне, — сказал старик Адамс, узрев их как-то вечером по пути в «Розу и корону», — папаша Фреда Ферри. Как он на кладбище повстречался с привидением.

А мы даже не слышали, что на кладбище водится привидение, сказали мы. Так оно там и не водится, ответил старик Адамс и приступил к рассказу.

Выяснилось, что много лет назад отец Фреда Ферри, тоже Фред, имел обыкновение напиваться в лоск, а затем отправляться на кладбище и сидеть там на плите, жалуясь себе, какой он грешник.

— До смерти пугал всех женщин, как они расходились с Собрания матерей, — сказал старик Адамс— Хоть они и знали, что это он. От его воя их мороз по коже пробирал.

Ну, и другие мужчины решили проучить старину Фреда, и как-то вечером накануне похорон один из них забрался в только что выкопанную могилу, когда ворота закрыли, а остальные попрятались за памятниками вокруг.

— Ну, значит, идет старина Фред, — продолжал старик Адамс— И стонет, и бормочет, какой он, значит, грешник, и тут вылезает Том в старой простыне и орет, значит, чтобы он покался.

— И сработало? — спросила я.

— Да нет, — сказал старик Адамс задумчиво. — А вот Тому чуть конец не пришел. Старина Фред подумал, что это, значит, привидение, хватъ заступ да и съездил его по башке. «А ну лезь взад, — орет, — сукин ты сын! Нечего по ночам шлаться!»

И всякий раз, когда в сумерках я смотрела на заиндевелые мешки, мне вспоминалась эта история. На вершине холма в деревне тоже возникло таинственное сооружение. Старое школьное здание покрывали новой крышей — оно давно перешло в частное владение, а дети ходили в школу в соседней деревне.

Окружали его небольшие коттеджи вроде нашего, и оно было вдвое выше них. Когда строители окружили бывшую школу лесами, они накрыли все здание сверху брезентовым полотнищем, а затем, поскольку местность у нас холмистая и по лесам хлестал свирепый ветер, закрепили брезент и вокруг лесов. Внутри этого шатра строители работали, попивали чаек на планке в тридцати футах над землей и, судя по доносившимся оттуда звукам, были блаженно счастливы.

Однако снаружи этот гигантский брезентовый куб превратился в еще один предмет для всяческих предположений. Одни решили, что под ним воздвигается статуя.

— Так какой же величины она будет-то... Небось их там всю компашку поставят, — сказал кто-то, наслушавшись разговоров в «Розе и короне», что приходский совет надумали увековечить в камне.

— Супермаркет строят, — заявил другой. Вывод, вполне соответствовавший величине куба.

Разумеется, на самом деле все местные жители прекрасно знали, какая идет стройка — точно так же, как после одного-двух дней осторожных расспросов выяснили, зачем нам понадобились мешки, пусть и делали вид, будто ничего не знают. Но случайных

людей эти сооружения искренне удивляли... да и не только сооружения.

— Ну, я рад, что спросил вас, — заметил один прохожий, когда я объяснила ему про заморозки и новую крышу на школьном здании. — А то я думал, что между ними есть какая-то связь... Ну, а ездовая собака там на холме, запряженная в детскую коляску, ее с Аляски привезли?

Этому также имелось простое объяснение. Дарлинги, ее хозяйева, просто вспомнили о назначении породы своего пса. У него наследственная тяга возить что-нибудь, говорили они. Так зачем толкать коляску перед собой, когда Робу хочется запрячься в нее?

Ну, а пока люди строили предположения о крыше, и защитных мешках, и собаке, видимо тренирующейся для арктического путешествия, я подолгу просиживала на склоне за коттеджем. Я сделала открытие: если я просто сижу где-нибудь, а не гоняюсь за ним, Сили, который все больше ко мне привязывался, затеет игру поблизости — и это обеспечивало нам душевное спокойствие на время, пока я наблюдала за ним.

А наблюдать было большим удовольствием. Уже заметно потеплело, и это была первая весна в жизни Сили. Упоение, с каким он гонялся за бабочками, изумление, с каким он глядел на птиц, радость, с какой он катался по траве и просовывал лапы ко мне между стеблями — все это я делила с ним, делила рай, который он открывал для себя день ото дня. Место ну просто преотличное, говорил он. И он рад, что живет у нас.

Рады были и мы, хотя нам и надо было все время бдеть. Например, как-то раз, когда я за ним не следила, Сили как сквозь землю провалился. Мы искали, мы звали, я исполнила свой кошачий концерт — Сили не отозвался.

— А, он где-нибудь на склоне, — сказал Чарльз. — Я видел, как он бежал в ту сторону.

И вот, внимательно поглядывая на склон, где трава теперь была такой высокой, что отыскать его можно было, только если он этого хотел, мы — хотя и с беспокойством — вернулись к нашим занятиям в саду.

Чуть позже я услышала покаркивание и, подняв глаза, увидела, что по траве бойко прыгает сорока. Одна из пары, состоявшей в приятельских отношениях с Аннабелью и часто что-нибудь клевавшей возле нее, когда она паслась. «Чего-нибудь высмотрела», — подумала я и продолжала полоть. Но через несколько секунд я увидела, что вторая сорока прыгает по траве навстречу первой, и, бросив вилку, я закричала и припустила бегом.

Я не ошиблась. Они подбирались к Сили. Он был в траве чуть дальше. Играли они с ним, или, что было куда вероятнее, он их выслеживал, и они решили проучить его — в любом случае, оказалось очень удачно, что его выслеживала я. Мне доводилось слышать, что сороки нападают на кошек. Одна отвлекает ее внимание, а другая подкрадывается сзади.

Когда я пошла с ним домой, он очень притих и сжимался у меня на руках в незаметный комочек: глаза круглые, как у совы, а уши до того прижаты, что голова выглядела совсем обтекаемой. Больше Гулять Не Пойду, сообщил он... и благодаря этому открыл для себя мальков.

Мы сами их вывели в предыдущем году. После селя, когда мы поместили их в свежую воду, наши золотые рыбки принялись метать икру как безумные. Обычно они тут же ее сами и съедали, но на этот раз ради эксперимента я выловила несколько икринок чайной ложкой и поместила их в чайные чашки для дальнейшего развития. В чайные чашки с отбитыми

ручками, которых у нас хватало, а им требовалось мелководье.

Выглядели они как прозрачные булабочные головки, но через день-два внутри появлялась черная точка, показывая, что они оплодотворены. Согласно справочнику, до появления мальков в зависимости от погоды могло пройти от четырех до четырнадцати дней, но лето выдалось холодное, и, когда прошло почти две недели, а мальки не появились, я добавила воды потеплее.

В результате произошло чудо. Мальки вылупились буквально за секунды. Только сейчас я видела крохотный шарик уже не с точкой, а чем-то вроде реснички внутри, а в следующий момент икринка, опустев, перекатывалась на дне чашки, а ресничка уже снаружи прицеплялась к боку. Несколько дней у нас на подоконнике в кухне стояли в ряд чашки с неподвижными черными ресничками в них, а затем реснички принялись плавать, обзавелись парой крохотных глазок и постепенно волшебным образом превратились в малюсеньких прозрачных рыбок.

Вывели мы их больше пятидесяти, но смертность среди мальков золотых рыбок очень высока: если сохранить десять процентов, это уже большая удача, так что мы могли радоваться, когда сохранили пятерых. Зимой мы держали их в глубокой пластмассовой чаше на верху кухонного буфета. Для прудика они были еще слишком малы: их родственники там мгновенно ими закусили бы, а держать их снаружи в аквариуме не позволял холод.

Чарльз просто влюбился в этих рыбок. Регулярно снимал чашу с буфета, чтобы сменить воду, покормить их, полюбоваться ими. Ну, просто замечательная ребятня, заверял он их, и он выкопает новый прудик специально для них. Но прудик им чуть было вовсе не понадобился. В тот же вечер, когда сороки

выслеживали Сили, он в свою очередь выследил рыбок. На кухонном столе, где Чарльз оставил их, отправившись в столовую поужинать, и где, когда мы вернулись на кухню, Сили радостно занимался рыболовством. Одной передней лапой он стоял внутри чаши, а другая была занесена для молниеносного удара, еще ни одной рыбки он не поймал, хотя занесенная лапа была мокрой насквозь и явно погружалась в воду не единожды, и он не мог понять, с какой стати мы завопили и ухватили его. Не дают поразвлекаться, негодовал он, когда я уносила его из кухни. Не позволяют делать Ничего Интересного! И конечно, стакнулись с этими дурацкими Сороками!

С этих пор мы накрывали чашу проволочной корзинкой для кексов, никогда не оставляли ее на столе и бдительно проверяли, не нашел ли Сили способа забраться на буфет. Так было в доме. А поскольку одновременно нам приходилось следить, чтобы он не гонял Шебу, и, если дело происходило снаружи, не удирал и не охотился на пчел, то наша жизнь, подобно погоде, становилась все более жаркой.

Страхи, которые внушали мне наши собственные пчелы, к счастью, рассеялись сами собой. В начале года Чарльз поднялся к ним проверить, не нуждаются ли они в подкормке, — и не нашел их на месте. Поскольку в улье не валялось ни единой мертвой пчелы, а весь мед исчез, этому могло быть только одно объяснение: пчелы из какого-то улья выше по Долине устроили налет, как водится у пчел, если поблизости есть ослабевший улей, и — как тоже иногда случается — наши пчелы не стали обороняться, а дружески улетели с ними, прихватив оставшиеся запасы меда.

При данных обстоятельствах ничего лучше и придумать было бы нельзя. В Долине хватало пчел, чтобы опылять деревья Чарльза. Чарльзу больше не угрожали пчелиные укусы, поскольку поблизости ульев

не было. У Сили, вздохнула я с облегчением, практически не осталось шансов натолкнуться на улей. То есть на улей с пчелами, поскольку наш пустой так и стоял в плодовом саду.

— Убрали бы вы его, да поскорее, — посоветовал старик Адамс— А то, глядишь, пчелы там подальше зароятся да и снова в нем поселятся.

Однако этого вряд ли стоило опасаться: хозяин тех ульев был специалист.

Но нам приходилось следить за Сили, так как к нам залетали посторонние пчелы, но их бывало куда меньше, чем в прежние дни пчеловодства. Сили, никогда прежде пчел не видевший, естественно, возликовал, обзаведясь столькими товарищами для веселых игр. Он подползал к ним на животе, он взвивался за ними в воздух, он ломал все крокусы, приземляясь после очередного безнадежного прыжка.

Главное было помешать ему, когда он пытался поймать пчелу ртом. Укус в лапу научил бы его оставлять пчел в покое, но укус в нёбо был опасен для жизни. Я читала, что лучшее средство от этого в первые минуты было оливковое масло — наносить перышком, если пчела ужалила в глотку. А потому я уже приготовила пузырек с маслом и перо, хотя надеялась, что воспользоваться ими мне так и не доведется. А тем временем бегала и бегала. За калитку, чтобы забрать его с дороги. Вверх по склону, забрать его оттуда. И снова — потому что он опять погнался за пчелой... вернее, за шмелем, а шмели такие медлительные, что он его чуть было не поймал.

Не даю ему Нисколечко Поиграть, вопил Сили, когда я уносила его туда, где пропалывала бордюры. И был не прав. Я просто хотела знать, что ему ничего не угрожает. Но в конце концов все наши предосторожности оказались тщетными. Сили укусила гадюка.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Повстречался он с ней на пастбище Аннабели за коттеджем. Именно там, где, по нашему убеждению, гадюк никак быть не могло — ведь Аннабель так систематически и часто его обходила, а траву ощипывала до высоты ворса на бильярдном столе. Произошло это прямо на глазах у Чарльза, хотя гадюка осталась невидимой. Он цементировал столб калитки, а я подстригала траву на лужайке, и мы оба посматривали на склон, зная, что Сили где-то там.

Потом Чарльз увидел, как он вышел из-за деревьев у верхней границы пастбища, неторопливо спустился по тропинке и вдруг припал к земле, прижал уши, прыгнул... Пчелу увидел, подумал Чарльз, но теперь мы перестали пугаться пчел, — так как Сили еще ни разу ни одной не поймал.

И почти сразу же он услышал кошачий плач. Где Шеба? В доме, ответила я. Сама я плача не услышала за стрекотом газонокосилки. И вдруг Чарльз крикнул:

— Быстрее! Это Сили!

И он уже бежал туда.

Сили попытался пойти ему навстречу, но только беспомощно спотыкался. И все это время мы слышали его мучительный плач. И он все еще плакал на каждом вздохе с жуткой монотонностью, когда Чарльз добежал с ним ко мне у калитки. Лапа у него уже страшно распухла, и из нее сочилась какая-то жидкость. Мы внесли его в дом и положили на стол в тщетной надежде, что все сведется к пчелиному укусу. Сили уже не мог стоять и плакал, плакал, плакал... У меня чуть сердце не остановилось. Я сказала:

— Господи... гадюка!

Каким-то образом мы дозвонились до ветеринара. Везите его сюда немедленно, сказал он. Так будет быстрее, а он пока все приготовит в операционной. Каким-то образом мы вывели машину, уложили Сили в его корзину и уже мчались по шоссе. Мы не промедлили лишней минуты, и оба были в старой рабочей одежде. Я даже рук не вымыла. Они были все в земле.

На полдороге Сили внезапно затих. Он по-прежнему смотрел на меня совсем круглыми глазами, но уже не такими перепуганными.

— Наверное, его все-таки ужалила пчела, — сказала я, — и зря мы впали в такую панику.

Ветеринар со мной не согласился.

— От пчелиного укуса опухоль была бы поменьше, — сказал он, осматривая ногу Сили, распухшую теперь до самого плеча.

А когда я возразила, что, будь это гадюка, Сили бы давно потерял сознание, он сказал, что вовсе не обязательно. По его опыту, сказал он, собаки и кошки менее чувствительны к яду гадюк, чем принято считать.

Некоторые действительно умирают вскоре после укуса — если, например, укушена была губа, но при укусе в ногу, как у Сили, очень многие из них поправлялись. Остерегаться следует шока, объяснил он. После укуса прошло полчаса, а коллапс не наступил. Он сделает Сили инъекцию кортизона, и нам останется только надеяться на лучшее. Отвезете его домой и обмывайте, обмывайте, и продолжайте обмывать укушенную ногу такой горячей водой, какую он сможет терпеть. А если наступит коллапс, мы должны сразу же позвонить ему.

Коллапс у Сили не наступил, хотя, когда мы привезли его домой и вынули из корзины, при виде того, во что превратилась его нога, я сама чуть не впала в коллапс. И обмывать ногу он не давал. Очень Больно, заявил он и поспешно спрятался под столом. А потому, не зная, можно ли так, но вспомнив все, что мы читали об укушенных змеями людях, которых следовало держать в полной неподвижности, чтобы змеиный яд поменьше циркулировал по организму, мы махнули на обмывание рукой и уложили его у нас на кровати в его любимом гнездышке из свитеров с грелкой, чтобы ему было тепло.

За много лет до этого Шеба вернулась домой с распухшей лапой, и мы тогда подумали, что ее укусила гадюка, и ветеринар сделал ей антигистаминную инъекцию. Но теперь, объяснил он нам в операционной, таких инъекций они больше не делают — некоторые кошки на них плохо реагируют. И противозмеиной сывороткой они тоже не пользуются — некоторые кошки и ее плохо переносят. Установлено, что лучше всего принимать меры против шока.

Но я сознавала только одно, глядя на Сили, который лежал неподвижно, вытянув перед собой больную ногу, смахивающую на диванный валик, обтянутый черным бархатом, — у Шебы нога никогда так не распухала. Она выглядела огромной, а когда я потрогала его за

плечо, он застонал. Либо Шебу укусила не гадюка, либо... Достаточно ли только кортизона?

Оказалось, что достаточно. Наш ветеринар, как всегда, знал, что нужно делать. Нога Сили в какой-то момент стала в четыре раза толще обычного, если не больше. И просто лопнула бы, продолжай она пухнуть, сказала я, в отчаянии глядя на нее. Но коллапса с Сили не произошло. Когда в три ночи мы встали посмотреть, как он, оказалось, что он сидит и поглядывает на нас ясными глазами, а нога начинала приобретать нормальные очертания. Нет, она все еще была распухшей, а лапа вздулась в подобие кулака, но хотя бы перестала смахивать на полицейскую дубинку.

Ко второй половине дня опухоль заметно спала, а вечером он уже ходил, хотя и заметно прихрамывал. А мы все еще не могли оправиться от потрясения, он же чуть не погиб!

— Хватит откладывать, — сказал Чарльз. — Построим наконец эту вольеру.

И мы ее построили. А ради Аннабели обшарили ее пастбище в поисках гадюки, но не нашли никаких ее следов.

— Но почему она-то до сих пор не наступила на гадюку, раз они там ползают? — спросила я.

Потому что от ее шагов земля вибрирует, сказал Чарльз. Гадюка чувствует ее приближение и уползает, но легкая походка Сили ее потревожить не могла. А жидкость, сочившаяся из укуса, была сывороткой, жидкой частью крови, остающейся после свертывания. У Шебы она не сочилась, вспоминали мы. Нет, почти наверное Сили скрестил шпагу с гадюкой.

Ну, мы и воздвигли вольеру. Временную, сказал Чарльз. Постоянной он займется попозже. А сейчас главное — поскорее оградить его от опасностей.

Как и требуется сиаму, она была достаточно обширной — примерно восемь футов на двенадцать, а

высотой в пять футов — в лужайку были вкопаны четыре железных столба, а между ними натянута проволочная сетка с дюймовыми ячейками. Постоянную клетку предполагалось, кроме того, накрыть сеткой — но для этого требовались железные перекладины, чтобы она не провисала. Пока у нас не было времени изготовить перекладины, и мы накрыли вольеру одной из сетей, которыми Чарльз защищал сад от птиц. Нервущейся нейлоновой — Чарльз как раз приобрел несколько десятков их на смену мешкам, спасавшим завязи от заморозков. Заморозки, сказал Чарльз, им больше не угрожают, но чертовы птицы могли разом бы на них наброситься.

Да уж! Снегири, синицы, горлицы налетали на сад стаями. Горлицы покушались только на вишневые деревья, но мелкие птахи шныряли повсюду. Таких цветков — спасибо мешкам Чарльза — им еще видеть не доводилось. И надо было срочно развешивать сети — по несколько на большие деревья. И никаких проволочек, сказал Чарльз, — несколько деревьев уже полностью оголены. Вот почему антигадючья вольера Сили была лишь временной: Чарльз развешивал сети, и у него не оставалось ни одной свободной минуты.

А потому я накрыла вольеру нейлоновой сетью сама, через каждые несколько дюймов привязывая к проволочной сетке, а затем посадила туда Сили для пробы. Он тут же запротестовал. «Беззаконно заперт! Пошлите за полицией! Клаустрофобия!» — взревел он, усевшись как можно прямее у сетки, и продолжал надрываться что есть мочи.

Но выбраться ему не удавалось. Внизу мы закрепили проволочную сетку колышками для палаток, и, как он ее ни исследовал, повытаскивать их не мог. Конечно, не предполагалось, что он будет оставаться там все время. Просто час-другой, когда вокруг могли ползать гадюки или когда погода была такой, что держать его дома не

хотелось, но следить за ним мы по той или иной причине не могли.

В тот первый день все сошло хорошо. Думал, его там заперли Навечно, пожаловался он, когда я его выпустила, но это как будто его не особенно встревожило. Все, казалось, было хорошо и на второй день. Сили сидел в своей вольере; Шеба, предпочитавшая настоящее тепло, спала в машине; я, обретя наконец душевное спокойствие, села писать. Да, мне было спокойно, потому что я твердо знала, где он сейчас, но в остальном... Почти час Сили завывал что есть мочи. Однако затем воцарилась безмятежная тишина. «Привыкает мало-помалу!» — подумала я, повернула голову и увидела, что он, торжествуя, сидит на полу возле меня.

Он взобрался по сетке у одного из угловых столбов, где она была натянута туго, и протиснулся под сетью, о чем нам поведал ее завернутый вверх край. А потому я продернула веревку по верху сети через каждую ячейку, словно приметывая ее. И на следующий день поздравила себя, когда увидела, как он тщетно пытается подсунуть под сеть круглую голову, повиснув на сетке, точно обезьяна. Уж теперь ему не выбраться! А через полчаса, оторвавшись от машинки и поглядев в окно, увидела, что он шествует по лужайке. Вылез у Другого Угла, объявил он победоносно, встретившись со мной взглядом. И правда, когда я вышла посмотреть, сеть была сдвинута у другого столба. Ну, во всяком случае, думала я, твердой рукой прошнуровывая и этот запасной выход, он не додумается попытаться счастья у задней стенки. Просто не сообразит, что это возможно. В его возрасте такой сметки не бывает. Выяснилось, что бывает. Еще два раза он показывался снаружи, будто маленький черный Гудини, так что я прошнуровала все четыре угла, а вдобавок и от угла к углу.

Теперь он уже не мог выбраться. Впрочем, поскольку установилась теплая погода, мы посадили к нему для компании Шебу, и у него пропало желание вылезать оттуда. У них там лежал коврик, стояла миска с водой, миска с едой и ящик с землей (еще и ящик для удовлетворения потребностей Сили), а мы наконец-то обрели мир. Прохожие, конечно, разглядели вольеру за деревьями и принялись строить гипотезы.

— И кого это они туда посадили? — поинтересовался один.

— Не иначе кроликов завели, — сказал другой.

— Да нет, это чтобы нового не покусали, — объявил третий, видимо слышавший про историю с гадюкой.

Мисс Уэллингтон тоже про нее слышала и теперь гуляла в брюках.

— Из-за змей, — объяснила она почтальону. И хотя не было никаких причин, возбранявших ей носить брюки — их ведь теперь надевали дамы и много старше ее (правда, как правило, не столь пронзительно розовые), — но деревня всегда деревня, а до этих пор мисс Уэллингтон появлялась на людях лишь в длинных твидовых юбках, которые только в разгар лета меняла на длинные и пышные муслиновые, так что брюки эти вызвали некоторую сенсацию.

— Змеюкам лучше поостеречься, не то все передохнут, чуть ее увидят, — предположил Фред Ферри.

— Положила глаз на старину Билла Портера, не иначе, — сказал старик Адамс. (Билл Портер был вдовцом, уже разменявшим девятый десяток.)

— Уж как-нибудь поостерегусь, — сказал Билл Портер в ответ на шуточки, а мисс Уэллингтон тем временем порхала в своих брючках среди своих луговых поганок.

А мы, хотя и благополучно разделались с проблемой, как продержат Сили в гарантированной

безопасности час-другой в течение дня, тем не менее должны были бдительно следить за ним, когда выпускали его из вольеры. Нельзя же было все время держать его взаперти. Ему требовалась свобода. И он ее получал, когда я гуляла с ним по лесной тропе, терпеливо сидела поблизости, пока он обследовал живые изгороди, и весело играла с ним в салочки среди кустиков травы.

— Надо бы все-таки приучить его оставаться в саду, — сказал Чарльз, — а не шастать неизвестно где на манер Соломона.

Вот почему лужайку надолго украсила груда палок для подвязывания гороха, а я обновила лунку для мини-гольфа.

Палки были плодом случайности. Чарльз пообрубал разросшиеся ветки орешника возле угольного сарая и временно сложил их на лужайке в ожидании свободного момента, чтобы перетаскать их оттуда. (Ему хватает дела с сетями, сказал он. Чертовы птицы над ним верха не одержат.) Сили не замедлил обследовать палки и заявил, что лучше укрытия для засады не придумать. Едва его выпускали утром, как он гарантированно прятался под ними минут двадцать, а то и больше — подглядывал за птицами, прыгал на пчел, иногда приземляясь на Шебу, так что имело прямой смысл оставить палки там. И они лежат на лужайке до сих пор. Под ними устраивает засады юный кот, а прохожие удивляются, почему мы не уберем эту безобразную груду.

Лунка для гольфа была плодом моей сообразительности. Соломон в юности обожал мини-гольф и часами не покидал лужайку. Мы вкатывали мяч в лунку, а Соломон либо гонялся за ним, либо буквально становился в лунке на голову. Она ему до того нравилась, что как-то в те дни, когда он пристрастился носить поноску, а одна наша гостья хватилась ключей

от машины, мы отыскиали их там, где никто, кроме него, не додумался бы их схоронить — ну, конечно, в лунке для мини-гольфа.

С годами, однако, интерес к мини-гольфу угас. Номера валялись в сарае, лунка давно осыпалась. И вот в надежде, что в Сили пробудится тот же интерес, я отыскала старую лунку, раскопала ее и достала клюшки.

Собственно, это была не просто надежда. У меня было ощущение, что стоит Сили пристраститься к игре, пленявшей Соломона, и это окончательно подтвердит их родство. Наследственный тип поведения, свойственный им обоим, который будет все увеличивать и увеличивать сходство Сили с моим первым другом.

Что-то невероятное! Один удар по мячу, когда все приготовления закончились, — и словно к нам вернулся Соломон. Те же лихие прыжки в погоне за мячом, те же выкамаривания возле лунки, тот же возбужденный прыжок на лужайку, стоило мне в кухне взять клюшку. Шебу мини-гольф никогда не интересовал. Как и Саджи, мать ее и Соломона. Так, значит, я права? И можно найти совершенно такого же?

Теперь еще один крупный силпойнт припадал к земле возле лунки для мини-гольфа, а прохожие изумленно поглядывали через калитку.

— Чего это он там? Во вратари заделался? — осведомился старик Адамс и вдруг добавил, хотя никогда сентиментальностью не отличался: — Ну, совсем как бывало... а?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вот так мало-помалу все новые и новые приятные неожиданности возвращали нас к тому, как бывало. Например, в первое время Сили страшно боялся машин. Вероятно, его мамочка внушила ему, что их надо опасаться. Но как бы то ни было, стоило мимо проехать автомобилю, и Сили, если находился в саду, в ужасе припадал к земле, а затем удибал в дом.

— Ну, хоть от этой тревоги мы будем избавлены, — повторяли мы, памятуя, как Соломону стоило только заметить, что на дороге стоит машина, и он тотчас оказывался под ней, на ней, или — предпочтительнее — если владелец оставил стекло опущенным, то и в ней. Мы глазом не успевали моргнуть. Но вот наступили светлые вечера, люди начали оставлять машины у обочины, чтобы прогуляться в лесу, и — нате вам! —

девятимесячный Сили увлекся моторными экипажами почище Соломона. Под ними, на них... ни одной с опущенным стеклом ему пока не удалось обнаружить, но заглядывал он внутрь сквозь ветровые стекла точь-в-точь как Соломон.

— Ну, просто вылитый он, правда? — говорила я, когда мы бежали забрать его и стереть предательские отпечатки лап с очередной машины.

— Да, — говорил Чарльз. — И ведет себя точно так же. Остается надеяться, что у нас хватит сил на такие пробежки.

Весна теперь переходила в раннее лето. Как ни верти, все равно ничего не добьешься, однажды заявил Чарльз, вернувшись от плодовых деревьев. Он уберег их от заморозков. Он уберег их от птиц. А теперь — угадай-ка! — на одном обнаружил чертову улитку. Прямо под сетью у верхушки — и тянет шею к молодому побегу.

Тем не менее урожай обещал быть хорошим. И погода была теплой, и трава высокой, и Природа просто дышала изобилием. Сили был на седьмом небе. Однажды Чарльз застукал его у ручья, где он блаженствовал, подстерегая пчел. Нашел место, куда они прилетали напиться, и притаился там, наблюдая за ними. В другой раз, заметив, что он сосредоточенно изучает ручей в другом месте — в высокой траве у калитки, — Чарльз осторожно подкрался посмотреть, что там такое... Сили таращил округлившиеся глаза на жабу. Очень большую, сказал Чарльз, и с красивым узором. Нам их видеть доводилось редко.

А теперь еще приближался деревенский праздник, и второй год подряд у нас попросили Аннабель, чтобы катать детей. В первый раз мы согласились не без опасений, потому что ни к чему подобному она не привыкла, однако она вела себя безупречно. На ней катались двадцать восемь раз, и она заработала

четырнадцать шиллингов, а как вкопанная вставала всего два раза. И за минувший год она к тому же прошла курс обучения.

Пятнадцатилетняя девочка, сама прекрасная наездница, давала младшей сестренке уроки верховой езды, заимствуя для этой цели Аннабель, которая теперь стала опытной верховой ослицей.

Брали они ее обычно днем в субботу. Сначала Мэриен вела ее на поводу — хотя, пожалуй, сказать «буксировала» будет точнее, поскольку Аннабель особым рвением не горела. Однако через недели две девочки, вернувшись, сообщили, что Аннабель перешла на рысцу... на настоящую рысь... а однажды, должна с сожалением признаться, мне пришлось услышать, что Аннабель решила поваляться на траве и сбросила Джули. Иногда я наблюдала за ними из окна: теперь Аннабель независимо шествовала впереди, а Мэриен следовала в некотором отдалении. Причем Аннабель явно воображала себя заправской верховой лошастью, а Джули умело ею управляла. Правда, был случай, когда, проходя мимо своей конюшни, Аннабель свернула вправо и скрылась в ней вместе с Джули... Однако Мэриен вошла следом, и в следующую минуту Аннабель безмятежно появилась снова, причем не потеряв свою всадницу.

В целом она была неплохо объезжена, и ее возможное поведение на празднике не внушало нам никакой тревоги. Заботило нас лишь одно: вид у нее должен быть ухоженный, шерсть глянцево блестеть. Аннабели же больше всего хотелось хорошенько изваляться в пыли.

Я чистила ее скребницей. Расчесывала шерсть щеткой, почти не нажимая, чтобы она не осталась вовсе без шерсти — ведь приближалось время линьки. А без обычной мохнатости она будет не похожа на себя. Ну, а после праздника вычешем ее хорошенько.

Так мы предполагали. Затем я заметила, как она лениво почесывает спину о сук, нависавший над ее пастбищем. Не забыть спилить его, сказала я себе. Аннабель, предаваясь размышлениям, любит почесываться, и, если не уследить, она будет смахивать на пуделя. Ну и, разумеется, все это тут же вылетело у меня из головы. А через два дня, когда мы отводили ее на ночь в конюшню, Чарльз вдруг сказал:

— Господи! Только посмотри на ее спину!

Вполне в характере Аннабели. До праздника неделя, а она не просто выдрала шерсть клочьями, она расчесала спину до крови. Но, к счастью, не там, куда мы клали верховую попонку (Аннабель так миниатюрна, что самое маленькое седло ей велико), а как раз у ее верхнего края на холке — там, где расчес будет всего виднее.

— Люди решат, что у нее чесотка, — безнадежно сказал Чарльз. — Честное слово, она это нарочно.

Зная Аннабель, такой вывод казался более чем вероятным, хотя будем к ней справедливы: все животные любят чесаться. Но как бы то ни было, я припудрила расчески борным порошком, чтобы подсушить их, а поверх него добавила талька в надежде, что его запах отгонит мух, и на следующее утро, спилив сук, чтобы ей не обо что было чесаться, отвели ее в таком виде на пастбище, а затем стали ждать неизбежных замечаний по ее адресу.

— И что ж это с ней приключилось? — осведомился старик Адамс, который никогда ничего не пропускает.

— Чем это тут воняет? — спросил Фред Ферри, появившийся в тот же момент, и подозрительно повел носом. А когда я объяснила, они скорбно покачали головами.

— Уж катать она никого не будет, — заключили они.

И попали пальцем в небо. К субботе спина у нее совершенно зажила, и с клетчатым пледом из машины

поверх ее обычного коврика проплешины стали практически незаметными. На этот раз на ней катались тридцать пять раз, и я водила ее по кругу чуть ли не на коленях.

Что же, с этим обязательством было покончено, и теперь, сказал Чарльз, нам следовало подумать об отдыхе. По его расчетам, фрукты и овощи именно теперь можно было на некоторое время оставить без надзора. Сети делали свое дело и не подпускали к ним птиц. Черт побери, в этом году мы будем с яблоками.

И с помидорами, а вот горох выглядел не так многообещающе. К нему повадились полевки и объедали все побеги. В конце концов — этого очень не хотелось, но нельзя же было дать погибнуть урожаю — Чарльз отправился купить мышеловки в ближайший городок и был крайне заинтригован, когда продавец, выслушав его просьбу, начал брать их с прилавка по одной штуке и внимательно осматривать.

— А что, есть получше и похуже? — спросил Чарльз с интересом.

— Не в том дело, — буркнул продавец. — Ребятишки, паршивцы, только и делают, что их заряжают. Вы не поверите, сколько раз они мне пальцы защемляли!

Чарльз без энтузиазма поймал несколько грабительниц, а затем оставшийся горох настолько вытянулся, что перестал интересовать полевок, и мышеловки можно было убрать, и тогда Сили изловил несколько мышек. Тут он оказался проворнее Соломона, хотя упускал их не хуже его. В свое время Шеба была настоящей истребительницей мышей, но теперь это занятие не очень ее влекло, а потому как-то утром ее поведение очень нас изумило. Сили поймал землеройку и, к моему большому облегчению, тут же ее упустил, так что мне не пришлось кидаться на выручку. Шеба томно сидела неподалеку и словно бы даже не

смотрела в ту сторону. Забава для Детей, дни, когда она ловила мышей, Давно в Прошлом, и вообще это Пошлость — вот что она явно подразумевала. И потому я была ошеломлена, когда через некоторое время пришел Чарльз и сообщил, что Шеба, которая давно уже носа за калитку не высывала, сейчас на дороге бок о бок с Сили подстерегает мышь.

— Как, по-твоему, зачем ей это понадобилось? — спросила я.

— Возможно, он пожаловался, что все время их упускает, — сказал Чарльз. — И она повела его туда научить уму-разуму.

Бесспорно, они были очень привязаны друг к другу. Когда Сили, вернувшись из очередной экспедиции, бежал к ней с приветственным «мрр-мрр-мрр», Шеба отвечала более басистым «мррр-мрр». И она по-прежнему была его самой главной красавицей. Часто, когда они сидели рядом, он облизывал ей шерсть за ушами — так любящая мамаша приглаживает волосы своего чада, а потом смотрел на нас с гордостью, явно спрашивая: а ведь хороша?!

Но что она значила для него, мы по-настоящему узнали только в тот день, когда я поместила его в вольеру одного. Они ежедневно проводили там вдвоем некоторое время в течение шести недель без каких-либо недоразумений. Все получилось настолько удачно, что хозяйки Конфетки и Помадки тоже поставили для них вольеру. Этот грейхаунд, объяснили они, является с визитом так часто, что у них просто нервы не выдерживают.

Но в этот день Шеба куксилась. Ей не понравился завтрак. Она хотела спать на нашей кровати. И мы решили не трогать ее, однако погода была великолепная, и просто грех заставлять Сили сидеть дома, сказали мы, и он очутился в вольере один. И сразу же он принялся вопить.

— Потому что с ним нет Шебы, — сказала я. — Вот допишу письма, выпущу его и пригляжу за ним.

Но к тому времени, когда я дописала письма, Сили уже сам себя выпустил. Приподнять пришнурованную сеть ему не удалось, но он влез по проволочной сетке и, цепляясь за поддерживающий столб, прогрыз дыру в сверхпрочном нейлоне. И проделал это очень расчетливо — каждая значимая нить была перекушена в нужном месте.

Раз он додумался до этого, сказала я, нам придется накрыть вольеру настоящей проволочной крышей. Но мы этого не сделали. Наутро Шеба вновь стала сама собой, а потому я заштопала сеть веревочкой, поскольку, по обыкновению, у меня свободной минуты не нашлось бы, и временно посадила их обоих туда, не сомневаясь, что через минуту-другую Сили прогрызет себе путь наружу, но он не стал затрудняться. И просто нежился на солнышке рядом с Шебой, иногда перекачиваясь на бок, или вскакивал, стараясь прихлопнуть муху, словно ему никогда и в голову не приходило выбираться оттуда. И теперь если Шеба (как часто бывает) добровольно отправляется в вольеру — там нет ветра, и расположена вольера так, чтобы туда светило солнце, — Сили обычно шагает прямо за ней, как в былые дни поступил бы Соломон.

На них вместе было очень приятно смотреть, и вне всяких сомнений его общество приносило ей огромную пользу. Без него мы, вероятно, скоро потеряли бы и ее, а вместо этого две-три недели назад впервые за много лет Шеба весело забралась на сливу. Правда, пришлось принести лестницу, чтобы снять ее оттуда, но не из-за ее возраста. Просто была полночь, и, оставь мы ее там, Шеба несколько часов болтала бы с нами и поддразнивала.

Лазить она умеет лучше Сили, Разве Нет? (Еще бы! Она устроилась у самой макушки.) И Забраться за ней

Трудно, верно? (Еще бы! Темной ночью и с фонариком.) И она заставила нас уделить ей много-много внимания, так? Вот что заявила Шеба, когда мы наконец сняли ее с дерева. А в прихожей на окне безутешно сидел Сили и выкрикивал, что Хочет Забраться на Дерево к Шебе.

Да уж, сказал Чарльз, когда мы несли ее в дом. Кто бы подумал, что она опять возьмется за такие проделки? Да она еще не один год проживет, это ясно. Так, кстати, как насчет отдыха? Надо позвонить Фрэнсисам и узнать, когда они смогут взять наших кошек. И он готов держать любое пари, что им не терпится познакомиться с Сили.

Аннабель предстояло отвести на соседнюю ферму, где она гостила, когда мы уезжали отдохнуть, с тех самых пор, как стала жить у нас... С того времени, когда она была такой маленькой, что они соорудили для нее загон, чтобы отделить от коров, а она протиснулась под жердью и обратила стадо в бегство... Или тот год, когда они поместили ее с телками... и тот год, когда они поместили ее с коровами. Предыдущий год был отмечен полным господством Аннабели — мы вернулись, и оказалось, что она верховодит быком.

«Позовите ее от ворот, — предупредила миссис Перси, когда мы пришли забрать Аннабель. — Уильям, он смирный, но всегда лучше поостеречься».

Уильям — еще одна личность. В начале этой весны он пасся со своими супругами на лугу у дороги, а фермер Перси для порядка запирал его на ночь в стойле (не то чтобы Уильям был опасен, но какой-нибудь дурень вдруг да выпустил бы его), а потому среди обычных местных зрелищ было и такое: каждый вечер в пять часов фермер Перси зовет его, помахивая турнепсом, а Уильям, который любил турнепс, как Сили — индюшатину, рысит через луг, полный предвкушения, выходит из калитки, пересекает дорогу и скрывается в коровнике на скотном дворе фермы.

Однако как-то в субботу фермер Перси отправился на футбольный матч и к пяти часам еще не вернулся... Уильям ждал, ждал, ждал... Через двадцать минут окрестности огласил рев быка, требующего свою порцию турнепса. У себя в Долине мы слышали этот рев и не могли понять, что за ним кроется. Потом Уильям, которому стало невмоготу ждать, проломил живую изгородь. Но, к счастью, оказался не на дороге, а в соседнем саду. Когда вскоре после этого фермер Перси вернулся, Уильям все еще фыркал в том саду и требовал свой турнепс, а владельцы бунгало бдительно за ним следили — нет, не опасаясь его ярости, но чтобы он не убежал.

Потому-то нас несколько не удивило, когда мы подошли к воротам и увидели, что он кротко пасется на лугу, где царила Аннабель. Она не доставала ему и до плеча, но все равно она властвовала над ним, коровой и двумя телятами, точно Клеопатра над Египтом. И он проводил ее до самых ворот.

Что мы найдем, когда вернемся в этом году, было известно лишь одному Богу. На ферме появился новый колли, так что ей будет с кем играть, а миссис Перси всегда ее баловала. Не знали мы, и что Сили натворит в Холстоке, а о поездке туда думали без малейшей радости. Будет орать всю дорогу, сказал Чарльз, содрогаясь при одной мысли. Зато там ему понравится, можно не сомневаться... Помнишь, как Соломон и Шеба в первый раз туда приехали, сказал он, и они до того влюбились в ящик с землей, что пожелали спать в нем.

Да, я помнила. Я столько помнила! Нет, мы поступили правильно, что взяли Сили. Он был нужен Шебе. В доме снова все хорошо. И, дописывая эту книгу, я увидела то, что уже никогда не думала увидеть — Сили и Шеба сидели бок о бок на кухне, нежно скрестив хвосты. А если иногда я гляжу туда, где цветут нарциссы и говорю:

— Ах, Соломон... Соломон... Соломон... — Никто
никогда меня не слышит. Я шепчу еле-еле.

